

Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

**НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

**Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ**

№ 2 (62)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2021

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
№ 2 (62). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – 160 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (зам. главного редактора) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва);
П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг –
PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский –
д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof.
(Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов –
д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений
РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев –
д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет
Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород);
Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского);
М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н.,
проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических
исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н.,
проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене –
к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н.,
проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ
им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва);
С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2021

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK
OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD
SOCIAL SCIENCES

No. 2 (62)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2021

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 2 (62). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2021. – 160 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief

A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyeva – PhD, Assistant Prof.; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Puryшева – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenskiy – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:

<http://www.vestnik-soc.unn.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

<i>Никитин Г.С., Скобелев Д.О.</i> Индикаторы устойчивого развития промышленности: региональные аспекты. Позиция Нижегородской области	7
<i>Гавриленко Н.Г.</i> Использование генетического алгоритма для решения задач оптимизации управленческого воздействия в автотранспортной системе.....	14
<i>Коган Л.П., Краснов А.А.</i> Учет искажения информации в процессе формирования управленческих решений при иерархической модели управления экономической системой	20
<i>Мизиковский И.Е.</i> Проактивный мониторинг потребления производственных ресурсов в потоке создания ценности промышленным предприятием	30
<i>Оборин М.С.</i> Гендерные аспекты занятости в промышленном производстве регионов	37
<i>Яшина Н.И., Яшин С.Н., Вилейшикова А.А.</i> Методический инструментарий оценки социально-экономической безопасности регионов на основе формирования системы целевых показателей производственной и непроизводственной сфер развития регионов	45

Социологические науки

<i>Бурханова Ф.Б., Садретдинова Э.В., Мухамадиева Р.Р.</i> Внутрисемейные факторы формирования моно- и бизэтнической идентичностей детей из межнациональных семей	55
<i>Томилин О.Б., Фадеева И.М., Томилин О.О.</i> Исследование (диагностика) социально-психологического самочувствия работников предприятий промышленного кластера	66
<i>Шпилев Д.А., Уваров И.А.</i> Исправительный потенциал отечественной уголовно-исполнительной системы	77
<i>Нотман О.В.</i> Перспективы реализации модели соуправления в российских мегаполисах: новый гражданский активизм и микролокальные городские режимы	86
<i>Вялых Н.А.</i> Социология для повседневности или повседневность для социологии?.....	95
<i>Кильдеев М.В.</i> Проблемы достоверности эмпирических данных о религиозности населения в советской социологии	103
<i>Придатченко М.В., Шалютина Н.В.</i> Семейное образование как кризисная социальная практика	111
<i>Буреева Ю.С.</i> К вопросу типологизации комплаенс-систем в отечественных компаниях	120
<i>Ивашечкина Д.Е.</i> Семейные ценности верующих и неверующих студентов	124
<i>Рябинская Е.С.</i> Семейные обязанности сквозь призму статусно-ролевого подхода.....	133

Педагогические науки

<i>Митрофанов В.В.</i> «Вы любимый учитель, Вы великий авторитет...»: письма В.А. Волкович С.Ф. Платонову (август 1909 – июль 1929 гг.)	140
<i>Швец И.М., Дятлова К.Д., Сеницына Ю.В., Стручкова И.В., Колпаков И.А.</i> Проектно-ориентированное обучение как инструмент формирования и развития исследовательских навыков студентов-биологов.....	152

CONTENTS

Economic sciences

Nikitin G.S., Skobelev D.O. Sustainable industrial development indicators: regional experience standpoint of the Nizhny Novgorod region.....	7
Gavrilenko N.G. The use of a genetic algorithm to solve the problems of optimizing an exposure in a motor transportation system	14
Kogan L.P., Krasnov A.A. Taking into account information distortion while making managerial decisions in the hierarchical model of economic system management	20
Mizikovskiy I.E. Proactive monitoring of production resources consumption in the flow of value creation by an industrial enterprise	30
Oborin M.S. Gender aspects of employment in industrial production in regions.....	37
Yashina N.I., Yashin S.N., Vileishchikova A.A. Methodological tools for assessing the socio-economic security of regions based on the formation of a system of target indicators of production and non-production areas of regional development.....	45

Sociological sciences

Burkhanova F.B., Sadretdinova E.V., Mukhamadieva R.R. Intra-family factors of formation of mono-ethnic and bi-ethnic identities of children from interethnic families.....	55
Tomilin O.B., Fadeeva I.M., Tomilin O.O. Studying (diagnosing) social and psychological well-being of workers employed at industrial cluster enterprises.....	66
Shpilev D.A., Uvarov I.A. The attitude of the personnel of the correctional colonies to the convicted at the modern stage.....	77
Notman O.V. Possibilities for implementing a co-governance model in Russian megapolises: the new civic activism and microlocal urban regimes	86
Vyalykh N.A. Sociology for everyday life or everyday life for sociology?	95
Kildeyev M.V. Reliability concerns of the empirical data on religiosity of the Soviet people.....	103
Pridatchenko M.V., Shalyutina N.V. Family education as a crisis social practice	111
Bureeva Y.S. On typology of compliance systems in Russian companies	120
Ivashechkina D.E. Family values of religious and irreligious students	124
Ryabinskaya E.S. Family responsibilities through a status-role approach.....	133

Pedagogical sciences

Mitrofanov V.V. «You are a favorite teacher, You a great authority ...»: V.A. Volkovich's letters to S.F. Platonov (august 1909 – july 1929).....	140
Shvets I.M., Dyatlova K.D., Sinitsyna Yu.V., Struchkova I.V., Kolpakov I.A. Project-based learning as a tool for research skills of biology students formation and development	152

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.2

DOI 10.52452/18115942_2021_2_7

ИНДИКАТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ. ПОЗИЦИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2021 г.

Г.С. Никитин, Д.О. Скобелев

Никитин Глеб Сергеевич, к.э.н.; губернатор Нижегородской области
Скобелев Дмитрий Олегович, к.э.н.; директор Научно-исследовательского института
«Центр экологической промышленной политики», г. Мытищи, Московская область
training@eipc.center

*Статья поступила в редакцию 10.06.2021**Статья принята к публикации 17.06.2021*

Статья посвящена обсуждению индикаторов устойчивого развития, отражающих региональную промышленную экологическую и климатическую политику. Прослежена взаимосвязь целей устойчивого развития и национальных целей развития Российской Федерации. Рассмотрены особенности проектов устойчивого развития, реализуемых на территории Нижегородской области. Подчеркнута целесообразность применения комплексного критерия для дофинансовой оценки проектов «зеленого» финансирования в Российской Федерации и необходимость учета национальных целей устойчивого развития при установлении показателей, которым должны удовлетворять «зеленые» проекты. Прослежена роль наилучших доступных технологий в реализации экологической промышленной политики и климатической политики на национальном и региональном уровнях. Проанализированы подходы Организации экономического сотрудничества и развития к формированию системы индикаторов для оценки результативности климатических действий. Предложено включить в эту систему индикаторы, характеризующие ресурсную эффективность экономики, внедрение наилучших доступных и перспективных технологий, формирование промышленных симбиозов и производство продукции из вторичных ресурсов, а также аспекты подготовки и повышения квалификации кадров.

Ключевые слова: устойчивое развитие, Нижегородская область, экологическая промышленная политика, климатическая политика, ресурсная эффективность экономики, «зеленое» финансирование, индикаторы мониторинга климатических действий.

Введение

Год назад, 21 июля 2020 г. Владимир Путин подписал указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1]. Цели гармонизированы с международно принятыми целями устойчивого развития (ЦУР) [2], а для их достижения сформулированы практические задачи, которые подлежат выполнению на всех уровнях – организации, муниципалитета, региона, промышленной ассоциации и отрасли [3]. Национальные цели развития России, как и цели устойчивого развития, сбалансированы (в этом и состоит суть устойчивого, гармоничного экономического, социального и экологического развития), и для каждой из них разработаны численные показатели, которые должны быть достигнуты к 2030 г. На территории каждого субъекта Российской Федерации выполняются национальные и федеральные проекты, охватывающие все стороны жизни, все отрасли экономики [4]. В отчете Организации экономического сотрудничества и развития

(ОЭСР) «Территориальный подход к целям устойчивого развития» [5] подчеркнуто, что органы власти определяют приоритетные цели в диалоге с общественностью, деловыми кругами, экспертным сообществом.

Цель исследования, описанного в данной статье, – анализ международных и российских подходов к стимулированию проектов устойчивого развития (в том числе климатических проектов) и подготовка предложений по применению индикаторов, учитывающих специфику промышленно развитых регионов (на примере Нижегородской области), в системе оценки результативности климатических действий ОЭСР.

Методические подходы

В исследовании применяются методы анализа и синтеза, характерные для прикладных работ в области экономики устойчивого развития. Сочетание этих методов дает возможность реализовать комплексный подход к новому для Российской Федерации объекту исследования –

системе «зеленого» финансирования проектов, направленных на повышение ресурсной эффективности и сокращение выбросов парниковых газов, а также других проектов эколого-технологической модернизации промышленности и адаптации к климатическим изменениям. Разработка системы критериев для оценки результативности климатических действий представляет собой научно-практическую задачу, к обсуждению вариантов решения которой необходимо привлечь широкий круг экспертов – экономистов, социологов, экологов. Данная статья – первая публикация, посвященная системе индикаторов для оценки результативности климатических действий, к разработке которых в 2021 г. приступили эксперты ОЭСР при участии российских специалистов.

Задачи устойчивого развития Нижегородской области.

Экологическая промышленная политика

Нижегородская область – один из наиболее экономически развитых регионов РФ. Несмотря на то что в области нет крупных месторождений полезных ископаемых, экономика региона стабильно развивается. Нижегородская область относится к числу ключевых промышленных центров России; в регионе работают машиностроительные, химические и нефтехимические предприятия, объекты энергетики, целлюлозно-бумажной, металлургической, легкой, пищевой отраслей. Область обладает уникальным научно-техническим потенциалом и мощной образовательной базой. В научных разработках участвуют университеты (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия и другие вузы), исследовательские институты Российской академии наук, более 60 отраслевых научно-исследовательских институтов, проектные и конструкторские организации [6]. Структура региона, с одной стороны, открывает возможности для ускоренного экономического развития, а с другой – требует постоянного внимания к обеспечению ресурсной и экологической эффективности производства, к охране водных и лесных экосистем, к восстановлению объектов накопленного экологического вреда [7, 8].

В соответствии с принципами экологической промышленной политики (ЭПП), на уровне предприятий требования к ресурсной и экологической эффективности определяются требованиями наилучших доступных технологий (НДТ)

[7, 8]. Промышленность Нижегородской области активно участвовала в разработке информационно-технических справочников по НДТ, более того, в 2015–2018 гг. в Нижнем Новгороде и Дзержинске была организована серия семинаров, в ходе которых обсуждались подходы к установлению технологических показателей НДТ, достижимых и одновременно стимулирующих предприятия к эколого-технологической модернизации. Потребление энергии и природных ресурсов (сырья) на единицу продукции и эмиссии загрязняющих веществ – это показатели НДТ, которые складываются в показатели устойчивого развития предприятия. Именно с этой точки зрения они рассматриваются в открытой нефинансовой отчетности, которую выпускают ведущие компании, в том числе ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Сибур», AGC Glass, АО «Объединенная металлургическая компания». На территории Нижегородской области функционируют такие объекты этих компаний, как ООО «ЛУКОЙЛ-Нижегороднефтеоргсинтез», ООО «СИБУР-Кстово», ООО «Эй Джи Си Борский стекольный завод», Выксунский металлургический завод [6]. В настоящее время в г. Выксе строится завод «Эколант», металлургический комплекс полного цикла, на котором будет реализована «зеленая» технология производства стали методом прямого восстановления железа. Пуск производства намечен на конец 2025 г.

При переходе к региональному уровню следует говорить уже о формировании экономических кластеров и промышленных симбиозов, в которых отдельные объекты связаны между собой потоками вещества и энергии. В статье, опубликованной в 2020 г. в журнале «Экология и промышленность России», описан проект «Зеленые кейсы» (ситуационные исследования), посвященный систематизации опыта повышения ресурсной эффективности и сокращения негативного воздействия на окружающую среду на региональном уровне за счет модернизации целлюлозно-бумажного предприятия на основе НДТ и вовлечения вторичных ресурсов в экономический оборот [9]. В Нижегородской области также создаются подобные симбиозы – ведется утилизация дымовых газов с производством углекислоты и сухого льда, работают линии по переработке тары из полиэтилентерефталата. В планах области – активное расширение таких направлений работы.

Все упомянутые проекты следует рассматривать как экологически целесообразные, ресурсная и экологическая эффективность предприятий-лидеров и промышленных симбиозов выше, чем в среднем по отрасли, а в ряде случаев – чем у аналогичных предприятий в Европе,

Южной Кореи и Японии. Именно такие проекты отвечают принципам ответственного («зеленого») финансирования, которое все чаще называют финансированием для устойчивого развития [10].

«Зеленое» финансирование: направления развития в России.

«Зеленое» металлургическое производство в Нижегородской области

В рамках Национального проекта «Экология» был создан новый для России «зеленый» инструмент поддержки промышленности – механизм субсидирования «зеленых» облигаций и «зеленых» кредитов [11]. Кроме того, государственные фонды развития промышленности могут предоставлять предприятиям займы на льготных условиях [12]. Порядок предоставления субсидий предполагает конкурсный отбор инвестиционных проектов с использованием четко обозначенных качественных и количественных критериев, включающих, в том числе, показатели эффективности использования субсидий.

В целом, инвестиционные проекты промышленности должны способствовать достижению целей устойчивого развития, то есть быть экономически обоснованными, направленными на повышение ресурсной эффективности производства, минимизацию негативного воздействия на окружающую среду и снижение или поглощение выбросов парниковых газов [13, 14]. Чем больше доля таких проектов, реализуемых на территории субъекта РФ, тем выше устойчивость промышленности и устойчивость региона в целом.

В целях развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты устойчивого развития в России формируется национальная система «зеленого» финансирования. Роль координатора в данной системе отведена Министерству экономического развития Российской Федерации [15]. В разработке и обсуждении вариантов «зеленой» таксономии (классификации проектов устойчивого финансирования и критериев их отбора) участвуют ведущие российские компании и эксперты.

Ожидается, что в ближайшее время будут приняты методические рекомендации, включающие систему критериев дофинансовой оценки «зеленых» проектов [13]; процесс отбора предложено проводить последовательно, используя несколько критериев:

- соответствие проектов определенным направлениям (отраслям производства) и минимальным требованиям законодательства;

- достижение положительного эффекта от реализации проекта, превышающего законодательно установленные требования;

- соответствие иным критериям, например, направленность проекта на внедрение перспективной «зеленой» технологии или на значительное сокращение выбросов парниковых газов.

Учитывая основные направления развития экологической промышленной политики в Российской Федерации, готовность нормативной правовой базы в области наилучших доступных технологий, наличие 39 отраслевых информационно-технических справочников по НДТ, содержащих показатели ресурсной и экологической эффективности технологий, авторы предложили комплексный критерий для отбора инвестиционных проектов.

Критерий описывается следующей формулой [13]:

$$K_1 \wedge K_2 \wedge K_3,$$

где K_1 – приоритетные направления реализации проектов, соответствующие областям применения наилучших доступных технологий, и наличие разрешительной документации на осуществление хозяйственной деятельности; K_2 – достижение показателей ресурсо- и энергоэффективности, которые лучше показателей, определенных в справочниках НДТ; K_3 – свидетельства выполнения дополнительных требований (например, снижение выбросов парниковых газов) и достижение значительного экологического эффекта от реализации проекта.

Безусловно, экспертная оценка и отбор проектов – сложная и ответственная задача, но несколько предположений в отношении одного из проектов, реализуемых в Нижегородской области, все же можно высказать.

Специальный инвестиционный контракт по строительству электрометаллургического комплекса «Эколант» – первого в России завода «зеленой» металлургии – подписан в июне 2021 г. на Петербургском международном экономическом форуме. Черная металлургия относится к областям применения НДТ, тем самым критерий K_1 выполняется.

«Эколант» – металлургический комплекс, в котором нет коксохимического и доменно-конверторного переделов. Сталь будет производиться из железной руды и природного газа методом прямого восстановления железа. Проект представляет собой единую производственную цепочку «руда – сталь» мощностью 1.8 млн тонн стали в год. Показатели ресурсной и экологической эффективности проекта металлургического завода «Эколант» лучше, чем показатели, установленные в справочнике ИТС 26-2017 «Производство чугуна, стали и ферро-

сплавов» [16]. Таким образом, критерий K_2 выполняется.

Уровень выбросов диоксида углерода на проектируемом металлургическом производстве примерно в три раза ниже, чем уровень, характерный для традиционного доменного производства стали [17], то есть критерий K_3 выполняется. Низкий углеродный след, соответствие мировой и национальной повестке сокращения выбросов парниковых газов, высокая чистота стали и ресурсная эффективность производства станут конкурентным преимуществом нижегородского производителя на зарубежном и отечественном рынках. Однако сравнительный анализ (бенчмаркинг) углеродоемкости продукции черной металлургии в Российской Федерации еще не завершен, хотя именно по результатам его осуществления можно будет обоснованно судить о том, каков средний уровень выбросов парниковых газов в отрасли, каких показателей достигают лидеры и какие национальные цели следует ставить для стимулирования отечественных промышленных предприятий к эколого-технологической модернизации [13, 18].

Оценка действенности климатической и экологической промышленной политики

Мы уже упоминали отчет ОЭСР «Территориальный подход к целям устойчивого развития», выпущенный в 2020 г. [5]. Несмотря на то что в этом документе обсуждаются различия в приоритетах местного, регионального и национального уровней, ограничение выбросов парниковых газов и адаптация к климатическим изменениям в настоящее время присутствуют практически во всех программах устойчивого развития.

В 2021 г. ОЭСР объявила о создании Международной программы климатических действий (International Programme for Action on Climate) [19]. Техническая группа экспертов приступила к разработке системы индикаторов для оценки результативности климатических действий; об этом говорит и само название проекта документа – «На пути к созданию набора индикаторов Организации экономического сотрудничества и развития для мониторинга достижения климатических целей». Подчеркнем, что валовый национальный продукт (ВВП) не входит в перечень обсуждаемых индикаторов, в то время как углеродоемкость, во многом определяемая ресурсо- и энергоемкостью, предлагается оценивать как на национальном (ВВП), так и на региональном (ВРП) уровнях.

Категории, на которые подразделены индикаторы, таковы (см. рис. 1):

- 1) индикаторы, характеризующие движущие силы (драйверы) климатических действий;
- 2) индикаторы, характеризующие эмиссии;
- 3) индикаторы, отражающие риски и наиболее уязвимые социально-экономические и экологические системы;
- 4) индикаторы, характеризующие воздействие на состояние здоровья и благосостояние населения;
- 5) индикаторы, отражающие изменения в состоянии экологических систем и окружающей среды;
- 6) индикаторы, характеризующие решения, направленные на смягчение воздействия на климатическую систему (ограничение выбросов парниковых газов);
- 7) индикаторы, отражающие подходы к адаптации и обеспечению жизнестойкости (прежде всего социально-экономических систем);
- 8) индикаторы, описывающие возможности, возникающие в связи с климатической деятельностью (новые виды производства, работ, услуг, новые рабочие места, направления подготовки кадров и пр.).

Категории индикаторов 3, 4, 5 получают отражение в национальных докладах об изменении климата в Российской Федерации и национальных докладах о состоянии окружающей среды, которые разрабатывают Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России) и подведомственные ему организации (в том числе Институт глобального климата и экологии им. Ю.А. Израэля и Главная геофизическая обсерватория им. А.И. Воейкова), а также Министерство здравоохранения.

Категория 2 до настоящего времени относилась преимущественно к ведению Минприроды России, данные для кадастра собирались на региональном и отраслевом уровнях. Но, в связи с принятием законодательства об ограничении выбросов парниковых газов и формированием ведомственных аналитических центров, акцент будет перенесен на работы по определению углеродоемкости продукции и технологий, выполняемые под руководством этих центров.

С точки зрения развития промышленности ключевую роль для мониторинга результативности деятельности в области изменения климата играют индикаторы, характеризующие движущие силы (драйверы) климатических действий (категория 1), и индикаторы, отражающие технологическое состояние и ресурсную эффективность экономики (категория 6), не только тесно связанные с индикаторами эмиссий (категория 2), но и определяющие их. В связи с тем, что Россия – страна, территория которой распо-

Рис. 1. Категории индикаторов для мониторинга результативности климатической политики и действий

ложена в различных географических и климатических зонах, а экономика каждого субъекта РФ включает широкий спектр отраслей, вопросы адаптации к климатическим изменениям (категория 7), создания новых секторов промышленности, новых работ и услуг, новых направлений подготовки кадров (категория 8) также имеют большое значение.

Первым пилотным регионом, в котором проводится эксперимент по регулированию выбросов и поглощений диоксида углерода, стала Сахалинская область. Можно предположить, что в ближайшее время индустриально развитые субъекты Российской Федерации будут проявлять интерес к отработке технологий, направленных на повышение ресурсной эффективности и сокращение выбросов парниковых газов. В этом случае индикаторы для мониторинга результативности деятельности в области изменения климата пройдут апробацию на региональном уровне. Например, для Нижегородской области в число таких индикаторов можно включить:

– углеродоемкость валового регионального продукта и углеродоемкость продукции:

- индикаторы, характеризующие углеродоемкость продукции металлургической, нефтехимической промышленности; высокотемпературных неметаллических материалов (таких как керамические изделия, стекло); продукции целлюлозно-бумажной промышленности;

- индикаторы, характеризующие ресурсную эффективность указанных отраслей промышленности, выпускающих углеродоемкую про-

дукцию; ресурсную эффективность следует оценивать с помощью показателей наилучших доступных технологий, установленных в информационно-технических справочниках по НДТ;

– действенность экологической промышленной политики (в России повышение ресурсной эффективности промышленности и внедрение наилучших доступных технологий относится к сфере экологической промышленной политики; действенность этой политики уже оценивается совместно с ОЭСР в рамках выполнения международного проекта [20]):

- рост числа промышленных симбиозов, в которых для производства продукции используются вторичные ресурсы;

- доля продукции, производимой с использованием вторичных ресурсов, от общего объема произведенной продукции;

- апробированные технологии сокращения выбросов парниковых газов и повышения ресурсной эффективности производства и адаптации к климатическим изменениям;

– адаптация к климатическим изменениям:

- учет аспектов адаптации к климатическим изменениям в региональной, а также в корпоративных и отраслевых программах развития;

- разработка и реализация программ подготовки и повышения квалификации кадров в области адаптации к климатическим изменениям и ограничения воздействия на климатическую систему (индикатор связан с категориями 6, 7 и 8, но аналогов в документе, предложенном Технической группой экспертов ОЭСР, не имеет).

Индикаторы, характеризующие ресурсную эффективность промышленности, действенность экологической промышленной политики и разработку программ подготовки и повышения квалификации кадров в области ограничения воздействия (преимущественно технологического) на климатическую систему [21], целесообразно обсудить с Технической группой экспертов ОЭСР. Поддержать включение таких индикаторов в Программу климатических действий могут государства-участники Евразийского экономического союза.

Заключение

Субъекты Российской Федерации вносят определяющий вклад в реализацию российской промышленной, экологической и климатической политики. Именно в регионах функционируют крупнейшие промышленные предприятия, выполняются экологически и социально значимые мероприятия, а в последнее время – разрабатываются планы адаптации к климатическим изменениям. Национальные цели развития Российской Федерации гармонизированы с международно принятыми целями устойчивого развития, и для их достижения необходимо обеспечить активное участие всех заинтересованных сторон как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях.

В Нижегородской области реализуется целый ряд «зеленых» и климатически значимых проектов устойчивого развития. В число этих проектов входит строительство металлургического завода «Эколант», первого в России завода «зеленой» металлургии, проекты экологотехнологической модернизации нефтехимических, целлюлозно-бумажных, стекольных и машиностроительных предприятий. Подобные инициативы уже получают финансовую поддержку (специальный инвестиционный контракт СПИК 2.0 заключен для финансирования строительства завода «Эколант») и должны рассматриваться как проекты, отвечающие требованиям ответственного, в том числе «зеленого», финансирования. Для отбора проектов следует использовать комплексный критерий дофинансовой оценки, учитывающий отраслевую принадлежность проекта, соблюдение показателей ресурсной и экологической эффективности, установленных в справочниках по наилучшим доступным технологиям, а также достижение дополнительного эффекта (например, сокращение выбросов парниковых газов, внедрение инновационной технологии и др.). Анализ подходов ОЭСР к формированию системы индикато-

ров для оценки результативности климатических действий свидетельствует о том, что в эту систему следует включить индикаторы, характеризующие ресурсную эффективность экономики, внедрение наилучших доступных и перспективных технологий, формирование промышленных симбиозов и производство продукции из вторичных ресурсов, а также аспекты подготовки и повышения квалификации кадров. Применение этих индикаторов позволит оценивать результативность промышленной, экологической и климатической политики на федеральном и региональном уровнях.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 08.06.2021).
2. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Российская Федерация. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2020. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 08.06.2021).
3. Бобылев С.Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 23–29.
4. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономики. 2020. № 1. С. 67–83.
5. A Territorial Approach to the Sustainable Development Goals: Synthesis report, OECD Urban Policy Reviews. Paris: OECD Publishing, 2020. DOI: 10.1787/e86fa715-en.
6. Нижегородская область в цифрах 2021. Краткий статистический сборник. Нижний Новгород: Федеральная служба государственной статистики, 2021. URL: https://nizhstat.gks.ru/publication_collection/document/29431 (дата обращения: 08.06.2021).
7. Мантуров Д.В. Устойчивый экономический рост: аспекты гармонизации промышленной и экологической политики России // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 4. С. 132–140.
8. Никитин Г.С., Осьмаков В.С., Скобелев Д.О. Согласование экологической и промышленной политики: глобальные индикаторы // Компетентность. 2017. № 7 (148). С. 20–28.
9. Кряжев А.М., Гусева Т.В., Тихонова И.О., Очеретенко Д.П., Алмгрен Р. Целлюлозно-бумажное производство: устойчивое развитие и формирование экономики замкнутого цикла // Экология и промышленность России. 2020. Т. 24. № 11. С. 48–53.
10. Никитин Г.С., Осьмаков В.С., Скобелев Д.О. «Зеленая» экономика. Совершенствование институ-

циональной инфраструктуры // Компетентность. 2017. № 3 (144). С. 29–33.

11. Постановление Правительства РФ от 30.04.2019 г. № 541 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на возмещение части затрат на выплату купонного дохода по облигациям, выпущенным в рамках реализации инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий, и (или) на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях, а также в международных финансовых организациях, созданных в соответствии с международными договорами, в которых участвует Российская Федерация, на реализацию инвестиционных проектов по внедрению наилучших доступных технологий».

12. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ (ред. от 20.07.2020 г.).

13. Скобелев Д.О., Волосатова А.А. Разработка научного обоснования системы критериев «зеленого» финансирования проектов, направленных на технологическое обновление российской промышленности // Экономика устойчивого развития. 2021. № 1 (45). С. 181–188.

14. Yao Wang, Qiang Zhia. The Role of Green Finance in Environmental Protection: Two Aspects of Market Mechanism and Policies // Energy Procedia. 2016. Vol. 104. P. 311–316. DOI: 10.1016/j.egypro.2016.12.053.

15. Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2020 г. № 3024-р «О координирующей роли

Минэкономразвития России по вопросам развития инвестиционной деятельности и привлечения внебюджетных средств в проекты устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации».

16. Информационно-технический справочник по наилучшим доступным технологиям ИТС 26-2017 «Производство чугуна, стали и ферросплавов».

17. Cavaliere P. Direct Reduced Iron: Most Efficient Technologies for Greenhouse Emissions Abatement // Clean Ironmaking and Steelmaking Processes. Springer, Cham, 2019. P. 419–484. DOI: 10.1007/978-3-030-21209-4_8.

18. Rajala R., Westerlund M., Lampikoski T. Environmental Sustainability in Industrial Manufacturing: Re-Examining the Greening of Interface's Business Model // Journal of Cleaner Production. 2016. Vol. 115. P. 52–61. DOI: 10.1016/j.jclepro.2015.12.057.

19. International Programme for Action on Climate. OECD, Paris, 2021. URL: <https://www.oecd.org/climate-change/ipac/> (дата обращения: 08.06.2021).

20. Best Available Techniques (BAT) for Preventing and Controlling Industrial Pollution Activity 3: Measuring the Effectiveness of BAT Policies, Environment. OECD, Health and Safety, Environment Directorate, 2020. URL: <https://www.oecd.org/chemicalsafety/risk-management/measuring-the-effectiveness-of-best-available-techniques-policies.pdf> (дата обращения: 08.06.2021).

21. Wynes S., Nicholas K. The Climate Mitigation Gap: Education and Government Recommendations Miss the Most Effective Individual Actions // Environmental Research Letters. 2017. Vol. 12. № 7. P. 2–8.

SUSTAINABLE INDUSTRIAL DEVELOPMENT INDICATORS: REGIONAL EXPERIENCE STANDPOINT OF THE NIZHNY NOVGOROD REGION

G.S. Nikitin¹, D.O. Skobelev²

¹Executive Office of Nizhny Novgorod Region

²Research Institute «Environmental Industrial Policy Centre»

The article addresses sustainable development indicators of regional industrial environmental and climate policy and traces interconnections between sustainable development goals and national development goals of the Russian Federation. The special aspects of sustainable development projects implemented in Nizhny Novgorod region are considered. The article emphasizes the expediency of applying a comprehensive criterion for pre-financial assessment of green financing projects in the Russian Federation and the need to take into account national sustainable development goals when establishing indicators for the green projects. The authors pay attention to the role of the best available techniques during the implementation process of environmental industrial policy and climate policy at national and regional levels. The approaches to the formation of a system of indicators for assessing the effectiveness of climate action developed by Organization for Economic Cooperation and Development are analysed. The authors propose to update this system with resource efficiency indicators, indicators of best available and emerging techniques implementation, industrial symbiosis indicators and manufacturing from secondary resources, as well as advanced personnel training.

Keywords: sustainable development, the Nizhny Novgorod region, environmental industrial policy, climate policy, resource efficiency of the economy, 'green' financing, indicators for monitoring climate action.

УДК 656.135

DOI 10.52452/18115942_2021_2_14

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКОГО АЛГОРИТМА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ОПТИМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АВТОТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЕ

© 2021 г.

Н.Г. Гавриленко

Гавриленко Наталья Геннадьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономики и управления персоналом
Омской гуманитарной академии
gng1978@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 05.03.2021**Статья принята к публикации 12.04.2021*

Решается задача обоснования возможности использования инструмента генетического алгоритма с целью выбора оптимальных параметров модели управленческого воздействия в автотранспортной системе РФ для достижения установленных индикаторов развития в условиях цифровизации экономики. Основу исследования составляют обзор научной литературы, изучение информации официальных сайтов органов государственного управления, использование методов анализа, сравнения и обобщения, математической оптимизации и моделирования. *Результаты и выводы:* для выбора оптимальных параметров модели управленческого воздействия предлагается использование генетического алгоритма, как наиболее подходящего в условиях изменяющейся внешней среды при наличии большого массива данных. Научная новизна исследования отражена в представленной схеме информационной базы и адаптации инструмента генетического алгоритма, который в отличие от существующих, не всегда наилучших способов принятия управленческих решений (часто построенных на собственных суждениях работников), позволяет осуществлять выбор оптимальных параметров управленческого воздействия на основе большого массива данных с минимальным участием человеческого ресурса. Автором предложены основные шаги использования генетического алгоритма в интеллектуальном блоке информационной базы: создание начальной популяции хромосом, оценка качества хромосомы, селекция или выбор родителей, генерация потомков, мутация.

Ключевые слова: автотранспортная система, искусственный интеллект, генетический алгоритм.

Введение

На сегодняшний день можно констатировать факт наступления шестого технологического уклада, совпавшего с третьей производственной революцией [1–6]. Ядро данного уклада формируют когнитивные технологии, то есть технологии искусственного интеллекта, имитирующие мыслительные процессы человека. Получение новых знаний, принятие сложных управленческих и технических решений, анализ больших массивов данных – вот ключевые цели создания когнитивных систем [7]. Предшествующие фазы развития технологий, в первую очередь пятого технологического уклада, связанные с развитием информационно-компьютерных, финансовых, управляющих и дистанционных технологий, стали основой для формирования когнитивных технологий. Проникновение нового технологического уклада в хозяйственную практику приводит к трансформации существующих «традиционных» институтов, по Й. Шумпетеру, осуществляется «созидательное разрушение» [8].

Существующие тенденции развития стратегического управления нашли свое отражение в

государственных положениях и проектах. Основным проектом, предполагающим инновационное развитие системы государственного управления, является нацпроект «Цифровая экономика», включающий такие разделы, как «Информационная инфраструктура», «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление» и др.

«Цифровая экономика» представляет собой уникальный проект, который ранее имел лишь зачаточные проявления в РФ, при этом на сегодняшний день уже можно констатировать неотвратимость изменения будущих моделей управления с глубоким и фундаментальным вовлечением цифровых технологий.

Завершающийся пятый технологический уклад и наступивший шестой позволяют сформировать *контур системы управления автомобильным транспортом как цифровую систему управления с элементами искусственного интеллекта.*

«Искусственный интеллект – это система, которая думает рационально [9; 10], думает подобно людям [11; 12] действует рационально [13; 14] действует подобно людям [15; 16]. То есть *искусственный интеллект – это система управления, которая думает и действует по-*

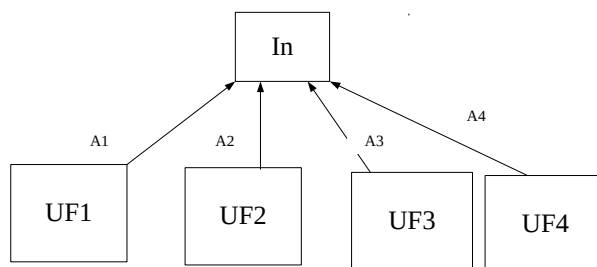

Рис. 1. Модель диагностики, отражающая воздействие функций, осуществляемых органами исполнительной власти для достижения индикаторов развития АТС (предложено автором)

добно рациональным (идеальным) людям, дополняя (подменяя?) основополагающий элемент структуры управления – человека.

Основными инструментами искусственного интеллекта являются следующие.

1. Искусственные нейронные сети чаще всего представлены математическими моделями, построенными аналогично центральной нервной системе человека: используются при прогнозировании, распознавании образов, классификации, оптимизации. При этом большинство коммерческих программных продуктов, использующих данный метод, выполняются в виде сверхбольших интегральных схем и сложны для понимания специалистами в сфере экономики.

2. Нечеткие множества используются, главным образом, в экспертных системах и связаны с качественной оценкой анализируемых процессов. Описание неопределенностей реальных явлений и процессов проводится с помощью понятия о множествах, не имеющих четких границ. Данный инструмент сложен в реализации при использовании многокомпонентной модели управления.

3. Одним из простейших и эффективных инструментов искусственного интеллекта является генетический алгоритм, построенный на механизмах естественного отбора. Генетический алгоритм основан на эволюционном принципе выживания наиболее приспособленных особей, что позволяет нам осуществить выбор варианта модели управленческого воздействия, наиболее приближенного к достижению целевых индикаторов с минимальным расходом ресурсов.

Теоретико-методологические подходы

В работах автора, опубликованных ранее [17, 18], более подробно рассмотрена модель диагностики, отражающая воздействие функций, осуществляемых органами исполнительной власти, для достижения индикаторов развития грузовым автомобильным транспортом (автотранспортной системой (АТС)). Условная модель диагностики представлена на рис. 1.

На рис. 1 отражены четыре множества UF1–UF4, отражающих следующие совокупности функций:

1) разработка и утверждение ограничительных мер: законодательных и нормативно-правовых актов – ограничительные функции (UF1);

2) разработка и утверждение размеров обязательных платежей: налогов, сборов и т.д.; разработка и утверждение размеров поддерживающих мер, в том числе субсидий, дотаций и т.д., системы штрафов – финансовые функции (UF2);

3) функции сбора и обработки информации, построения прогнозов и стратегий на её базе – информационно-аналитические функции (UF3);

4) кадровая политика в регионах (UF4).

Показатели A1–A4 отражают степень воздействия каждой совокупности функций на целевой индикатор (In).

Ключевым инструментом реализации информационно-аналитической функции движения является единая информационная база АТС, представляющая собой совокупность информационных единиц с заданной моделью взаимосвязей и системой управления, где система управления – это программная система, включающая инструменты заполнения данных в информационных базах, их редактирования, поиска нужных элементов информации, а также выбора оптимальных вариантов управленческих воздействий.

Информационную базу управления АТС можно разделить на два основных блока, взаимодействие которых отражено на рис. 2:

– блок 1 (фиксирующий и аналитический) – отражает параметры системы, внешней среды, их взаимосвязи, а также отслеживает фактическое выполнение целевых индикаторов;

– блок 2 (интеллектуальный) – решает задачу выбора оптимальных параметров модели управленческого воздействия.

Информация из первого блока поступает во второй блок, представляя собой информационную базу для использования эвристического алгоритма поиска оптимальных решений (искусственного интеллекта).

Рис. 2. Взаимодействие блоков информационной базы АТС (предложено автором)

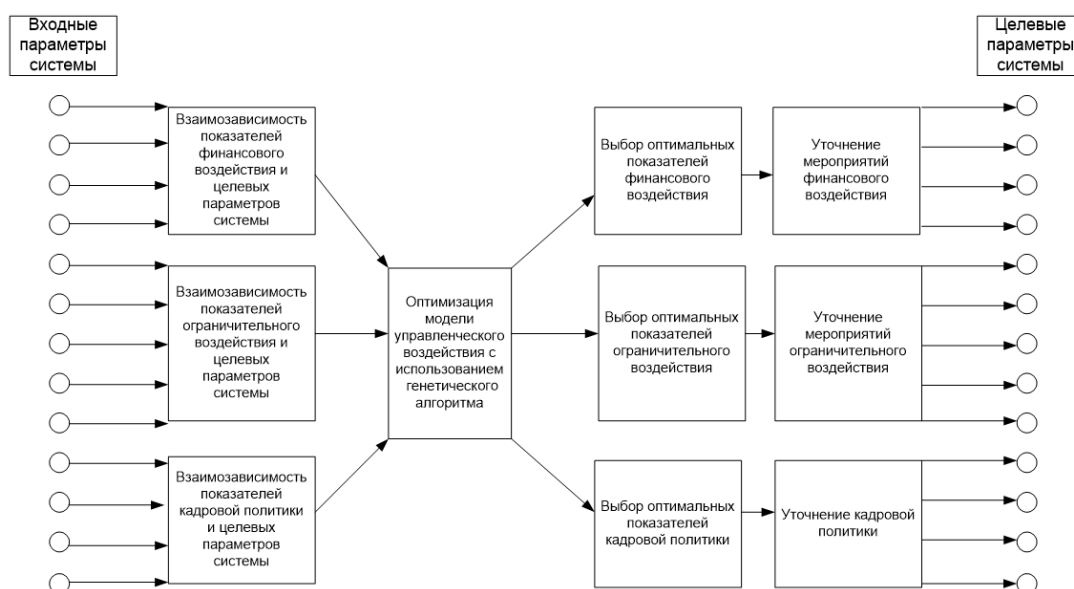

Рис. 3. Схема формирования комплекса мероприятий для достижения целевых индикаторов (предложено автором)

В рамках первого блока можно выделить четыре основных раздела:

- 1) фиксация и хранение заданных параметров;
- 2) фиксация и хранение изменений в рамках ограничительных функций движения;
- 3) фиксация и хранение изменений в рамках финансовых функций движения;
- 4) расчет и хранение показателей взаимосвязи между установленными параметрами.

В рамках второго блока формируется по вышеуказанным направлениям комплекс мероприятий для достижения целевых индикаторов (рис. 3).

На примере одной из основных функций (UF1) рассмотрим использование генетического алгоритма.

Использование данного механизма в информационной базе осуществляется в соответствии с представленной блок-схемой (рис. 4).

Шаг 1: создание начальных множеств решений.

В рамках ограничительной функции рассмотрим возможные варианты подмножества $UF1 = \{eO1, eO2 \dots eON\}$. Каждая единица множества представляет собой мероприятие, оказывающее влияние на достижение установленного индикатора (табл. 1).

Шаг 2. Каждому подмножеству присваивается прогнозируемый показатель расхода финансовых ресурсов и степень воздействия на целевой индикатор. Оценивается общая приспособленность популяции. Для упрощения представим начальное множество (начальную популяцию) (рис. 5).

Шаг 3: селекция или выбор родителей.

Генетический алгоритм для этой цели использует процедуру случайного выбора.

Цель селекции – получить потомка с наибольшим показателем воздействия в усло-

Рис. 4. Блок-схема генетического алгоритма (предложено автором)

виях заданного ограничения ресурсов. Взаимосвязь между индикатором и показателем подмножества, полученным ранее системой, на основании опыта зарубежных автотранспортных систем или экспертным путем накапливается в информационной базе, там же отражается информация о возможном синергетическом эффекте нескольких показателей.

Шаг 4. Создание нового множества решений.

Для примера рассмотрим скрещивание 1 и 5 множества. Пусть точкой скрещивания будет выбранная случайным образом цифра 2 (рис. 6).

Кроссинговер поменяет местами правые части в рассматриваемых множествах, в результате чего получим следующие варианты решений (рис. 7).

Критерием остановки алгоритма является достижение заданного условия или достижение наилучшего результата в установленный временной период.

Шаг 5. Случайное изменение показателя множества – мутация.

Мутация реализует способ, с помощью которого вносится новая информация в новое (сгенерированное) множество решений. Про-

цесс мутации происходит за счет процедуры случайного выбора, при этом значение вероятности и порядок мутации задаются чаще всего очень маленькие, чтобы не получить нереализуемые решения. После мутации сгенерированные множества возвращаются в популяцию для последующих расчетов.

Реализация пяти вышеуказанных шагов использования генетического алгоритма в интеллектуальном блоке информационной базы делает возможным поиск оптимального набора управленческих воздействий для достижения индикаторов развития сложных экономических систем, к числу которых относится АТС. Данный инструмент цифровой экономики, автоматизируя функции стратегического управления развитием АТС, минимизирует участие человека, значительно повышая эффективность познания и обеспечивая реализацию федеральных проектов и программ. Также нельзя не отметить наличие необходимости формирования объемной информационной базы для проведения расчетов, точность показателей которой является залогом успешного использования предложенного инструмента.

Таблица 1

**Множество решений в рамках реализации ограничительной функции
на макроуровне управления АТС (предложено автором)**

Обозначение подмножества	Подмножество	Возможные варианты подмножества
O1	Изменения Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»	1O1, 2O1, 3O1, 4O1...NO1
O2	Изменения Приказа от 1 апреля 2015 г. № 145 «Об утверждении Порядка аккредитации юридических лиц в качестве подразделений транспортной безопасности и требований к ним»	1O2, 2O2, 3O2, 4O2...NO2
O3	Изменения Приказа Минтранса России «Об утверждении Порядка подготовки сил обеспечения транспортной безопасности»	1O3, 2O3, 3O3, 4O3...NO3
O4	Изменения нормативного правового акта, устанавливающего требования к знаниям, умениям, навыкам сил обеспечения транспортной безопасности, личностным (психофизиологическим) качествам, уровню физической подготовки отдельных категорий сил обеспечения транспортной безопасности, а также особенности их проверки применительно к отдельным видам транспорта	1O4, 2O4, 3O4, 4O4...NO4
O5	Изменения Приказа Минтранса России «Об утверждении типовых дополнительных профессиональных программ в области подготовки сил обеспечения транспортной безопасности»	1O5, 2O5, 3O5, 4O5...NO5
O6	Изменения нормативного правового акта, устанавливающего особенности организации и осуществления теоретической, тренажерной и практической подготовки сил обеспечения транспортной безопасности по видам транспорта, методической деятельности по реализации образовательных программ в области подготовки сил обеспечения транспортной безопасности	1O6, 2O6, 3O6, 4O6...NO6

1	1O1	1O2	1O3	1O4	1O5	1O6
2	2O1	2O2	2O3	2O4	2O5	2O6
3	3O1	3O2	3O3	3O4	3O5	3O6
4	4O1	4O2	4O3	4O4	4O5	4O6
5	5O1	5O2	5O3	5O4	5O5	5O6
6	6O1	6O2	6O3	6O4	6O5	6O6

Рис. 5. Начальная популяция решений (предложено автором)

1O1	1O2	1O3	1O4	1O5	1O6
5O1	5O2	5O3	5O4	5O5	5O6

Рис. 6. Отобранные родительские хромосомы для последующего скрещивания (предложено автором)

1O1	1O2	5O3	5O4	5O5	5O6
5O1	5O2	1O3	1O4	1O5	1O6

Рис. 7. Потомок, полученный в результате скрещивания (предложено автором)

Заключение

Рекомендованный выше контур информационной базы, включающий инструмент генетического алгоритма, направлен на повышение эффективности системы государственного управления развитием АТС. Кроме того, необходимо отметить, что применение генетического алгоритма для выбора оптимальных параметров модели управленческого воздействия имеет следующие преимущества перед классическими оптимизационными решениями: хорошо работает при решении крупномасштабных

проблем оптимизации; имеет возможность использования в изменяющейся среде; поиск экстремума целевой функции осуществляется одновременно по многим направлениям путем использования популяции возможных решений, а также не предъявляет каких-либо существенных требований к видам целевых функций и ограничений.

Список литературы

1. Авербух В.М. Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор) // Вестник СтавГУ. 2010. № 71. С. 159–166.

2. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992.
3. Гуриева Л.К. Концепция технологических укладов // Инновации. 2004. № 10. С. 70–75.
4. Лопатников Л.И. Технологический уклад // Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. 5-е изд. М.: Дело, 2003. С. 520.
5. Малинецкий Г.Г. Модернизация – курс на VI технологический уклад // Препринты ИПМ им. М. В. Келдыша. М., 2010. № 41. С. 16–19.
6. Цифровая трансформация экономики и промышленности. Проблемы и перспективы / Под ред. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. 807 с. doi:10.18720/IEP/2017.4.
7. Мешков В.Е., Мешкова Е.В., Чураков В.С. Новый технологический уклад и искусственный интеллект // Вестник науки и образования. 2016. № 5. С. 43–48.
8. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Изд-во «Директмедиа Паблишинг», 2008. 400 с.
9. Charniak E., McDermott D. Introduction to Artificial Intelligence. Massachusetts: Addison-Wesley, 1985. 702 p.
10. Winston P.H. Artificial intelligence. Third edition. Massachusetts: Addison-Wesley, 1992. 680 p.
11. Haugeland J. Artificial intelligence: The very idea. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1985. 287 p.
12. Bellman R.E. An introduction to artificial intelligence: Can computers think? San Francisco: Boyd & Fraser Publishing Company, 1978. 157 p.
13. Poole D., Mackworth A.K., Goebel R. Computational intelligence: A logical approach. New York: Oxford University Press, 1998. 558 p.
14. Nilsson N.J. Artificial intelligence: A new synthesis. California: Morgan Kaufmann, 1998. 513 p.
15. Kurzweil R. The age of intelligent machines. Cambridge: MIT Press, 1990. 580 p.
16. Rich E., Knight K. Artificial Intelligence. Second edition. New York: McGraw-Hill, 1991. 640 p.
17. Gavrilenko N.G., Borodulina S.A. Triads of strategic development of the Russian road transport system // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2020. 918 (1).
18. Гавриленко Н.Г. Моделирование механизмов формирования показателей стратегического развития автотранспортной системы РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 1. С. 14–21.

THE USE OF A GENETIC ALGORITHM TO SOLVE THE PROBLEMS OF OPTIMIZING AN EXPOSURE IN A MOTOR TRANSPORTATION SYSTEM

N.G. Gavrilenko

Omsk Humanitarian Academy

The article looks at the genetic algorithm tool to select the optimal parameters of the model of managerial influence in the transport system of the Russian Federation to achieve the established development indicators in the context of the digitalization of the economy. The research is based on a review of scientific literature, the study of information from the official websites of government bodies, the use of methods of analysis, comparison and generalization, mathematical optimization and modeling. Results and conclusions: to select the optimal parameters of the model of management impact, it is proposed to use the genetic algorithm, as the most suitable tool in a changing environment in the presence of a large amount of data. The scientific novelty of the research is reflected in the presented scheme of the information base and adaptation of the genetic algorithm tool to solve the above problem. The author proposes the main steps for using the genetic algorithm in the intelligent block of the information base: creation of an initial population of chromosomes, assessment of chromosome quality, selection of parents, generation of offsprings, mutation.

Keywords: road transport system, artificial intelligence, genetic algorithm.

УДК 330.46

DOI 10.52452/18115942_2021_2_20

УЧЕТ ИСКАЖЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ ИЕРАРХИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ

© 2021 г.

Л.П. Коган, А.А. Краснов

Коган Лев Петрович, к.ф.-м.н.; доцент кафедры общей физики и теоретической механики
Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета
L_kog@list.ru

Краснов Александр Артемьевич, к.ф.-м.н.; доцент кафедры общей физики и теоретической механики
Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета
krasnov1958@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 02.03.2021**Статья принята к публикации 27.04.2021*

Представлены теоретические исследования информационных процессов с учетом распределенной диссипации информации, введения ложной информации, а также отбрасывания части данных субъектами информационных обменов при формировании управленческих решений. В качестве объекта исследований рассматривалась иерархическая модель управления. При этом распространение информации по элементам иерархии управления было представлено как волновой процесс. Учет искажений и потерь информации при прохождении информации по элементам управления осуществлялся путем введения стохастических параметров, характеризующих степень искажения информации при ее прохождении через границы элементов управления, а также детерминированных коэффициентов поглощения, учитывающих диссипацию информации внутри этих элементов. Использование математического аппарата для описания волновых процессов в приложении к исследованию прохождения информации по элементам управления позволило выявить условия возникновения управленческого хаоса на стадии формирования управленческих решений при информационных обменах субъектов управления.

Ключевые слова: экономическая система, диссипация данных, искажение информации, иерархическая модель управления, управленческий хаос.

Введение

На современном этапе в теории менеджмента наблюдается пересмотр основных факторов, определяющих результативность деятельности экономической системы. Технический и технологический прогресс современного производства обуславливает существенное влияние информации как одного из определяющих факторов экономической деятельности. Рост места информации в системе факторов современного производства обусловил формирование научного направления экономических исследований «Информационная экономика». Концепции «информационной экономики» сконцентрированы на исследованиях влияния информационных и коммуникационных технологий на производительность в различных областях ведения хозяйственной деятельности. По утверждению Т. Стоуньера, «в информационной экономике хозяйственная деятельность – это главным образом производство и применение информации с целью сделать все другие формы производства более эффективными... Лимитирующий

фактор здесь – наличное знание» [1]. Информация, снижая неопределенность хозяйственных взаимодействий субъектов, обеспечивает повышение эффективности процесса принятия решений, что в конечном счете отражается на результатах деятельности экономической системы за счет роста эффективности использования ресурсов и других факторов производства. Следует отметить, что при формировании информации в процессах управления определяющими являются способности человека к восприятию, переработке информации, выработке решений (команд) и их передаче [2]. Поэтому, исходя из принципа ограниченной рациональности Г. Саймона [3] и согласно Дж. Стиглицу [4], информация в обеспечении управленческого решения не может быть совершенной, так как зависит от сознательных действий экономических агентов, их интересов и когнитивных качеств. С позиции этой концепции индивиды как элементы экономической системы имеют свои интересы, которые будут оказывать существенное влияние на их деятельность, направленную на получение дополнительных выгод за

счет искажения информации [5]. В литературе это представляется как проявление «риска безответственности» вследствие наличия асимметричности информации при взаимодействии субъектов информационных обменов [6–8]. При этом информация субъекта информационных обменов в целях обеспечения его интересов конструируется таким образом, чтобы быть привлекательной для других участников информационных обменов. Рассогласование целей и действий отдельных субъектов информационных обменов с общефирменными интересами может являться причиной возникновения управленческого хаоса, приводящего к потере управляемости экономической системы. В общем случае поведение субъекта информационных обменов при формировании управленческих решений, направленное на получение личных дополнительных выгод, может проявляться не только в ведении ложной информации, но и в отбрасывании части данных на фоне диссипативного поглощения информации внутри элементов управляющей системы. В связи со сказанным выше в настоящее время теоретический и практический интерес представляют исследования методологических и научно-методических проблем, позволяющих выявить условия возникновения управленческого хаоса на стадии формирования управленческих решений посредством анализа информационных обменов субъектов управления.

Иерархическая модель информационной подсистемы управления экономической системой

В основу моделирования информационных процессов, сопутствующих формированию управленческих решений, может быть положен тот или иной тип системы. В настоящее время в литературе предлагается обширная классификация типов систем с учетом факторов, максимально влияющих на процесс функционирования системы [9–11]. Следует отметить, что в основном предлагаемые типы систем в концепции моделирования процессов управления рассматриваются как детерминированные. Под детерминированными системами понимают такие, в которых элементы однозначно определены и взаимодействуют строго определенным образом.

В общем случае в интегральном виде экономическую систему (предприятие) мы можем представить как совокупность двух подсистем: информационной и организационно-технологической. Продуктом деятельности информационной подсистемы является информация, обеспечивающая формирование того или иного

управленческого решения, которое реализуется в организационно-технологической подсистеме в виде конкретных действий. Исходя из принципа ограниченной рациональности мы можем утверждать, что информационная подсистема является вероятностной, поскольку есть неопределенность, связанная с возможным искажением информации субъектами информационных обменов при формировании управленческих решений. С другой стороны, организационно-технологическую подсистему необходимо рассматривать как детерминированную технологическим процессом выпуска конкретной продукции. Исходя из этого, декомпозиция экономической системы на две подсистемы, информационную и организационно-технологическую, соответствует разделению экономической системы на вероятностную и детерминированную подсистемы. Таким образом, мы сталкиваемся с дуализмом при исследовании экономической системы в целом, проявляющимся в использовании двух различных, не тождественных и несводимых друг к другу принципов в исследовании подсистем, образующих экономическую систему.

Имеются работы, в которых информационные подсистемы исследуются с позиции кибернетики [12–14]. В рамках данного подхода с целью оптимизации информационных процессов основное внимание уделяется вопросам структурирования процессов прохождения информации по элементам иерархии управления и определения предельных размеров информационных потоков, при которых экономическая система становится неуправляемой. При этом вопросы, связанные с искажением и потерями информации при информационных обменах субъектов управления при формировании управленческих решений, практически не рассматриваются.

В работе [15] для изучения информационных процессов при формировании управленческих решений рассмотрена иерархическая модель управления экономической системой, состоящая из последовательности управляющих элементов (УЭ) с приоритетом звеньев верхнего уровня по отношению к нижележащим. На рис. 1 изображена последовательность управляющих элементов.

Уровень полномочий управляющих элементов убывает в направлении вдоль по оси безразмерной координаты X . Каждому управляющему элементу с номером $m=1, 2, \dots, N$ ставится в соответствие амплитуда A_m , задающая указанный уровень полномочий этого управляющего элемента и убывающая с возрастанием индекса m , а также интервал

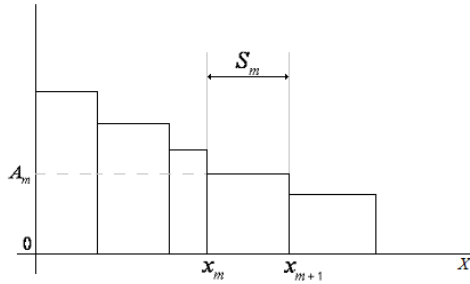

Рис. 1. Иерархическая модель управления экономической системой

$$x \in [x_m, x_m + S_m], \quad (1)$$

определяющий положение этого управляющего элемента в иерархии управления и характерный размер S_m его внутренней структуры.

Полагаем, что каждый из управляющих элементов обладает собственным набором функций и взаимодействует с соседними элементами иерархии управления. В ходе такого взаимодействия возникают обратные связи, совокупность которых влияет на величину информационного потока, прошедшего через все управляющие элементы. В общем случае иерархическую модель управления экономической системой мы можем рассматривать как модель информационной подсистемы управления экономической системы. При этом рассматриваемой иерархической модели управления может быть сопоставлена функция $Z(x)$, которая зависит от двух независимых ансамблей случайных параметров A_m и S_m , $m=1, 2, \dots, N$:

$$Z(x) = \left(1 + \sum_{m=1}^N A_m [h(x - x_m) - h(x - x_m - S_m)] \right). \quad (2)$$

Здесь $h(z)$ обозначает единичную функцию Хевисайда, $x_{(m+1)} = x_m + S_m$, $m=1, 2, \dots, N-1$; $x_1=0$.

Следует отметить, что зависимость вида (2) широко используется при изучении случайных волновых процессов [16–18]. С методологической точки зрения математический аппарат, используемый в [15], может быть полностью применен для исследования информационной подсистемы с целью выявления факта возникновения управленческого хаоса как результата «естественной» диссипации данных и намеренного искажения информации субъектами управления.

По аналогии с [15] будем считать нормированный исходный поток управленческой информации периодическим во времени и зададим его при помощи волновой функции вида

$$F(x, t) = \exp[i(t/t_0 - x)]. \quad (3)$$

Здесь величина t – время, а параметр t_0 – период поступления информации на вход иерархической системы (здесь и далее все используемые временные и пространственные

переменные полагаем безразмерными). Тогда, не учитывая далее в целях краткости записи множитель $\sim \exp(it/t_0)$, который с учетом временной стационарности задачи будет постоянным для всех рассматриваемых величин, обозначим в виде $u(x)$ поток информации от управляющего элемента высшего уровня иерархии управления к низшим (идущий вдоль оси X), а $v(x)$ – поток информации от элемента низшего уровня иерархии управления к высшим (идущий против оси X).

На рис. 2 отображена зависимость между рассматриваемыми потоками информации в бесконечно малой окрестности левой границы $x=x_m$ для управляющего элемента номер m . В целях формализации процесса распространения информации в информационной подсистеме введем в рассмотрение ансамбли величин, определяющих свойства управляющих элементов. Для каждого такого элемента соответствующие параметры считаем независимыми случайными величинами. Пусть T_m – коэффициент прохождения, определяющий для случая волны, падающей на границу $x=x_m$ слева, долю информационного потока, прошедшую через границу элемента управления в сторону увеличения координаты X (рис. 2). Также определим R_m – коэффициент отражения, который для этой волны определяет долю информационного потока, отразившуюся от указанной границы рассматриваемого элемента управления в сторону уменьшения координаты X . Будем считать, что коэффициенту прохождения T_m через данную границу отвечает время задержки $\tau_{m,T}$, а коэффициенту отражения R_m – время задержки $\tau_{m,R}$. Для случая волны, падающей на границу $x=x_m$ справа, в сторону уменьшения X , введем коэффициенты T'_m и R'_m прохождения информационной волны влево и соответственно ее отражения вправо от указанной границы, а также параметры $\tau_{m,T'}$ и $\tau_{m,R'}$, смысл которых аналогичен $\tau_{m,T}$ и $\tau_{m,R}$. Влияние указанных временных задержек при распространении информационных волн по элементам управления будем описывать с помощью операторных множителей $\hat{\Delta}(\tau_{m,T})$, $\hat{\Delta}(\tau_{m,R})$, $\hat{\Delta}(\tau_{m,T'})$ и $\hat{\Delta}(\tau_{m,R'})$, которые могут быть записаны, например, в следующем виде:

$$\begin{aligned} \hat{\Delta}(\tau_{m,T}) &= \exp(-i\tau_{m,T}/t_0), \\ \hat{\Delta}(\tau_{m,R}) &= \exp(-i\tau_{m,R}/t_0), \\ \hat{\Delta}(\tau_{m,T'}) &= \exp(-i\tau_{m,T'}/t_0), \\ \hat{\Delta}(\tau_{m,R'}) &= \exp(-i\tau_{m,R'}/t_0). \end{aligned} \quad (4)$$

Здесь и далее любое указанное время задержки будем считать безразмерной величиной, измеряемой в единицах t_0 (3). Операторы (4) не изменяют амплитуды информационных волн, но обуславливают сдвиг их фазы на величину, пропорциональную времени задержки.

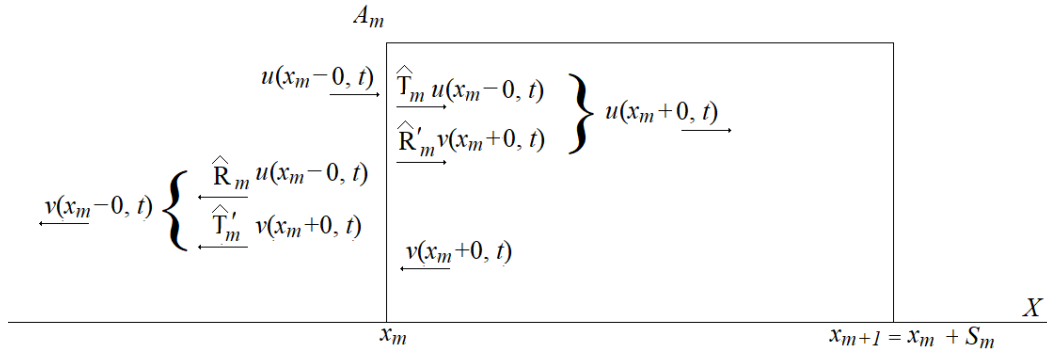

Рис. 2. Информационные потоки в окрестности границы элемента управления с координатой $x = x_m$.
Здесь $u(x_m - 0, t)$ и $u(x_m + 0, t)$ – информационные потоки, распространяющиеся в сторону увеличения координаты x слева и соответственно справа от границы управляющего элемента; $v(x_m - 0, t)$ и $v(x_m + 0, t)$ – информационные потоки, распространяющиеся в сторону уменьшения координаты x слева и соответственно справа от границы управляющего элемента. Наличие операторных множителей $\hat{T}_m$ и $\hat{T}'_m$ сохраняет прежним, а $\hat{R}_m$ и $\hat{R}'_m$ – меняет на противоположное направление соответствующих потоков

Учет искажений и потерь информации в информационной подсистеме при формировании управленческих решений

Для учета искажений и потерь информации в информационной подсистеме введем неотрицательные вещественные независимые стохастические параметры $L_{m,T}$ и $L_{m,R}$, характеризующие степень искажения информации при прохождении через границу $x = x_m$ элемента управления и, соответственно, отражении ее для информационной волны, падающей слева, а также аналогичные величины $L_{m,T'}$ и $L_{m,R'}$ для волны, падающей на данную границу справа. Кроме того, для информационных волн, распространяющихся вдоль и против оси X , зададим вещественные детерминированные коэффициенты поглощения $\kappa \geq 0$ и соответственно $\kappa' \geq 0$, определяющие информационные потери в расчете на единицу оси абсцисс при распространении указанных волн внутри иерархической системы.

В итоге для операторов, описывающих трансформацию информационных потоков при пересечении границы управляющего элемента, можем записать:

$$\begin{aligned} \hat{T}_m &= T_m \hat{\Delta}(\tau_{m,T})(1 - L_{m,T}), \\ \hat{R}_m &= R_m \hat{\Delta}(\tau_{m,R})(1 - L_{m,R}), \\ \hat{T}'_m &= T'_m \hat{\Delta}(\tau_{m,T'})(1 - L_{m,T'}), \\ \hat{R}'_m &= R'_m \hat{\Delta}(\tau_{m,R'})(1 - L_{m,R'}). \end{aligned} \quad (5)$$

Применение этих операторов позволяет ниже записать процесс распространения и многократного переотражения информационных волн в виде компактного произведения матриц. В дальнейшем полагаем $T_m = 1 - R_m$ и $T'_m = 1 - R'_m$.

Следуя логике рассуждений [15], заметим, что для информационных потоков в бесконечно малой окрестности левой границы $x = x_m$ рас-

сматриваемого элемента управления с учетом операторов (5) получаем (см. рис. 2):

$$u(x_m + 0) = \hat{T}_m u(x_m - 0) + \hat{R}'_m v(x_m + 0), \quad (6)$$

$$v(x_m - 0) = \hat{R}_m u(x_m - 0) + \hat{T}'_m v(x_m + 0). \quad (7)$$

После несложных преобразований соотношения (6) и (7) перепишем в виде матричного уравнения

$$\begin{bmatrix} u(x_m + 0) \\ v(x_m + 0) \end{bmatrix} = \hat{a}_m \begin{bmatrix} u(x_m - 0) \\ v(x_m - 0) \end{bmatrix}.$$

Здесь $\hat{a}_m$ есть операторная матрица

$$\begin{aligned} \hat{a}_m &= \begin{bmatrix} a_{m,1,1} & a_{m,1,2} \\ a_{m,2,1} & a_{m,2,2} \end{bmatrix} = \\ &= \begin{bmatrix} \hat{T}_m - \hat{R}'_m \hat{R}_m (\hat{T}'_m)^{-1} & \hat{R}'_m (\hat{T}'_m)^{-1} \\ -\hat{R}_m (\hat{T}'_m)^{-1} & (\hat{T}'_m)^{-1} \end{bmatrix}, \end{aligned} \quad (8)$$

В (8) введен обратный оператор $(\hat{T}'_m)^{-1} = (T'_m)^{-1} \hat{\Delta}(-\tau_{m,T'})(1 - L_{m,T'})^{-1}$, причем операторный множитель $\hat{\Delta}(-\tau_{m,T'})$ означает сдвиг на величину $\tau_{m,T'}$ в сторону уменьшения времени.

После пересечения волной, идущей вправо, точки $x = x_m$ начала области управляющего элемента номер m информация передается к другой его границе $x = x_m + S_m$. И наоборот, после пересечения волной, распространяющейся влево, правой граничной точки $x = x_m + S_m$ начала области управляющего элемента номер m информация передается к его левой границе $x = x_m$. Оба этих процесса описываются транспортной матрицей

$$\hat{b}_m = \begin{bmatrix} \exp[-(i + \kappa)S_m] & 0 \\ 0 & \exp[(i + \kappa')S_m] \end{bmatrix}, \quad (9)$$

удовлетворяющей соотношению

$$\begin{bmatrix} u(x_m + S_m - 0) \\ v(x_m + S_m - 0) \end{bmatrix} = \hat{b}_m \begin{bmatrix} u(x_m + 0) \\ v(x_m + 0) \end{bmatrix}. \quad (10)$$

С учетом (9) и (10) получаем:

$$\begin{bmatrix} u(x_m + S_m - 0) \\ v(x_m + S_m - 0) \end{bmatrix} = \hat{b}_m \hat{a}_m \begin{bmatrix} u(x_m - 0) \\ v(x_m - 0) \end{bmatrix}. \quad (11)$$

Из (11) следует, в частности, следующее соотношение [15]:

$$\begin{bmatrix} u(x_N + S_N + 0) \\ v(-0) \end{bmatrix} = \hat{A}_{1,N} \begin{bmatrix} u(-0) \\ v(-0) \end{bmatrix}, \quad (12)$$

связывающее информационные потоки в точке $x = x_N + S_N + 0$, расположенной справа от «самой дальней» правой границы последнего УЭ иерархической системы, и в точке $x = -0$, находящейся в бесконечно малой окрестности перед началом ее первого элемента. В (12)

$$\hat{A}_{1,N} = \begin{bmatrix} \hat{A}_{1,1}^{(1,N)} & \hat{A}_{1,2}^{(1,N)} \\ \hat{A}_{2,1}^{(1,N)} & \hat{A}_{2,2}^{(1,N)} \end{bmatrix} = \hat{a}_{N+1} \prod_{m=N}^1 \hat{b}_m \hat{a}_m; \quad (13)$$

матрица $\hat{a}_{N+1}$ отвечает переходу волны через правую границу $x = x_N + S_N$ последнего управляющего элемента номер N .

Согласно (12) и (13) получаем выражения

$$\begin{aligned} \hat{T}_{1,N} &= \hat{A}_{1,1}^{(1,N)} - \hat{A}_{1,2}^{(1,N)} [\hat{A}_{2,2}^{(1,N)}]^{-1} \hat{A}_{2,1}^{(1,N)}, \\ \hat{R}_{1,N} &= - [\hat{A}_{2,2}^{(1,N)}]^{-1} \hat{A}_{2,1}^{(1,N)}, \end{aligned} \quad (14)$$

для коэффициентов прохождения $\hat{T}_{1,N}$ и отражения $\hat{R}_{1,N}$, определяющих долю информации, прошедшей сквозь всю иерархическую систему и соответственно отразившейся от нее и вернувшейся в исходную точку $x = -0$. Они удовлетворяют соотношениям

$$u(x_N + S_N + 0) = \hat{T}_{1,N} u(-0) = \hat{T}_{1,N}, \quad (15)$$

$$v(-0) = \hat{R}_{1,N} u(-0) = \hat{R}_{1,N}. \quad (16)$$

В (15) и (16) учтено, что согласно (3) в точке $x = -0$ комплексную амплитуду $u(-0)$ волны, падающей на иерархическую систему слева и определяемой функцией $\mathcal{F}$, при отбрасывании сомножителя $\sim \exp[i t/t_0]$ можем полагать равной единице. Данные соотношения позволяют определять как значение информационного потока, проходящего через всю совокупность управляющих элементов, так и величину его части, отраженной от всей иерархической системы.

Результаты вычислений и анализ влияния искажений и потерь информации на процесс управления экономической системой

Наиболее важной характеристикой управляющей системы, состоящей из N управляющих элементов, является доля $|\hat{T}_{1,N}|$ исходной информации, дошедшей до объекта управления в процессе прохождения и трансформации в пределах рассматриваемой информационной подсистемы. Поэтому далее будем исследовать свойства усредненного модуля коэффициента прохождения $\Theta(R) = \langle |\hat{T}_{1,N}| \rangle$ и стандарта флуктуаций $\sigma_T(R) = \sqrt{\langle |\hat{T}_{1,N}|^2 \rangle - \Theta^2}$ для

сигнала, отвечающего падению волны (3) слева на границу $x = 0$ первого управляющего элемента и принимаемого в точке $x = x_N + S_N + 0$ справа от последнего УЭ. Здесь $R = \langle R_m \rangle$ и все усреднения проводятся по совокупности реализаций; при проводимых ниже расчетах будет реализовано усреднение по 50 реализациям. Для простоты анализа получаемых результатов ниже будет рассматриваться изотропный случай, когда случайным величинам R_m и R'_m отвечают одинаковые распределения (отсюда следует такое же свойство и для T_m и T'_m , и наоборот, см. комментарий к (5)). Аналогичное совпадение, применительно к соответствующим плотностям вероятности, полагаем верным для обеих случайных величин L_m и L'_m , а также для всех четырех времен задержки в (4) для соответствующих потоков информации. Кроме того, будем считать

$$\kappa = \kappa', \quad (17)$$

что отвечает изотропности пространственной диссипации данных.

Далее везде рассматривается прохождение информационного сигнала (3) через иерархическую систему, содержащую $N = 10$ управляющих элементов. При всех значениях $m = 1, 2, \dots, 10$ для соответствующего управляющего элемента принимается условие равномерных распределений значений его ширины S_m на интервале $[0, 20]$, а величин $\tau_{m,T}$, $\tau_{m,R}$, $\tau_{m,T'}$ и $\tau_{m,R'}$ – на интервале $[0, 5]$. Для случайных величин R_m и R'_m задается одно и то же нормальное распределение $\mathcal{N}(R, R/3)$, где $R = \langle R_m \rangle = \langle R'_m \rangle$, усеченное с учетом условий $R_m \geq 0$ и $R'_m \geq 0$.

Рисунок 3 соответствует условию отсутствия дискретных искажений информации в точках границ между соседними управляющими элементами при наличии ее пространственной диссипации, то есть непрерывной потери части данных при распространении и обработке управляющих сигналов внутри информационной системы. Здесь при $L_m = 0$ приведены зависимости среднего модуля $\Theta(R)$ (кривые 1–10) и стандарта флуктуаций $\sigma_T(R)$ (кривые 11 и 12) для значений коэффициента прохождения информации через всю рассматриваемую иерархическую систему. Кривым с индексами 1–10, отвечающим функции $\Theta(R)$, соответствуют значения коэффициента поглощения информации $\kappa = 0,001, 0,002, 0,003, 0,004, 0,005, 0,006, 0,007, 0,008, 0,009$ и $0,010$, который определяет интенсивность пространственной диссипации. В то же время зависимости 11 и 12 отвечают стандарту флуктуаций $\sigma_T(R)$ и построены при $\kappa = 0,001$ (как и кривая 1) и соответственно

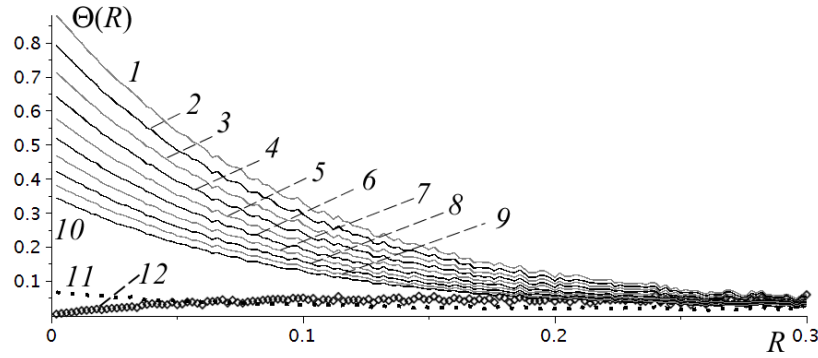

Рис. 3. Изменение усредненного модуля коэффициента прохождения $\Theta(R)$ (кривые 1–10) и стандарта флуктуаций $\sigma_T(R)$ (кривые 11 и 12) при $L_m = 0$. Кривым 1–10 отвечают значения $\kappa = 0,001, 0,002, 0,003, 0,004, 0,005, 0,006, 0,007, 0,008, 0,009$ и $0,010$. Для кривых 11 и 12 $\kappa = 0,001$ и соответственно $\kappa = 0,010$

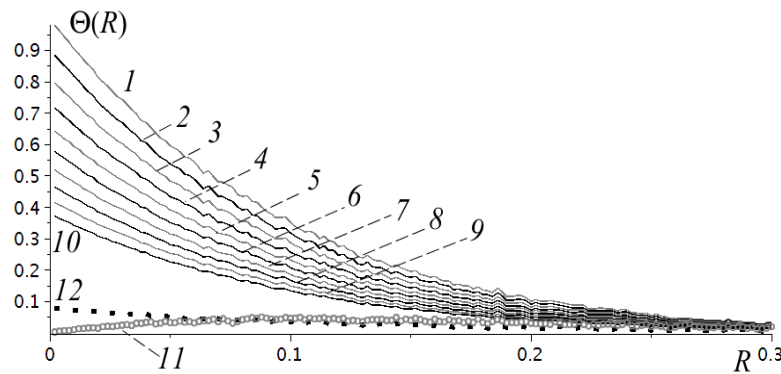

Рис. 4. Изменение среднего значения модуля коэффициента прохождения $\Theta(R)$ (кривые 1–10) и стандарта флуктуаций $\sigma_T(R)$ (кривые 11 и 12) при $\kappa = 0$ и равномерном распределении значений $L_m \in [0, L_{max}]$. Кривым 1–10 отвечают значения $L_{max} = 0, 0,02, 0,04, 0,06, 0,08, 0,10, 0,12, 0,14, 0,16$ и $0,18$. Для кривых 11 и 12 $L_{max} = 0$ и соответственно $L_{max} = 0,18$

$\kappa = 0,010$ (как и кривая 10). Как показывают численные расчеты, кривые 11 и 12 можем с достаточно высокой точностью считать верхней и нижней границами для зависимостей $\sigma_T(R)$, параметры которых отвечают кривым 2–9.

Из анализа рис. 3 получаем, что линейному возрастанию коэффициента κ в интервале $\kappa \in [0,001; 0,010]$ соответствует убывание среднего потока информации $\Theta(R)$, прошедшего через всю иерархическую систему и отвечающего данному значению аргумента R . При $R = \text{const}$ скорость такого убывания с возрастанием κ квазилинейно уменьшается (для рассматриваемой области значений κ). В области $\kappa \geq 0,08$ (кривые 8–10) значение $\Theta(R)$ даже при $R \rightarrow 0$ становится величиной одного порядка с утроенным стандартом флуктуаций $3\sigma_T(R)$, что означает начало управленческого хаоса. При $R \geq 0,17$ выполняется соотношение

$$\Theta(R) \leq 3\sigma_T(R), \quad (18)$$

что означает наступление указанного хаоса для любых рассматриваемых значений κ .

Рисунок 4 соответствует существованию дискретных искажений информации в точках

границ $\kappa = \kappa_m$ между любыми управляющими элементами с номерами $m-1$ и m , $m = 2, 3, \dots, N$, при отсутствии ее пространственной диссипации внутри всей информационной системы. На этом рисунке при $\kappa = 0$ и равномерном распределении значений L_m на интервале

$$L_m \in [0; L_{max}] \quad (19)$$

приведены зависимости среднего значения модуля коэффициента прохождения $\Theta(R)$ (кривые 1–10) и стандарта флуктуаций $\sigma_T(R)$ (кривые 11 и 12); все прочие условия те же, что и для рис. 3. (Отметим, что распределение (19) может рассматриваться как следствие возможного отбрасывания части поступившей информации при ее передаче между соседними УЭ.) Кривым 1–10 соответствуют значения $L_{max} = 0, 0,02, 0,04, 0,06, 0,08, 0,10, 0,12, 0,14, 0,16$ и $0,18$. Как и в случае рис. 3, кривые 11 и 12 можем считать верхней и нижней границами для зависимостей $\sigma_T(R)$, параметры которых отвечают кривым 2–9. Как следует из анализа рис. 4, линейному возрастанию L_{max} в рассматриваемом диапазоне при $R = \text{const}$ отвечает уменьшение значений

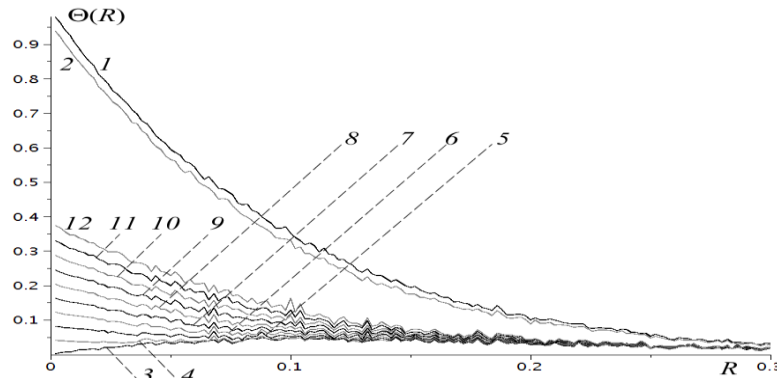

Рис. 5. Изменение среднего значения модуля коэффициента прохождения $\Theta(R)$ (кривые 1 и 2) и стандарта флуктуаций $\sigma_T(R)$ (кривые 3–12) при $\kappa = 0$ и равномерном распределении значений $L_m \in [-L_{max}; L_{max}]$. Для кривых 1 и 2 величина $L_{max} = 0$ и соответственно $L_{max} = 0,18$. Кривым 3–12 отвечают значения $L_{max} = 0, 0,02, 0,04, 0,06, 0,08, 0,10, 0,12, 0,14, 0,16$ и $0,18$

$\Theta(R)$ с квазилинейным убыванием скорости такого убывания как функции от L_{max} . При этом в области $L_{max} \geq 0,14$ (кривые 8–10) значение $\Theta(R)$ даже при $R \rightarrow 0$ становится величиной одного порядка с утроенным стандартом флуктуаций $3\sigma_T(R)$, что означает начало управленческого хаоса. При $R \geq 0,17$, с учетом выполнения (18), такой хаос наступает для любых значений L_{max} .

Рисунок 5 отвечает условию равномерного распределения значений L_m на интервале

$$L_m \in [-L_{max}; L_{max}]. \quad (20)$$

Все прочие значения параметров здесь те же, что и для рис. 4; в частности $\kappa = 0$. Зависимости 1 и 2 отвечают среднему значению $\Theta(R)$ для случая $L_{max} = 0$ (кривая 1) и соответственно $L_{max} = 0,18$ (кривая 2). Зависимости $\Theta(R)$, для которых величина $L_{max} = 0,02, 0,04, 0,06, 0,08, 0,10, 0,12, 0,14$ и $0,16$, расположены в узкой области между кривыми 1 и 2 и на рисунке не показаны. Таким образом, в рассматриваемом случае равномерного распределения случайной величины L_m на симметричном интервале $[-L_{max}; L_{max}]$ среднее значение $\Theta(R)$ слабо зависит от параметра L_{max} .

Кривые 3–12 на рис. 5 изображают зависимости $\sigma_T(R)$, соответствующие (в порядке возрастания номера) значениям $L_{max} = 0, 0,02, 0,04, 0,06, 0,08, 0,10, 0,12, 0,14, 0,16$ и $0,18$. (Зависимости 3 и 12 построены при тех же параметрах, что и кривые 1 и, соответственно, 2.) Как следует из данного рисунка, в рассматриваемом случае значения стандарта флуктуаций, в отличие от $\Theta(R)$, существенно зависят от величины L_{max} , определяющей ширину области распределения значений L_m . При $L_{max} \geq 0,10$ (см. кривые 8–12 на рис. 5) при всех рассматриваемых значениях коэффициента отражения R можем полагать, что утроенный стандарт флук-

туаций $3\sigma_T(R)$ приближенно равен или превосходит среднее значение $\Theta(R)$. Это означает возникновение управленческого хаоса. При $R \geq 0,17$ такой хаос возникает для всех значений L_{max} .

Укажем, что распределение (20) может быть интерпретировано как возможное следствие исчезновения на границе $x = x_m$ между УЭ с номерами $m-1$ и m , где $m = 2, 3, \dots, N$, части поступившей информации (сегмент $L_m \in [0; L_{max}]$), а также добавления в этой же точке информационной системы изначально неверных данных (сегмент $L_m \in [-L_{max}; 0]$). Таким образом, рис. 5 соответствует существованию указанных негативных информационных процессов, без пространственной диссипации потоков данных внутри управляющих элементов.

Зависимости, приведенные на рис. 6, соответствуют условию $\kappa = 0,006$. Все остальные параметры — те же, что на рис. 5. Как и на рис. 5, зависимости 1 и 2 отвечают среднему значению $\Theta(R)$ для случая $L_{max} = 0$ (кривая 1) и соответственно $L_{max} = 0,18$ (кривая 2) (зависимости $\Theta(R)$ для $L_{max} = 0,02, 0,04, 0,06, 0,08, 0,10, 0,12, 0,14$ и $0,16$ проходят в узкой области между кривыми 1 и 2 и на рисунке не приведены), а остальные кривые на рис. 5 отвечают зависимостям $\sigma_T(R)$, построенным при тех же, что и применительно к системе индексов рис. 5, значениях L_{max} . (Так же, как и на рис. 5, зависимости 3 и 12 построены при тех же параметрах, что и кривые 1 и соответственно 2.) Как следует из анализа рис. 6, для случая $\kappa \neq 0$ сохраняется тот же, что и на рис. 5, эффект слабой зависимости среднего значения $\Theta(R)$ от величины L_{max} . При этом разброс величины стандарта флуктуаций (см. кривые 3–12) оказывается меньшим, чем при условии $\kappa = 0$, см. рис. 5, но существенно большим, чем в случае распреде-

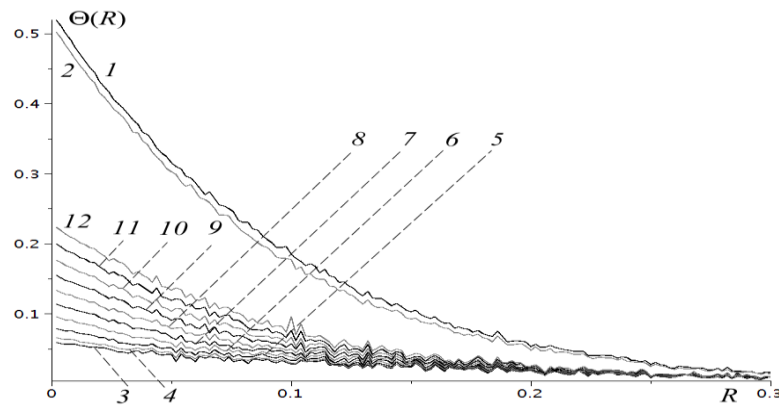

Рис. 6. Изменение среднего значения модуля коэффициента прохождения $\Theta(R)$ (кривые 1 и 2) и стандарта флуктуаций $\sigma_T(R)$ (кривые 3–12) при $\kappa = 0,006$ и равномерном распределении значений $L_m \in [-L_{max}; L_{max}]$.

Для кривых 1 и 2 величина $L_{max} = 0$ и соответственно $L_{max} = 0,18$. Кривым 3–12 отвечают значения $L_{max} = 0, 0,02, 0,04, 0,06, 0,08, 0,10, 0,12, 0,14, 0,16$ и $0,18$

ления значений L_m на интервале вида $[0; L_{max}]$, см. рис. 4.

При $L_{max} \geq 0,10$ (см. кривые 8–12 на рис. 6) при всех рассматриваемых значениях коэффициента отражения R можем полагать, что утроенный стандарт флуктуаций $3\sigma_T(R)$ приближенно равен или превосходит среднее значение $\Theta(R)$. Это означает возникновение управленческого хаоса. При $R \geq 0,17$ такой хаос возникает для всех значений L_{max} .

Таким образом, рис. 6 соответствует существованию пространственной диссипации данных внутри элементов информационной системы в дополнение к тем же, что и для рис. 5, негативным информационным процессам на их границах.

Заключение

1. В статье было проведено моделирование прохождения информации через управляющую систему с учетом негативных процессов, сводящихся как к «регулярным» (то есть присущим любому звену каждого управляющего элемента) потерям информации при ее распространении внутри информационной системы, так и возможному «дискретному» искажению потока в точках границ между соседними управляющими элементами. Полученные результаты позволяют как оценить влияние подобных факторов, так и сформулировать критерии, позволяющие в ряде случаев предполагать само их существование.

2. При полном отсутствии на границах управляющих элементов эффектов как отбрасывания части информации, так и введения ложных данных линейное возрастание коэффициента поглощения κ (в рассматриваемой области значений этого параметра) приводит к существенному убыванию среднего потока ин-

формации $\Theta(R)$, прошедшего через всю иерархическую систему и отвечающего данному значению среднего коэффициента отражения R , см. рис. 3. При $R = \text{const}$ скорость такого убывания квазилинейно уменьшается с возрастанием коэффициента поглощения κ . Поскольку имеет место асимптотическое стремление стандарта флуктуаций σ_T как функции от R к постоянному значению, то при достаточно больших κ и R средний поток информации Θ становится величиной порядка утроенного значения σ_T , что может рассматриваться как достижение порога управленческого хаоса, см. рис. 3.

3. В случае отсутствия поглощения информации внутри управляющих элементов, но существования феномена отбрасывания части входящей и выходящей информации на их границах имеет место значительное убывание величины $\Theta(R)$ при $R = \text{const}$ при возрастании ширины распределения параметра L_{max} , характеризующего указанное отбрасывание, см. рис. 4. Скорость такого уменьшения величины Θ квазилинейно спадает с возрастанием L_{max} . Такое убывание среднего потока информации, прошедшей через всю иерархическую систему, также сопровождается асимптотическим стремлением стандарта флуктуаций к постоянному значению. В результате с возрастанием значений L_{max} и R средний поток информации Θ становится величиной порядка утроенного значения σ_T , что означает достижение порога управленческого хаоса.

4. При отсутствии диссипативного поглощения информации внутри управляющих элементов, но существовании для каждого управляющего элемента феномена как отбрасывания части информации, так и введения ложных дан-

ных в точках их границ, с равномерным симметричным распределением амплитуды обоих этих процессов, определяемым параметром L_{max} , функция $\Theta(R)$ почти перестает зависеть от значения L_{max} . На практике это означает почти постоянное значение коэффициента прохождения как функции времени при условии квазипостоянных значений R . Поскольку, как видно из рис. 5 и 6, величина Θ при $R = const$ почти перестает зависеть от значения L_{max} , которое будет с высокой вероятностью меняться во времени. Это явление сопровождается сильным возрастанием стандарта флуктуаций σ_T при увеличении L_{max} , см. рис. 5. В итоге состояние управленческого хаоса достигается при существенно меньших значениях среднего коэффициента отражения R . Таким образом, при больших стандартах флуктуаций $\sigma_T(R)$ и констатации малых вариаций среднего коэффициента отражения R факт почти постоянных значений потока информации, доходящего до конечного объекта управления, является основанием для предположения о высокой вероятности не только неполноты данных, передаваемых между соседними управляющими элементами, но и введения заведомо ложной информации на границах между ними.

5. При наличии диссипативного поглощения информации внутри управляющих элементов и одновременном существовании для каждого из них феноменов как отбрасывания части информации, так и введения ложных данных в точках границ между ними, с равномерным симметричным распределением амплитуды обоих этих процессов, описанные в пункте (3) данного раздела статьи свойства зависимостей $\Theta(R)$ и $\sigma_T(R)$ в целом сохраняются при уменьшении величин обоих этих статистических функционалов (см. рис. 6). Как и в предыдущем случае, слабая зависимость среднего значения Θ от времени (при условии квазипостоянной величины R) в сочетании с большим стандартом флуктуаций $\sigma_T(R)$ может служить основанием для вывода о высокой вероятности наличия рассмотренных выше негативных явлений в процессе обработки информации внутри иерархической системы управления.

Список литературы

1. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технологическая волна на Западе. М., 1986. С. 335.

2. Краснов А.А. Человеческий фактор в управлении экономической системой // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 3 (51). С. 24–34.

3. Саймон Г.А. Характеристики ограниченной рациональности / Рациональное принятие решений в бизнесе. Нобелевская лекция 8 декабря 1977 г. // Сб. Мировая экономическая мысль. 345 с.

4. Stiglitz J. E., Weiss A. Credit Rationing in markets with imperfect information // American Economic Review. 1981. Vol. 71, No 3. P. 393–410.

5. Уильямсон О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 39–49.

6. Пиндайк Р.С., Рубинфельд Д.Л. Микроэкономика: Пер. с англ. М.: Дело, 2000. 808 с.

7. Стиглер Дж. Экономическая теория информации // Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. СПб., 1995. 420 с.

8. Hodgson A., Geoffrey M. The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory // Cambridge Journal of Economics. 2003. V. 27. № 2. P. 159–176.

9. Волкова В.Н., Темников Ф.Е. Подход к выбору метода формализованного представления систем // Моделирование сложных систем: Сб. статей. М.: МДНТП, 1978. С. 38–40.

10. Налимов В.В. Влияние идей кибернетики и математической статистики на методологию научных исследований // Методологические проблемы кибернетики: Материалы к Всесоюзной конференции. Т. 1. М., 1970. С. 50–71.

11. Бир Ст. Кибернетика и управление производством / Пер. с англ. В. Я. Алтаева. М.: Наука, 1963. 276 с.

12. Дзюба С.А. Приложение теории информации к теории фирмы. Теория и методы принятия решений: Наука, 2009. С. 117–129.

13. Ясин Е.Г. Теория информации и экономические исследования. М.: Статистика, 1970. 432 с.

14. Винер Н. Кибернетика. М.: Советское радио, 1968. 728 с.

15. Коган Л.П., Краснов А.А., Сербер А.В. Анализ информационных процессов при формировании управленческих решений в концепции иерархической модели управления экономической системой // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 25–33.

16. Кляцкин В.И. Стохастические уравнения и волны в случайно-неоднородных средах. М.: Наука, 1980. 336 с.

17. Газарян Ю.Л. Об одномерной задаче о распространении волны в среде со случайными неоднородностями // ЖЭТФ. 1969. Т. 56 (6). С. 1856–1871.

18. Бреховских Л.М. Волны в слоистых средах. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 343 с.

**TAKING INTO ACCOUNT INFORMATION DISTORTION WHILE MAKING MANAGERIAL DECISIONS
IN THE HIERARCHICAL MODEL OF ECONOMIC SYSTEM MANAGEMENT*****L.P. Kogan, A.A. Krasnov***

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

The paper presents a theoretical study of information processes taking into account distributed dissipation of information, appearance of false information as well as rejection of data by the subjects of information exchange while making management decisions. The hierarchical management model was considered as the object of research. At the same time, distribution of information across the elements of the control hierarchy was presented as a wave process. Taking into account distortions and information loss when passing information on the controls was made possible by introducing stochastic parameters to characterize the degree of distortion of information when passing through border controls, and the determined absorption coefficients, taking into account the dissipation of information within these elements. The use of a mathematical apparatus for describing wave processes, in the application to the study of the passage of information through control elements, allowed us to identify the conditions for the emergence of managerial chaos at the stage of making managerial decisions during information exchanges between management subjects.

Keywords: economic system, data dissipation, information distortion, hierarchical management model, managerial chaos.

УДК 657

DOI 10.52452/18115942_2021_2_30

ПРОАКТИВНЫЙ МОНИТОРИНГ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ РЕСУРСОВ В ПОТОКЕ СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

© 2021 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 13.03.2021**Статья принята к публикации 14.04.2021*

Успешное управление бизнес-процессами современного предприятия обрабатывающей отрасли предполагает построение сложной, многоуровневой и полифункциональной системы менеджмента. Эффективность данной системы складывается из многих факторов, в том числе из результативности использования производственных ресурсов в потоке создания ценности. Усложнение условий решения задач корпоративного управления, наличие ограничений, связанных с неблагоприятной эпидемической обстановкой, предполагают существенную модернизацию информационно-инструментального пространства принятия управленческих решений, одним из ключевых объектов которых являются затраты на производство продукции машиностроительных предприятий. Целью представленного в статье исследования является повышение качества информационно-инструментального обеспечения подконтрольности субъекту управления состояния производственных ресурсов машиностроительного предприятия. Доказано, что одним из оптимальных способов достижения поставленной цели является внедрение проактивного мониторинга производственных ресурсов, отвечающего требованиям сбалансированной модели менеджмента бизнес-процессов хозяйствующего субъекта. В основе исследования лежат методы наблюдения, измерения, сравнения, обобщения, систематизации, агрегирования, декомпозиции, классификации и научной интерпретации различных состояний производственных ресурсов, применяемые в рамках системного и функционально ориентированного подходов к исследуемой предметной области. Предложенные автором принципиальная схема функционирования информационно-инструментального пространства проактивного мониторинга производственных затрат, применение метода Standard costing в качестве методологической основы данного вида мониторинга, шкала оценки отклонений фактических показателей производственных ресурсов от нормативных значений, использование элементов SNW-анализа для составления профиля эффективности расходов позволяют в значительной степени повысить уровень осведомленности лиц, принимающих решения по поддержанию рационального использования производственных ресурсов, обеспечить требуемый уровень подконтрольности данного объекта корпоративного управления.

Ключевые слова: проактивный мониторинг, Standard costing, SNW-анализ, производственные ресурсы, затраты, себестоимость, поток создания ценности, менеджмент, шкала оценки отклонений, профиль эффективности расходов.

Введение

Потребление производственных ресурсов в потоке создания ценности (ПСЦ) промышленными предприятиями, как известно, является ключевым и наиболее затратным процессом в их производственно-хозяйственной деятельности. Вместе с тем известно, что стратегическим вектором генезиса бизнеса является их минимизация при получении максимального уровня прибыли. Нестабильность ценовой политики, заметное сужение рынка материальных ресурсов и повышение стоимости изготовления товарно-материальных ценностей, нередко скачкообразное увеличение затрат на содержание и эксплуатацию промышленного оборудования,

наряду с другими факторами, усиливаемыми ограничениями, связанными с неопределенным горизонтом завершения неблагоприятной эпидемической обстановки, обуславливают нарастание негативных трендов динамики себестоимости продукции, отрицательно влияют на доходность бизнеса.

Анализ данных производственной отчетности за 2020 год, проведенный автором на ряде предприятий машиностроительной отрасли городов Нижнего Новгорода и Дзержинска, показал, что за этот период средний уровень себестоимости продукции возрос на 20–35%, в том числе за счет: увеличения закупочной стоимости основных материальных ресурсов на 55%; затрат на содержание и эксплуатацию оборудо-

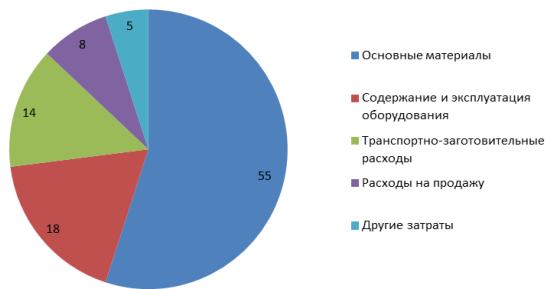

Рис. 1. Факторы влияния на рост себестоимости продукции на исследуемых предприятиях (%)

вания – на 18%, транспортно-заготовительных расходов – на 14%; расходов на продажу – на 8%, других расходов – 5% (рис. 1).

В ходе проведенного исследования установлено, что наряду с указанными выше объективными причинами отрицательной динамики себестоимости продукции, к сожалению, имеет место ряд субъективных факторов негативного влияния, в том числе вызванных недостаточным уровнем подконтрольности состояния производственных ресурсов субъекту управления. Данная ситуация во многом объясняется отсутствием должной степени осведомленности лиц, принимающих управленческие решения, что приводит к перерасходу и потерям материальных ресурсов, неправильному отражению в бухгалтерских регистрах сведений о их приобретении и заготовлении; отсутствию или необоснованности базы нормированных затрат, спонтанности внесения в нее коррективов; ошибочному отнесению на себестоимость некоторых видов расходов; недостоверной оценке и неверному списанию возвратных отходов и т.п.

Анализ материалов проведенных исследований показал, что в условиях принятых на наблюдаемых предприятиях моделей корпоративного управления поступление необходимых данных субъекту принятия решений осуществляется, как правило, на отчетную дату составления промежуточной бухгалтерской (финансовой) отчетности, т.е. за прошедший календарный период, что делает их нерелевантными для выработки корректирующих воздействий. Другим существенным недостатком генерируемого пула информации является отсутствие аналитических показателей и необходимой детализации представленных сведений, что также в значительной мере снижает качество принимаемых решений, во многом затрудняет их подготовку. Принятые на исследуемых предприятиях модели информирования субъекта управления производственными ресурсами явно не соответствуют информационным потребностям эффективного менеджмента, заметно возросшим и усложнившимся в условиях нестабильности

экономической среды. Парадокс ситуации состоит в том, что все исследуемые предприятия обладают достаточно развитыми информационными системами, в том числе находящимися в зрелой стадии прохождения цифровой трансформации.

Проведенные автором исследования показали объективную необходимость модернизации сегмента информационно-инструментального пространства, связанного с обеспечением подконтрольности субъекту управления состояния производственных ресурсов [1], что и определило цель исследования. Одним из важных направлений достижения этой цели является существенное повышение уровня осведомленности лиц, принимающих управленческие решения (ЛПР), путем внедрения системы проактивного мониторинга (СПМ) производственных ресурсов, отвечающего требованиям сбалансированной модели менеджмента бизнес-процессов хозяйствующего субъекта.

Теоретико-методологические подходы

Необходимость структурирования мониторинговой функции достаточно точно обосновал автор [2]: «Описание контрольной функции бухгалтерского учета отсутствует не только в управленческом учете, где ее замещают самоконтролем, но также в финансовом учете, где контроль сводится к процедурам проверки правильности заполнения первичных документов и достоверности показателей отчетности». Анализ монографий, научных статей и учебников, в которых рассматриваются контрольно-учетные аспекты управления производственными затратами, показал, что большинство авторов предлагает решение путем использования метода Standard costing, в отечественной науке и практике нередко отождествляемого с нормативным учетом затрат и калькулированием себестоимости продукции (работ, услуг) [3–12].

В работах [4; 8] констатируется, что реализация метода Standard costing предусматривает количественное измерение факторов влияния на возникновение отклонений: для прямых материальных затрат таковыми являются цены заготовления и объемы потребления материальных ресурсов, прямых трудовых – тарифы оплаты труда и время работы основного персонала; для косвенных – ставки на единицу продукции и физический объем ее выпуска. Вполне очевидно, что для решения этой задачи необходимо создание эффективной системы сбора, передачи и обработки данных о производственных затратах, которая предполагает «фиксирование затрат на рабочих местах и в центрах затрат; сравнение

фактических затрат с нормативными (плановыми); выявление отклонений; своевременную передачу данных в подразделение, занимающееся сбором и обработкой информации о затратах», обеспечивает комплексную реализацию функций планирования, нормирования и контроля производственных ресурсов [13].

Значимость мониторинга затрат на производство, результаты которого способствуют повышению точности их отражения в аналитических регистрах учета и прогнозирования, выявлению резервов производства, оптимизации запасов товарно-материальных ценностей и в целом повышению качества управления себестоимостью продукции, отмечается в [14–17]. Необходимо подчеркнуть, что инкорпорирование в информационно-инструментальную среду мониторинга методики SNW-анализа в качестве инструмента аналитической интерпретации генерируемых результатов позволит в значительной степени повысить уровень осведомленности ЛПР о состоянии производственных затрат в разрезе центров ответственности хозяйствующего субъекта [18].

Методы исследования

Представленное исследование проведено на основе комплексного применения методов наблюдения, измерения, сравнения, обобщения, систематизации, агрегирования, декомпозиции, классификации и научной интерпретации различных состояний производственных ресурсов. Указанные методы применялись в рамках системного и функционально ориентированного подходов к исследуемой предметной области.

Результаты

Формирование информационной базы о состоянии производственных ресурсов, релевантной запросам менеджмента исследуемых экономических субъектов, предполагает разработку и интегрирование в сложную ткань корпоративного управленческого пространства системы проактивного мониторинга, основными функциями которой являются:

- оперативный учет затрат путем наблюдения, верификации и документирования фактического состояния производственных ресурсов, задействованных в ПСЦ;

- верификация установленных норм затрат, выявление отклонений от них фактических значений затрат, верификация и документирование полученных результатов;

- аналитическая интерпретация сведений о состоянии производственных ресурсов, доку-

ментирование ее результатов и информирование о них ЛПР.

Информационно-инструментальное пространство СПМ включает в себя массивы нормативно-справочных и текущих данных о состоянии затрат в ПСЦ, набор инструментов сбора, систематизации, арифметико-логической обработки и вывода результатов в заданной форме. Принципиальная схема процесса функционирования данного пространства представлена на рис. 2. Идентификация ресурсов в качестве производственных затрат, реализуемая на первом шаге данного процесса, предполагает проверку обоснованности их использования в ПСЦ и, соответственно, возможности списания на себестоимость изготавливаемой продукции. Под обоснованными расходами понимаются «экономически оправданные ... документально подтвержденные затраты» [19]. Проверке подлежат также сведения о возвратных отходах и потерях.

Верификация нормативных значений затрат (шаг 2) предполагает всесторонний анализ по критериям их актуальности, правильности документирования, обоснованности внесения изменений, что необходимо для ключевой операции процесса – выявления отклонений методом Standard costing на шаге 3, оценка существенности которых происходит на шаге 4. Последняя операция осуществляется исходя из утвержденных руководством пороговых значений, устанавливаемых, как правило, апостериорными методами. Перерасход ресурсов должен признаваться существенным, если отклонение фактических затрат от их нормативных значений составляет более 5%. Отклонения, характеризующие экономию, должны оцениваться на основании запланированных значений показателей снижения затрат, ограничивающих область их допустимых значений.

По мнению автора, в рамках СПМ следует расширить состав объектов применения метода Standard costing за счет включения в их состав расходов на ремонтно-эксплуатационное обслуживание оборудования (РЭО), задействованного в ПСЦ. Факторами влияния на возникновение отклонений этих затрат на исследуемых предприятиях являются ставки единицы времени и общий объем их расхода. Общее отклонение O рассчитывается как разность между нормативным $Зн$ и плановым $Зф$ значениями:

$$O = Зн - Зф, \quad (1)$$

$$Зн = Сн \times Вн, \quad (2)$$

где $Сн$ – нормативная ставка машино-часа; $Вн$ – нормативное время выполнения ремонтно-эксплуатационных работ;

$$Зф = Сф \times Вф, \quad (3)$$

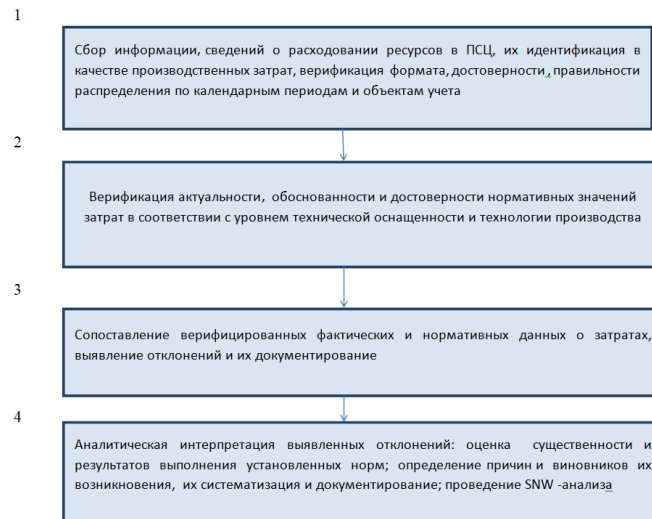

Рис. 2. Принципиальная схема функционирования информационно-инструментального пространства проактивного мониторинга производственных затрат

где C_f – фактическая ставка машино-часа; V_f – фактическое время выполнения ремонтно-эксплуатационных работ.

Влияние отклонений O_c фактической ставки машино-часа и времени O_v выполнения ремонтно-эксплуатационных работ от их нормативных значений на показатель O определяется по формулам (4) и (5) соответственно, при этом сумма O_c и O_v должна быть равной O :

$$O_c = (C_n - C_f) \times V_f, \quad (4)$$

$$O_v = (V_n - V_f) \times C_n. \quad (5)$$

Таким образом, при условии, если в отчетном периоде на транспортно-логистическом участке исследуемого предприятия ООО «XXXX» утвержденная нормативная ставка РЭО – 600 руб./час, ее фактическое значение, согласно данным мониторинга ресурсов, – 598 руб./час; время выполнения работ по ремонтно-эксплуатационному обслуживанию оборудования по нормам составляет 40 чел./час в месяц, фактическое значение этого показателя – 37 чел./час, то тогда, согласно методике, представленной формулами (1–5), показатели общего отклонения и влияния на него факторов ставки и совокупного времени на реализацию рассматриваемого процесса будут следующими:

$$O = (600 \times 40) - (598 \times 37) = 24000 - 22126 = 1874 \text{ руб.},$$

$$O_c = (600 - 598) \times 37 = 74 \text{ руб.},$$

$$O_v = (40 - 37) \times 600 = 1800 \text{ руб.};$$

$$1874 \text{ руб.}$$

Из представленного расчета можно сделать вывод о том, что ключевым фактором влияния на возникшее отклонение (экономия ресурсов) в размере 1874 руб. является изменение (снижение) себестоимости трудозатрат 1800 руб. Необходимо отметить, что использование метода Standard costing предполагает поиск и документирование сведений о конкретных причинах

и виновниках выявленных отклонений, накопление и систематизацию сведений о них в соответствующих информационных массивах.

Аналитическая интерпретация выявленных отклонений производственных ресурсов от их нормативных значений предполагает их оценку по заранее разработанной шкале. Предлагаемая автором шкала оценок отклонений производственных ресурсов от их нормативных значений, установленных на исследуемом предприятии ООО «XXXX», будет следующей (табл. 1).

Данная шкала используется в составе отдельных элементов SNW-анализа, адаптированных к экономическим особенностям производственных ресурсов. Данный инструмент дает возможность применять набор критериев, каждому из которых соответствует определенная область (интервал) значений показателей затрат, выявленных в ходе мониторинга. Так, критерию S (сильные стороны) – запланированная, технологически обоснованная экономия; N (нейтральные стороны) – выполнение утвержденной нормы; W (слабые стороны) – перерасход или технологически необоснованная экономия. Указанные интервалы ранжируются на основании оценок по 5-балльной системе, начиная с 1 и 2, характеризующих недопустимые; 3 – условно допустимые; 4 – нормативные; 5 – положительные состояния.

Эффективное применение в управленческих практиках элементов SNW-анализа позволяет сформировать профиль эффективности потребления производственных ресурсов. Профиль эффективности РЭО в разрезе центров затрат ООО «XXXX» представлен в таблице 2.

Необходимо отметить, что профили эффективности составляются по каждому виду затрат и в целом по сводным результатам использования производственных ресурсов.

Таблица 1

Шкала оценки отклонений фактических показателей производственных ресурсов от нормативных значений на февраль 2021 года по ООО «XXXX»

№ п/п	Наименование ресурса	Экономия (%)		Выполнение нормы	Перерасход (%)	
		Несоответствие технологическим требованиям	План		Условно допустимый	Недопустимый
1	Прямые затраты					
1.1	Материальные	≥ 4	1÷3	0	1÷4	≥ 5
1.2	Трудовые	≥ 7	1÷6	0	1÷8	≥ 9
2	Ремонтно-эксплуатационное обслуживание оборудования	≥ 8	1÷7	0	1÷9	≥ 10
3	Перемещение ресурсов в рамках операционного цикла	≥ 3	1÷2	0	1÷3	≥ 4

Таблица 2

Профиль эффективности расходов на ремонтно-эксплуатационное обслуживание оборудования ООО «XXXX» за февраль 2021 г.

Состояния производственных ресурсов	Экономия, не соответствующая технологическим требованиям	Недопустимый перерасход	Условно допустимый перерасход	Выполнение нормы	Плановая экономия	Оценка
Оценки	1	2	3	4	5	-
Центры ответственности						-
Цех №1						3
Цех №2						4
Цех №3						4
Ремонтно-механический участок						5
Транспортно-логистический участок						5
Средняя оценка						4.2

Обсуждение

Безусловно, внедрение СПМ требует определенных затрат, в том числе связанных с разработкой внутреннего стандарта, программного обеспечения, инструкций по работе с системой. Результативность этих затрат тесно связана с институционализацией этих инструментов в управленческих практиках и качеством обучения персонала управления.

SWOT-анализ результатов инкорпорирования СПМ в информационно-инструментальное пространство ООО «XXXX» представлен в табл. 3.

Необходимо отметить, что аналитическая интерпретация генерируемых сведений характеризует существенное отличие СПМ от традиционных форм внутреннего контроля, является, по мнению автора, драйвером повышения эффективности технологий управления производственными затратами. В качестве инструментов достижения поставленной цели автором предложены

принципиальная схема функционирования информационно-инструментального пространства проактивного мониторинга производственных затрат; применение метода Standard costing в качестве методологической основы данного вида мониторинга; шкала оценки отклонений фактических показателей производственных ресурсов от нормативных значений; использование элементов SNW-анализа для составления профиля эффективности расходов. Среди дальнейших направлений исследований в рассматриваемой предметной области автору представляется перспективным изучение возможностей использования средств цифровизации в структурировании информационно-инструментального пространства СПМ, инкорпорирование в его сложную ткань элементов искусственного интеллекта и инструментов киберфизических систем, средств цифрового моделирования на всех этапах ПСЦ.

Таблица 3

SWOT-анализ результатов внедрения проактивного мониторинга потребления производственных ресурсов в потоке создания ценности ООО «XXXX»

Среда	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Внутренняя	<i>Преимущества:</i> существенное повышение качества информационной базы принятия управленческих решений; обеспечение своевременного и достоверного калькулирования себестоимости продукции	<i>«Ослабляющие» свойства:</i> необходимость дополнительного обучения персонала работе с системой, «запаздывание» поступления данных в информационное пространство системы
Внешняя	<i>Дополнительные возможности:</i> значительное повышение качества верификации первичных данных; расширение набора инструментов поиска новых способов экономии и резервов использования производственных ресурсов	<i>Факторы, которые могут осложнить достижение стратегической цели:</i> недостаточный уровень интеграции с другими сегментами информационно-управленческого пространства предприятия

Необходимо отметить, что формирование ситуационно ориентированного цифрового инструментария СПМ позволит существенно расширить возможности аналитической интерпретации средствами предиктивного анализа состояния ресурсов, позволяющими прогнозировать поведение затрат для принятия оптимальных решений. «Предсказательная аналитика использует для своих нужд статистические методы, методы интеллектуального анализа данных, включая обработку больших данных с использованием средств машинного анализа. Предиктивный анализ будет тем качественнее, чем больше будет собрано информации о реальном поведении объекта с течением времени» [20].

Заключение

Неблагоприятные тренды состояния экономической среды промышленных предприятий обуславливают рост себестоимости производимой продукции, снижение доходности и конкурентоспособности бизнеса. Одним из важных направлений решения этих проблем на уровне хозяйствующего субъекта является обеспечение полной подконтрольности субъектам управления потребления производственных ресурсов в целях обеспечения рациональной реализации данного процесса. Ключевым условием подконтрольности затрат на производство является своевременное и качественное информирование ЛПР о состоянии затрат, прежде всего путем усиления мониторинговой функции управления промышленным предприятием. В качестве инструмента реализации данной функции автором предлагается СПМ, предполагающего комплексную реализацию функций учета, контроля и бизнес-анализа (аналитической интерпретации) основных показателей текущего состояния затрат на производство. Возможности данной СПМ предполагают качественную верификацию информационных массивов, задействованных в ее работе, что во многом способствует существенному повышению качества оператив-

ного информирования ЛПР для выработки оптимальных решений, ориентированных на поддержание сбалансированной бизнес-модели, системную реализацию стратегий экономного расходования средств и последовательной ликвидации потерь, повышение инвестиционной привлекательности, конкурентоспособности и доходности хозяйственной деятельности промышленных предприятий.

Список литературы

1. Хан Д. Планирование и контроль: концепция контроллинга / Пер. с нем. под ред. и с предисл. А.А. Турчака и др. М.: Финансы и статистика, 1997. 799 с.
2. Багаев И.В. Влияние системного контроля на методологию производственного учета в современных условиях // Международный бухгалтерский учет. 2018. № 19–20. С. 1149–1173.
3. Бехтерева Е.В. Себестоимость: рациональный и эффективный учёт расходов. 5-е изд., перераб. М.: Изд-во «Омега-Л», 2011. 148 с. (Серия «Практическая бухгалтерия»).
4. Друри К. Учет затрат методом стандарт-костс / Пер. с англ. под ред. Н.Д. Эриашвили. М.: Аудит: ЮНИТИ, 1998. 224 с.
5. Белобородова В.А. Калькуляция себестоимости продукции в промышленности: Учеб. пособие для вузов по спец. «Бухгалтерский учет, контроль и анализ хозяйственной деятельности» / Под ред. В.А. Белобородова и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Финансы и статистика, 1989. 279 с.
6. Ахметзянов А.А., Соколов А.Ю. Развитие адаптивного процессно-ориентированного бюджетирования на основе принципов TD-ABC и TD-ABB в системе стратегического управленческого учета // Международный бухгалтерский учет. 2020. № 10. С. 1182–1194.
7. Мизиковский И.Е. Бухгалтерский управленческий учет. 2-е изд. М.: Изд-во «Магистр: Инфра-М», 2016. 144 с.
8. Керимов В.Э. Современные системы и методы учета и анализа затрат в коммерческих организациях: Учебное пособие. М.: Эксмо, 2005. 144 с.
9. Мизиковский Е.А., Булычева Т.В. Нормативный метод как элемент контроля за нормативными затратами // Аудиторские ведомости. 2008. № 12. С. 3–12.

10. Мизиковский И.Е., Антонен В.А., Нечаева Н.В., Абубакирова К.Н. Основы бухгалтерского учета в научно-технической сфере. Электронный управляемый курс на сайте электронного обучения ННГУ. Идентификационный номер в электронном каталоге Фонда образовательных ресурсов ННГУ 833Е.14.20. Н. Новгород, 2014.
11. Баженов А.А., Мизиковский И.Е. Бухгалтерский управленческий учет в унитарных предприятиях: Учебное пособие. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. 114 с.
12. Васенев К.П. Структурирование процесса планирования на промышленном предприятии и его поддержка в концепции контроллинга // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). 2017. № 4. С. 35–43.
13. Попова Т.Д. Методологические подходы к управлению издержками и качеством организации // Все для бухгалтера. 2014. № 4. С. 42–47.
14. Деменкова Т.Ю. Генезис методов standard-costing, target-costing и just-in-time как основа совершенствования системы управления затратами // Молодой ученый. 2017. № 23. С. 43–45. URL: <https://moluch.ru/archive/157/44272/> (дата обращения: 23.12.2019).
15. Пивкин С.А. Косвенные расходы: учет, распределение, прогноз. Saarbrücken – Lap Lambert Academic Publishing OmniScprintum GmbH&Co.KG, 2014. 244 с.
16. Кушнарева И.В. Особенности систем учета и управления затратами standard costs и direct costing // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2010. № 1–2. С. 146–150.
17. Виткалова А.П. «Стандарт-кост» – система оперативного управления издержками производства // Вестник Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина. 2007. № 1 (28). С. 178–185.
18. Жданкин Н.А., Григорьева М.В. Эффективная стратегия предприятия в структуре ОАО «РЖД» как основа развития компании // Экономика железных дорог. 2019. № 4. С. 49–62.
19. НК РФ, п. 1 ст. 252. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ef9b3e2f8e3046127b2ef57fccf5141b694e2138/ (дата обращения: 09.03.2021).
20. Ефанов Д.В., Шиленко А.С. Технологии цифрового моделирования в железнодорожной отрасли // Автоматика. Связь. Информатика. 2020. № 2. С. 34–38.

PROACTIVE MONITORING OF PRODUCTION RESOURCES CONSUMPTION IN THE FLOW OF VALUE CREATION BY AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Successful management of business processes of a modern manufacturing enterprise involves building up a complex, multi-level and multifunctional management system. The effectiveness of this system is determined by multiple factors, including effective use of production resources in the value stream. The complexity of conditions for solving corporate management problems, the presence of restrictions associated with an unfavorable epidemic situation, suggest a significant modernization of the information and tool space for making managerial decisions, one of the key objects of which being the cost of manufacturing products of machine-building enterprises. The purpose of the research is to provide information and tools to ensure the control of the subject of management over the state of production resources of machine-building enterprises. Achieving this goal involves solving a number of tasks, including those related to the introduction of proactive monitoring of production resources that meets the requirements of a balanced business process management model of an economic entity. The research is based on methods of observation, measurement, comparison, generalization, systematization, aggregation, decomposition, classification and scientific interpretation of various states of production resources, applied within the framework of system and function-oriented approaches to the subject area under study. The author proposes a schematic diagram of the functioning of the information and tool space for proactive monitoring of production costs; the use of the «Standard costing» method to analyze deviations in the costs of repair and maintenance of equipment; the scale for assessing deviations in the actual indicators of production resources from the standard values; the use of elements of SNW analysis to compile a cost efficiency profile can significantly increase the level of rational use of production resources.

Keywords: proactive monitoring, Standard costing, SNW-analysis, production resources, costs, cost price, value stream, management, deviation assessment scale, cost effectiveness profile.

УДК 338

DOI 10.52452/18115942_2021_2_37

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАНЯТОСТИ В ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕГИОНОВ

© 2021 г.

М.С. Оборин

Оборин Матвей Сергеевич, д.э.н.; профессор кафедры экономического анализа и статистики
Пермского института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова;
профессор кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории
Пермского государственного национального исследовательского университета;
профессор кафедры менеджмента
Пермского государственного аграрно-технологического университета им. ак. Д.Н. Прянишникова
rescreachin@rambler.ru

*Статья поступила в редакцию 09.04.2021**Статья принята к публикации 30.04.2021*

Тема формирования адаптивных форм поддержки женского предпринимательства становится наиболее актуальной в современных условиях уменьшения доли активного населения и повышения пенсионного возраста. Целью работы является исследование вопросов женского предпринимательства, определение мотивов и факторов, сдерживающих развитие женского бизнеса и занятости в промышленном производстве. Предложен статистический инструментарий, основанный на использовании методов многомерного статистического анализа, эконометрического моделирования и прогнозирования. Научная новизна исследования заключается в разработке обоснованной научно-методической концептуальной модели текущих и перспективных государственных мер, связанных с созданием институционально-целевого коридора организации процесса перманентного воспроизводства промышленных кадров для нужд региональной экономики с учётом гендерного компонента. В статье проведено исследование гендерных аспектов занятости, выявлены мировые и российские тенденции влияния на карьеру женщин, ограничения в занятии руководящих должностей в промышленности. Уточняются формы поддержки малого женского предпринимательства исходя из гендерных различий. Разрабатываются мероприятия по совершенствованию государственной поддержки женского предпринимательства. Обоснованы гендерные особенности занятости и безработицы, основные факторы, влияющие на занятость женщин в экономике, а также структурные показатели вертикальной и горизонтальной занятости в различных видах промышленного производства. Систематизированы данные статистики и открытых исследований в сфере карьерных предпочтений и динамики численности женщин в промышленности. Определены преимущества женщин как сотрудников и руководящих работников, связанные с гендерными ролями в обществе. Сделаны выводы о перспективах женской занятости и устранении дискриминации на рынке труда на примере промышленного производства Пермского края с учетом тенденций влияния научно-технического прогресса и требований к образованию и универсальности компетенций специалистов.

Ключевые слова: гендерные особенности, женская занятость, промышленное производство, дискриминация, сегрегация, карьерные предпочтения, самореализация.

Введение

Проблема дискриминации в сфере трудовых отношений является мировой, поскольку влияет на имущественное положение и социальное неравенство, так как заработная плата является основным источником дохода большинства населения России и других стран. Достижение гендерного равенства является важным условием устойчивого социально-экономического развития; установлено влияние трех значимых факторов: непропорциональность человеческого капитала мужчин и женщин, дисбаланс занятости в различных видах экономической деятельности, дискриминация на рынке труда. Неоправданное ухудшение условий и оплаты труда влечет снижение производительности труда женщин и эко-

номические потери для всей территории. Социальные роли и занятость зависят от гендерных моделей поведения и отношений, которые складывались исторически, дополняют стратификацию общества. В аспектах сравнительного анализа занятости выделяются такие особенности, как плохие условия труда, более низкая заработная плата, недостаточные возможности для реализации карьерных предпочтений и квалификационного роста у женщин. Декларация равных трудовых прав не способствует реальному трудоустройству женщин, сохраняется вертикальная и горизонтальная сегрегация: в определенных отраслях экономики и на руководящих должностях преобладали и преобладают мужчины [1].

Женская безработица усугубляется низкой квалификацией, вынужденным уходом в тене-

вые сектора экономики, в которых помимо невысокой оплаты труда наблюдаются многочисленные нарушения трудовых прав, отсутствие социальной поддержки государства и пенсионного обеспечения [2]. Тенденции женской безработицы связаны с противоречиями в социально-экономической сфере, изменением ролевого статуса женщин, обострением конкуренции на рынке труда. Большое влияние на занятость женщин оказала структурная перестройка экономики, когда своих рабочих мест лишились инженеры, экономисты, техники, воспитатели, работники науки и здравоохранения. В настоящее время наблюдается снижение официально регистрируемой безработицы женщин по ряду причин [3]:

- пройден пик увольнения в кризисные годы (1996–1999; 2008–2010);
- трудоустройство на менее престижные, менее оплачиваемые работы;
- отказ от трудовой деятельности (занятие домашним хозяйством, воспитание детей);
- неформальная занятость и теневые сферы экономики;
- занятие предпринимательской деятельностью.

Достаточно сложно будет переломить социальные стереотипы о более низкой заработной плате женщин, что связано с их присутствием в низкодоходных отраслях экономики: сельское хозяйство, младший медицинский персонал, сфера услуг, торговля. Исключением является сфера финансов, в которой удельный вес женщин значителен, оплата труда высокая, но так как вклад данной сферы в совокупный рынок труда составляет менее 2%, это слабо влияет на общую статистику [4].

Современная социально-экономическая политика достаточно слабо ориентирована на преодоление неравенства женщин и мужчин на рынке труда. На примере сельских территорий проблемы дискриминации женщин проявляются более явно: низкая оплата труда, предпочтение стабильности в ущерб доходу, низкие шансы трудоустройства после декретного отпуска, отсутствие мер социальной и финансовой поддержки. Низкий уровень диверсификации экономики сельских территорий усугубляет имеющиеся противоречия и существенно снижает возможности профессиональной и карьерной самореализации женщин [5]. Другим эффектом может быть предпочтение работодателей более дешевого труда при стабильной оплате, то есть снижение женской безработицы, например на удаленных территориях, в агропромышленном производстве, сельском хозяйстве [6].

Выполнение женщинами социальной роли влечет утрату профессионально значимых качеств, поэтому работодатели не стремятся активно способствовать повышению квалификации данной группы сотрудников вследствие их непродолжительной карьеры. Наем работников-женщин может повлечь более высокие прямые и косвенные издержки, известно, например, что работодатели не стремятся нанимать женщин, имеющих детей до 7 лет [7].

Вместе с тем конкурентными преимуществами женщин на рынке труда являются хорошее здоровье и более высокий уровень образования. Кризисное положение экономики также выявило ряд преимуществ женщин в качестве сотрудников: высокий уровень гибкости и адаптации к кризисным ситуациям; стрессоустойчивость; быстрая ориентация в сложных ситуациях; интуитивное восприятие событий и явлений; гуманность и человечность. Беседы и опросы женщин-предпринимателей выявили высокий уровень социальной ответственности, этических ценностей, что является, по их мнению, перспективным и стратегически целесообразным поведением [8].

Теоретико-методологические подходы

Статья посвящена проблемам занятости женщин в промышленности. Акцент сделан на анализе карьерных предпочтений и структурных особенностях женской занятости, выявлены тенденции и перспективы сглаживания вертикальной и горизонтальной сегрегации. Основными методами являются анализ данных статистики занятости в промышленности, оценка и анализ результатов социальных исследований и рейтинговых агентств.

В современной России преобладает мнение, что в промышленном производстве заняты в основном представители мужского пола. Однако промышленность для женщин не является закрытой сферой деятельности, напротив, с каждым годом их число возрастает. При этом данная тенденция сохраняется во многих отраслях: по данным аналитического отчета Grant Thornton International, количество женщин-руководителей в мире в 2017 году составило 25% (рост на 1% в сравнении с 2016 годом). Несмотря на эту общемировую тенденцию, около трети всех компаний в мире – 34% от всего количества предприятий – не имеют в своей управленческой структуре женщин вообще. Наименьшее количество женщин на предприятиях наблюдается в Японии – 7% женщин из всего руководства и Аргентине – 15% топ-менеджеров женского пола [9].

В России же наблюдается противоположная картина: число женщин-руководителей составляет 47% от всех высших управленческих позиций, что позволяет нашей стране третий год подряд оставаться мировым лидером по данному показателю. За последние 5 лет количество женщин на руководящих должностях выросло на 16% (31% в 2013 году). В 2016 году данный показатель составлял 45%, что говорит о его ежегодной положительной динамике [9].

В России также существует определенное соотношение в отраслевой дифференциации количества женщин в руководстве компаний. К примеру, в отраслях строительства, добычи и обработки полезных ископаемых, а также сельском хозяйстве число женщин-управленцев составляет 19–20%, что является наименьшим показателем среди всех экономических сфер деятельности. В компаниях, занимающихся инновационными и научно-техническими разработками, доля женщин в составе руководства составляет 28% – это значит, что каждый третий топ-менеджер в этой отрасли – женщина. В сферах бизнес-услуг, туризме и транспортных компаниях наблюдается наибольшее количество управленцев женского пола – от 29% до 37% [10].

Управление финансовыми аспектами таких крупных компаний, как «Магнитка», «Интеррос», «Онэксим», «Ренова» и «Базовый элемент» также находится в руках женщин. Они занимают руководящие должности на предприятиях в самых разных сегментах, в том числе и таких, как оборонно-промышленный комплекс [11].

Согласно исследованиям, в мире около 23% женщин занимают должность в руководстве служб персонала, 19% являются финансовыми директорами на своих предприятиях, а 12% находятся в должности исполнительного директора. Наименьшие показатели наблюдаются в области информационных технологий – женщины возглавляют IT-службы только в 4% случаев – и на должностях президента или директора компании, управляющего вице-президента – 3% [12].

В регионах России, напротив, сохраняется положительная динамика по данным показателям. Около 37% всех финансовых директоров и HR-директоров являются женщинами. Еще один показатель в РФ существенно отличается от общемирового: в мире в сфере внутреннего аудита женщины занимают руководящую должность только в 8% случаев, в то время как в России этот показатель составляет 73% [12].

Показательным примером занятости женщин в промышленном производстве в России является Гульназ Кадырова. Она занимает должность заместителя министра промышленности и торговли

Российской Федерации и отмечает, что увеличение женщин в управленческом составе промышленного производства становится устойчивой тенденцией в нашей стране. К примеру, в обрабатывающем производстве доля женщин составляет 32%, в строительстве – 12% [13]. Женщины в руководстве промышленных предприятий обладают следующими преимуществами:

1) ответственный подход – к примеру, в определении качества продукции женщины являются более эффективными в сравнении с мужчинами;

2) использование гибкого подхода к управлению – женщины в руководстве промышленного предприятия часто следят за процессом стимулирования рыночного спроса за счет гибкого управления ассортиментом.

Социально значимые сегменты промышленности обладают наибольшим потенциалом для развития женского предпринимательства, например, в производстве реабилитационной продукции и детских товаров [14]. Данные отрасли обладают повышенным спросом. Индустрия детских товаров в России – это около 15 отраслей, 1200 промышленных предприятий и более 300 тысяч рабочих мест. Одной из главных задач ассоциации «Женщины в промышленности» является обеспечение высокого качества производимых детских товаров, а также товаров реабилитационного сектора, где функционирует около 200 организаций малого и среднего предпринимательства, что открывает большие возможности для женщин в этой отрасли [15].

На сегодняшний день в России создаются и реализуются различные программы и проекты, которые связаны с задействованием в развитии определенных отраслей промышленности женщин руководящих звеньев и простых работниц. Данным направлением занимаются такие организации и компании, как Комитет по развитию женского предпринимательства «Опоры России», Рабочая группа Евразийского женского форума «Развитие женского предпринимательства в России» и, самое главное, в том числе и Совет женщин при Министерстве промышленности и торговли РФ.

На предприятиях легкой промышленности наблюдается высокая степень концентрации работников женского пола. В основном это такие профессии, как модельер, швея, кладовщица, раскройщица, технолог, вязальщица, ткач, вышивальщицы, обувщики, скорняки и так далее. К примеру, в Саратовской области на предприятиях легкой промышленности всего заняты 4575 человек, из которых более 70% составляют женщины. На вредных производствах в регионе занято 2601 человек; 2023 – более 60% – это женщины [16].

Нехватка квалифицированных молодых кадров женского пола на предприятиях является острой проблемой отрасли легкой промышленности: их доля составляет всего 20%. Согласно статистике, средний возраст женщин-работников большинства фабрик колеблется от 40 до 45 лет. В легкой промышленности женщин младшего возраста практически не наблюдается [17].

Однако во многих регионах России (и в целом по стране) некоторые профессии в промышленности для женщин в настоящее время запрещены. Ограничения приходится на отрасли химического производства, металлургию, добычу полезных ископаемых (за исключением руководящих отраслей) и работы под землей. В корпорации «РусГидро» считают действующие ограничения на объективно вредные и тяжелые виды работы в промышленности рациональными. Допускать на тяжелые и вредные специальности, по мнению экспертов, женщин нужно постепенно, через введение определенных нормативов об охране здоровья, ограничений по возрасту с 25 до 45 лет [18].

При этом многие компании способны самостоятельно исключить некоторые рабочие позиции из этого списка ограничений, пройдя независимую аудиторскую проверку для экспертной оценки безопасности таких мест. В первую очередь выведенными из такого списка могут быть специальности, массово переходящие на автоматизированное производство. Использование новых технологий способствует снятию ограничений для женщин от многих профессий, ранее им недоступных [19].

Россия является мировым лидером и по показателю количества женщин-исследователей в экономике и промышленном производстве. Согласно данным Министерства промышленности и торговли РФ, в среднем в регионах нашей страны доля занятых женщин в организациях промышленности составляет 37.4%. При этом в данной отрасли для работниц характерно большое разнообразие профессий и уровней занимаемых должностей. Одним из наиболее популярных направлений у женщин в промышленности является категория «специалисты в области науки и техники», предпочтение которой отдается 33% всех женщин отрасли. Далее идет легкая промышленность, фармацевтика, химическая промышленность, радиоэлектроника, авиация, судостроение и оборонно-промышленный комплекс [20].

Также стоит отметить и тот факт, что в 2015 году на Первом Евразийском женском форуме была учреждена премия «Общественное признание». В России в рамках этой премии вручается награда «Общественное признание: Женщина года», которая присуждается за осо-

бый вклад в социально-экономическое развитие страны. В 2016 году в номинации «Наука и промышленный потенциал» была награждена директор Государственного научно-исследовательского института химических продуктов Роза Гатина, которая провела более 80 патентов на разработку и создание новой техники в отрасли химической промышленности. Она также получила награду Правительства РФ в области науки и техники [13].

В целом в регионах России доля безработных женщин в промышленности находится у отметки 45%. Одним из препятствий для принятия женщин на работу в отрасли являются опасения руководителей по поводу ухода женщин в декрет. Согласно статистике, этот аспект уменьшает возможности работниц по карьерному росту на 15–20%.

Для решения некоторых проблем женщин в промышленности была принята «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы». Приоритетным направлением ее действия является создание благоприятных условий для равноправного и полного участия женщин в социальной, культурной, экономической и политической сферах жизни общества, в том числе и в промышленном производстве. Осуществление этого направления в рамках стратегии будет проходить в несколько этапов, а ее финансирование реализуется при помощи действующих государственных программ [13].

Оценка потенциала работающих женщин в промышленности была проведена на основе показателей гендерного соотношения мужчин и женщин в экономике в целом и в промышленном производстве в частности. На примере Пермского края проведен анализ гендерных аспектов занятости в промышленном производстве региона.

Численность и состав рабочей силы в трудоспособном возрасте Пермского края представлены в таблице 1.

По данным таблицы 1 видно, что общее соотношение рабочей силы в Пермском крае между мужчинами и женщинами находится на приблизительно одинаковом уровне – в пределах 600 тысяч человек. Число безработных женщин меньше числа безработных мужчин при меньшем уровне занятости женщин в общем. Число занятых как женщин, так и мужчин в 2017 году резко сократилось примерно на 20 тысяч человек по сравнению с показателями 2016 года.

Следующий показатель – это уровень участия в рабочей силе, безработице и занятости населения в трудоспособном возрасте (табл. 2).

Уровень участия в рабочей силе женщин сравнительно меньше, чем у мужчин. При этом

Таблица 1

Среднегодовое количество и состав рабочей силы в возрасте 15–72 лет, Пермский край, тыс. чел.*

Показатель	2014	2015	2016	2017	Темп роста, %	Изм. абс.
Численность рабочей силы (всего)	1283.8	11304.7	1313.2	1280.2	99.7	–3.6
– мужчины	659.9	670.8	671	653.2	99.0	–7.6
– женщины	623.9	633.9	642.2	627	100.5	3.1
Занятые (всего)	1209	1223	1236.7	1202.7	99.5	–6.3
– мужчины	615.4	622.4	626.1	608.2	98.8	–7.2
– женщины	593.6	600.6	610.6	594.5	100.2	0.9
Безработные (всего)	74.8	81.7	76.5	77.5	103.6	2.7
– мужчины	44.5	48.4	44.9	45	101.1	0.5
– женщины	30.3	33.2	31.6	32.5	107.3	2.2

*Составлено по данным [21].

Таблица 2

Уровень участия в рабочей силе, занятости и безработице населения в возрасте 15–72 лет, Пермский край, %*

Показатель	2014	2015	2016	2017
Уровень участия в рабочей силе (всего)	64.5	66	66.9	65.5
– мужчины	71.2	72.7	73.2	71.8
– женщины	58.7	60.1	61.3	60
Уровень занятости (всего)	60.8	61.8	63	61.5
– мужчины	66.4	67.5	68.3	66.8
– женщины	55.8	56.9	58.3	56.9
Уровень безработицы (всего)	5.8	6.3	5.8	6.1
– мужчины	6.7	7.2	6.7	6.9
– женщины	4.9	5.2	4.9	5.2

*Составлено по данным [21].

с каждым годом эти показатели показывают тенденцию к устойчивому выравниванию, что говорит о положительных процессах в экономике в области гендерных аспектов. Также стоит отметить тот факт, что уровень безработицы среди женщин на несколько процентных пунктов меньше, чем у мужчин; при этом, исходя из показателей таблицы 2, уровень женской безработицы за последние 4 года показывает определенную цикличность.

Еще один показатель, характеризующий гендерное соотношение в различных сферах экономической деятельности, в том числе и в промышленном производстве, – это количество профессиональных квалифицированных работников в трудоспособном возрасте по виду занятий и полу, который отображен в таблице 3.

Что касается показателей таблицы 3, то здесь общее количество занятых женщин и мужчин по Пермскому краю находится приблизительно на одном уровне. При этом количество занятых квалифицированных рабочих женского пола в промышленности, строительстве, транспорте и прочих рабочих родственных занятиях катастрофически мало – всего 34.1 тысячи работников-женщин против 151.2 тысячи работников-мужчин. Данные говорят о том, что женщины также представлены в отраслях строительства, металлообрабатывающем и машиностроительном и ремонтном производствах, механике, электротехнике и электронике, а также как водители и операторы подвижного оборудования.

Количество работников-женщин преобладает в таких видах промышленного производства, как пищевая, деревообрабатывающая, текстильная и швейная. Это говорит об абсолютно несбалансированном гендерном соотношении на предприятиях промышленного производства [19].

Численность неквалифицированных рабочих в трудоспособном возрасте в среднем за год по виду занятий и полу представлена в таблице 4.

По показателям неквалифицированных рабочих количество мужчин преимущественно больше, чем женщин: 56.3 тысячи человек против 47.9 тысячи человек. Та же тенденция наблюдается и в сфере промышленности, только с еще большим разрывом: 21.8 тысячи мужчин-работников против 8.5 тысячи женщин-работников.

Российское правительство, а также различные общественные организации активно реализуют такие меры поддержки женщин в промышленности:

- 1) введение новых образовательных программ;
- 2) финансовая поддержка проектов, разработанных женщинами для отрасли промышленности;
- 3) принятие молодых матерей на должности в промышленности на полную ставку, а не 0.5, как это происходит в настоящее время;
- 4) продвижение интернет-торговли;
- 5) предпринимательские конкурсы;

Таблица 3

**Среднегодовая численность профессиональных занятых
в возрасте от 15 лет и старше по полу и виду занятий, 2017 г., Пермский край, тыс. чел.***

Показатель	Всего	В том числе	
		Мужчины	Женщины
Занятые (всего)	1204.6	608.9	595.7
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственные занятия (всего)	185.3	151.2	34.1
в том числе			
– рабочие, занятые в строительстве	49.7	43.4	6.3
– занятые в металлообрабатывающем и машиностроительном производстве, механики и ремонтники	82.7	76	6.8
– занятые изготовлением прецизионных инструментов и приборов, рабочие художественных промыслов и полиграфического производства	4.1	2.7	1.4
– занятые в области электротехники и электроники	15.4	13.6	1.8
– занятые в пищевой, деревообрабатывающей, текстильной и швейной промышленности и рабочие родственных занятий	33.3	15.5	17.8
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	175.8	154.5	21.2
в том числе			
– операторы промышленных установок и стационарного оборудования	52.8	37.1	15.7
– сборщики	3.1	2.4	0.7
– водители и операторы подвижного оборудования	119.8	115	4.8

*Составлено по данным [21].

Таблица 4

**Среднегодовая численность неквалифицированных рабочих в возрасте от 15 лет и старше
по полу и виду занятий, 2017 г., Пермский край, тыс. чел.***

Показатель	Всего	В том числе	
		Мужчины	Женщины
Неквалифицированные рабочие (всего)	104.2	56.3	47.9
в том числе			
– прислуга и уборщики	18.7	0.9	17.8
– неквалифицированные рабочие сельского и лесного хозяйства, рыболовства и рыболовства	3.7	2.3	1.4
– неквалифицированные рабочие, занятые в горнодобывающей промышленности, строительстве, обрабатывающей промышленности и на транспорте	30.3	21.8	8.5
– помощники в приготовлении пищи	6.6	0.3	6.2
– уличные торговцы	0.3	0.1	0.2
– неквалифицированные работники по сбору мусора и другие неквалифицированные работники	44.6	30.9	13.7

*Составлено по данным [21].

6) стимулирование научно-технической деятельности.

Наиболее эффективным методом стимулирования работы женщин в отрасли промышленности и преодоления существующих проблем является создание нового объединения работников, которое способствует объединению усилий конкретных активных индивидуумов для достижения общих целей женщин в этой сфере деятельности, а также помощи в определенных ситуациях и обмену информацией и данными соответствующих направлений. В рамках такого объединения необходимо проводить различные семинары и тренинги для повышения квалификации работниц, развивать направления по увеличению количества женщин в технических областях и продвижению их по карьерной лест-

нице, сотрудничать с органами государственной власти для обеспечения решения гендерных проблем с учетом реализации женских потребностей в отрасли промышленности.

Заключение

Проблема гендерного неравенства в сфере занятости сохраняется в стране и отдельных регионах, обусловлена историческими и социальными причинами, выполнением женщины важной роли в семье. Несмотря на это, Россия занимает лидирующие позиции по численности женщин-руководителей в различных видах экономической деятельности. Выделим ряд особенностей, связанных с женской занятостью в промышленности:

– постепенно увеличивается численность руководителей высшего и среднего звена, показатель численности женщин на руководящих постах составляет около 32%, это больше, чем во многих развитых странах;

– промышленное производство является не популярным видом занятости для женщин вследствие вредных производственных факторов и тяжелых условий труда, технических знаний и навыков, которые традиционно характерны для мужчин;

– более низкая численность на промышленном производстве и относительно физически легкие условия труда по сравнению с мужчинами влияют на уровень заработной платы и количество женщин на руководящих должностях и в качестве специалистов, выполняющих различные функциональные обязанности;

– преобладание женщин в сфере легкой промышленности, так как там они занимают профессии, связанные с ткачеством, вышиванием, обувным делом и прочими занятиями, считающимися преимущественно женскими.

Ограничения увеличения женской занятости в промышленности обусловлены гендерной ролью в обществе и тяжелым физическим трудом на многих видах производств; также существуют стереотипы, что в данных видах деятельности женщины не могут эффективно справляться с ролью руководителя.

Высокая роль научно-технического прогресса существенно влияет на требования к профессионализму, уровню образования, поэтому возможности занятости существенно расширяются. Если традиционно в промышленности доля женщин со средним специальным образованием была выше, чем мужчин, то в последние годы наметилась тенденция повышения среди занятых женщин лиц с высшим образованием на 3–5%. Внедрение цифровых технологий и замена тяжелого ручного труда автоматизированными операциями будет способствовать дальнейшему росту численности женщин в промышленном производстве в качестве специалистов и управленцев.

Список литературы

1. Колесникова О.А., Маслова Е.В. Занятость населения как фактор социальной стабильности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2015. № 4. С. 123–126.
2. Галлямов Р.Р. Особенности женского предпринимательства в современной России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 3 (131). С. 56–67.

3. Панов А.М. Гендерный анализ российского рынка труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3 (33). С. 235–242.

4. Боровских Н.В., Авласович Е.М. Гендерные различия в оплате труда: региональный аспект // Вестник Сибирской государственной автомобильной дорожной академии. 2015. № 5 (45). С. 136–143.

5. Похвощев В.А., Колесникова О.А. Развитие женского предпринимательства как фактора обеспечения эффективной занятости // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. № 1 (21). С. 103–107.

6. Кашепов А.В. Структурные сдвиги в занятости населения России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. № 4. С. 129–137.

7. Демиденко С.Ю. Молодежь и ее работа: конструирование трудовой биографии // СОЦИС. 2019. № 4. С. 158–161.

8. Руденко Л.Г. Теоретико-методологические подходы к определению сущности инфраструктурной поддержки малого предпринимательства // Сибирская финансовая школа. 2015. № 5. С. 75–80.

9. Калабихина И.Е. Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2011. № 1. С. 149–176.

10. Поросенков Ю.В. Некоторые аспекты теории российской общественной (социально-экономической) географии на рубеже XX и XXI веков // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: География, геоэкология. 2015. № 3. С. 7–18.

11. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Социология высшего образования: Монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 539 с.

12. Павлов Б.С., Разикова Н.И., Шевелёва О.Р. Воспроизводство инженерных кадров на Урале: концептуализация гендерного подхода // Дискуссия. 2016. № 10. С. 66–72.

13. Русановский В.А., Блинова Т.В., Вальшина А.А. Гендерная структура занятости сельского населения России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2015. № 5. С. 42–51.

14. Шабунова А.А., Попов А.В., Соловьева Т.С. Потенциал женщин на рынке труда региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 124–144.

15. Федюкова Г.Х., Бар Т.В. Комплексный подход к организационному проектированию на предприятиях малого бизнеса // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 1 (20). С. 74–79.

16. Пиньковецкая Ю.С. Развитие женского предпринимательства: экономические и социальные аспекты // Вопросы управления. 2018. № 4 (34).

17. Норсун Т.А. Развитие женского предпринимательства в России на современном этапе // Вестник ЗабГУ. 2016. № 9.

18. Суптело Н.П. Организация бюджетной поддержки малого бизнеса на региональном уровне // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2016. № 4. С. 30–35.

19. Соболев Т.С. Современный уровень и качество жизни населения России // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2018. № 2 (25). С. 7–14.
20. Яницкий О.Н. Вызовы и риски глобализации. Семь тезисов // СОЦИС. 2019. № 1. С. 29–39.
21. Пермский край в цифрах 2018. URL: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permsstat/resources/c4b8a98045b6add89a0bfaedfce35b80/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9+%D0%B2+%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85+2018.pdf (дата обращения: 10.02.2019).
22. Мануйлова А. Гендерный разрыв в зарплатах сократился на треть. Мониторинг рынка труда // Коммерсантъ. 2018. № 7. С. 2.
23. Ретивина В.В. Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 1. С. 57–63.
24. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1 (393). С. 81–93.

GENDER ASPECTS OF EMPLOYMENT IN INDUSTRIAL PRODUCTION IN REGIONS

M.S. Oborin

Plekhanov Russian University of Economics, Perm branch;
Perm State National Research University;
State Agro-Technological University named after Academician D.N. Pryanishnikov

Finding adaptive forms of support for women's entrepreneurship is becoming the most relevant issue under the current conditions of reducing a share of active population and increasing the retirement age. The purpose of the work is to study women's entrepreneurship, to determine the motives and factors that hinder development of women's business and employment in industrial production. Research methods: the article uses statistical tools based on multivariate statistical analysis, econometric modeling and forecasting. The scientific novelty of the research lies in the development of a sound scientific and methodological conceptual model of current and future state measures related to the creation of an institutional and target corridor to enable permanent reproduction of industrial personnel to meet the needs of the regional economy, taking into account their gender. The main results of the study. The article examines gender aspects of employment, identifies global and domestic trends of influence on women's careers, restrictions in the employment of senior positions in the industry. The forms of support for small women's entrepreneurship are specified based on gender differences. Measures are being developed to improve state support for women's entrepreneurship. The article substantiates the gender characteristics of employment and unemployment, the main factors affecting employment of women in the economy, as well as structural indicators of vertical and horizontal employment in various types of industrial production. The data of statistics and open research in the field of career preferences and the dynamics of the number of women in industry are systematized. The advantages of women as employees and managers associated with gender roles in society are identified. Conclusions are drawn about the prospects of women's employment and the elimination of discrimination in the labor market on the example of industrial production in Perm Region, taking into account the trends of the influence of scientific and technological progress and the requirements for education and the universality of the competencies of specialists.

Keywords: gender characteristics, women's employment, industrial production, discrimination, segregation, career preferences, self-realization.

УДК 336

DOI 10.52452/18115942_2021_2_45

МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕЛЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И НЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕР РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

© 2021 г.

Н.И. Яшина, С.Н. Яшин, А.А. Вилейшикова

Яшина Надежда Игоревна, д.э.н.; проф.; заведующая кафедрой финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sitnicof@mail.ru

Яшин Сергей Николаевич, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой менеджмента
и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jashin@iee.unn.ru

Вилейшикова Александра Андреевна, аспирант кафедры финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
a.vileishikova@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 09.04.2021**Статья принята к публикации 30.04.2021*

Целью данной работы является комплексная оценка уровня социально-экономической безопасности субъектов Российской Федерации. Предмет исследования – методика использования статистических и динамических данных субъектов Российской Федерации для оценки уровня их социально-экономической безопасности. В работе предложена система целевых показателей, отражающих функционирование производственной и непроизводственной сфер регионов Российской Федерации, обеспечивающая проведение оценки социально-экономической безопасности, включающая три блока показателей: социальные, финансово-экономические и технические. Предложен методический инструментарий интегральной оценки социально-экономической безопасности, основанный на определении комплексного стандартизованного показателя, позволяющего сравнивать регионы по трем блокам и определять классы безопасности. В работе использованы научные методы экономического, системного анализа и математической статистики. Изложенная в статье методика позволила составить рейтинг регионов страны и выявить из них наиболее кризисные субъекты, что впоследствии может использоваться для разработки комплекса мер, направленных на совершенствование политики, механизма и контроля в сфере социально-экономической безопасности.

Ключевые слова: регион, социально-экономическая безопасность, устойчивость, комплексный стандартизованный показатель, стандартизация.

Введение

Социально-экономическая безопасность является базой для сосредоточения развития и достижения высоких стандартов качества жизни людей. Формирование системы целевых показателей, отражающих социально-экономическую безопасность, дает возможность определить условия стабильности, роста и реформирование отраслей производственной и непроизводственной сферы. Социально-экономическая безопасность регионов – гарантия социально-экономической безопасности, политической и финансово-экономической независимости всей страны. Для проведения комплексной оценки социально-экономической безопасности 85 регионов страны были выбраны целевые показатели, отражающие функционирование производственной и непроизводственной сфер регионов. Представленные ниже показатели были пред-

ложены и разработаны на основе паспортов национальных проектов стратегического развития, установленных Указом Президента России от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Основным назначением данных проектов является обеспечение прогрессивного научно-технического и социально-экономического развития страны, улучшение качества жизни населения, а также обеспечение высокого уровня социально-экономической безопасности регионов.

Вопросам экономической безопасности посвятили свои труды А. Абалкин, К. Бухвальд, П. Гловацкий, А. Городецкий, С. Лазуренко, С. Лекарев, С. Лыкшин, Б. Михайлов, В. Оболенский, А. Орлов, А. Свиноаренко, В. Сенчагов, А. Скопима, В. Тамбовцев, однако вопросы мониторинга социально-экономической безопасности с учетом целевых показателей в системе

социального, финансово-экономического и технического блоков как в теории, так и на практике остаются недостаточно изученными.

Методология

В работе использованы научные методы экономического, системного анализа и математической статистики, которые применены на базе официальных данных Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации за пять лет (2015–2019 гг.).

Первый этап разработки методологического инструментария связан с отбором и формированием показателей по трем блокам: социальному, финансово-экономическому и техническому. На втором этапе используется метод, базирующийся на линейном преобразовании исходных показателей, и осуществляются расчеты, которые приводят относительные целевые показатели к единому интервалу измерения, применяя метод стандартизации. На третьем этапе определяются классы социально-экономической безопасности с учетом целевых показателей в системе социального, финансово-экономического и технического блоков.

Результаты

Классы социально-экономической безопасности с учетом целевых показателей в системе социального, финансово-экономического и технического блоков определяются на основе комплексного стандартизованного показателя.

Расчет стандартизованных значений осуществляется описанными ниже способами:

– группа 1 (относится к максимизации показателей, то есть чем выше значение коэффициента, тем лучше качество жизни населения в регионе, также инвестиционная привлекательность этого субъекта):

$$K_i^* = \frac{K_{i \max} - K_{ij}}{K_{i \max} - K_{i \min}}, \quad (1)$$

где K_i^* – стандартизованный показатель региона Российской Федерации; $K_{i \max}$ – наибольший рассчитанный коэффициент i -го субъекта среди анализируемых регионов; K_{ij} – рассчитанный коэффициент i j -го региона Российской Федерации; $K_{i \min}$ – наименьший рассчитанный коэффициент i -го субъекта среди анализируемых регионов;

– группа 2 (относится к минимизации показателей, соответственно, чем ниже значение коэффициента, тем выше уровень социально-экономического развития региона):

$$K_i^* = \frac{K_{ij} - K_{i \min}}{K_{i \max} - K_{i \min}}. \quad (2)$$

С помощью подобного метода калибрования происходит изменение значений, их диапазон становится в пределах от 0 до 1.

Следующим шагом необходимо произвести суммирование значений по каждому субъекту страны:

$$CK_i^* = \sum_{j=1}^n K_{ij}^*, \quad (3)$$

где CK_i^* – комплексный калиброванный показатель (ККП) социально-экономического развития i -го субъекта Российской Федерации. Чем ниже значение данного показателя, тем лучше качество жизни населения в регионе, а также инвестиционная привлекательность этого субъекта.

С учетом экспертной оценки нормативного значения по классам социально-экономической безопасности по каждому показателю регионы группируются на классы.

Классы социально-экономической безопасности характеризуют стабильность, сбалансированность, развитие регионов по показателям, отражающим финансы, техническое оснащение производства, а также образование, науку, здравоохранение, социальную защиту населения, входящим в предложенные блоки.

Первый класс характеризует высокий порог социально-экономической безопасности регионов. Это уровень свидетельствует об устойчивом состоянии экономики и общества по отношению к различным негативным факторам, возникающим из-за экономических, социальных и других событий внутри региона и страны.

Регионы, относящиеся ко второму классу, имеют средний порог социально-экономической безопасности. Данный класс характеризуется умеренной устойчивостью и отличается определенной несбалансированностью социально-экономического развития. Соответственно, данным регионам необходимо повышение эффективности и результативности механизмов социальной и бюджетной политики.

К третьему классу относятся регионы, социально-экономическое состояние которых вступает в полосу опасного предкризисного функционирования.

Заключение

Предложенный методический инструментарий позволил составить рейтинг регионов страны и выявить наиболее проблемные зоны развития, что впоследствии может использоваться для разработки комплекса мер, направленных на совершенствование политики, механизма и контроля в сфере государственного финансирования расходов в регионах Российской Федерации.

Таблица 1

Первый блок целевых показателей для оценки социально-экономической безопасности регионов (социальный)

Социальный блок			
Обозначение	Показатели	Способ расчета/Интерпретация	Максимизация/минимизация
K1	Коэффициент медицинского оснащения	Численность населения / Количество больничных коек	Минимизация
K2	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций (всего тыс. посещений в смену)	–	Минимизация
K3	Численность врачей всех специальностей (всего тыс. человек)	–	Максимизация
K4	Коэффициент обеспеченности медицинскими кадрами	Численность врачей всех специальностей / Численность населения	Максимизация
K5	Коэффициент заболеваемости	1000 человек / Численность заболевших	Минимизация
K6	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	–	Максимизация
K7	Коэффициент смертности 1	Число смертей / 100000 человек	Минимизация
K8	Коэффициент смертности 2	Численность умерших / 100000 человек соответствующего возраста	Минимизация
K9	Коэффициент прироста численности населения	$((\text{Численность населения за } N \text{ год} - \text{Численность населения за } N-1 \text{ год}) / \text{Численность населения за } N-1 \text{ год}) \times 100$	Максимизация
K10	Численность студентов, которые обучаются в бакалавриате, специалитете, магистратуре (тыс. чел.)	–	Максимизация
K11	Прием на обучение по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры (тыс. чел.)	–	Максимизация
K12	Выпуск бакалавров, магистров (тыс. чел.)	–	Максимизация
K13	Коэффициент материально-технической обеспеченности в учебных учреждениях	Число персональных компьютеров, которые необходимы для реализации учебных задач в государственных муниципальных организациях / 1000 обучающихся студентов	Максимизация
K14	Коэффициент подготовки кадров высшей квалификации	Число организаций, ведущих подготовку специалистов в регионе / Число организаций, ведущих подготовку специалистов в РФ	Максимизация
K15	Коэффициент вовлеченности на рынок труда 1	Среднегодовая численность занятых в регионе / Численность населения в регионе	Максимизация
K16	Коэффициент занятости	Количество работающего населения по уровню образования в регионе / Количество работающего населения по уровню образования в РФ	Максимизация
K18	Численность населения (доля в РФ)	Численность населения в регионе / Численность населения в РФ	Максимизация
K19	Коэффициент вовлеченности на рынок труда 2	Среднегодовая численность занятых в регионе / Среднегодовая численность занятых в РФ	Максимизация
K22	Коэффициент вовлеченности в науку	Поступление патентных заявок в регионе / Поступление патентных заявок в РФ	Максимизация

Рассмотрим применение методики оценки бюджетной безопасности регионов на основе сводного стандартизованного показателя на примере субъектов РФ.

Таким образом, необходимо проанализировать целевые выбранные показатели регионов на 2018 год. Данные распределяются по трем блокам: социальный, финансово-экономический и технический. Более наглядно это представлено в таблицах 1–3.

Для более наглядного анализа социально-экономического состояния анализируемых субъектов необходимо выставить ранг для каждого региона и сложить их. В конечном итоге мы получаем сводную таблицу, в которой каждому региону Российской Федерации присвоено определенное количество суммированных баллов. Чем меньше количество баллов, тем выше эффективность ведения финансовой, бюджетной, налоговой дисциплины, а также степень

Таблица 2

**Второй блок целевых показателей для оценки социально-экономической безопасности регионов
(финансово-экономический)**

Финансово-экономический блок			
Обозначение	Показатели	Способ расчета	Максимизация/минимизация
K17	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников предприятий (руб.)	—	Максимизация
K20	Коэффициент инвестиционного развития 1	Инвестиции в основной капитал / ВРП	Максимизация
K21	Коэффициент производственных возможностей	Основные фонды в экономике / ВРП	Максимизация
K25	Коэффициент затрат на инновации	Затраты на технологические инновации / ВРП	Максимизация
K26	Коэффициент объема инноваций	Объем инновационных товаров, работ, услуг / ВРП	Максимизация
K29	Коэффициент инвестиционного развития 2	Инвестиции в основной капитал в регионе / Инвестиции в основной капитал всего в РФ	Максимизация
K30	Коэффициент инвестиционного развития 3	Инвестиции в основной капитал / ВВП	Максимизация
K31	Инвестиции в основной капитал на душу населения	—	Максимизация
K32	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал (%)	—	Максимизация
K33	Коэффициент распределения инвестиций	Показатель свидетельствует об уровне регионального инвестирования и отражает долю источников финансирования в РФ и ее регионах	Максимизация
K34	Коэффициент инвестиционного развития 6	Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности всего (млн руб.) / ВВП	Максимизация
K35	Коэффициент инвестиционного развития 7	Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности всего / ВРП	Максимизация
K36	Коэффициент численности организаций	Число предприятий в регионах/Число предприятий в РФ	Максимизация
K37	Коэффициент распределения числа организаций по видам экономической деятельности в регионах	Распределение числа предприятий и организаций по видам экономической деятельности в регионах / Распределение числа предприятий и организаций по видам экономической деятельности в РФ	Максимизация
K38	Коэффициент оборота организаций к ВВП	Оборот организаций по видам экономической деятельности / ВВП	Максимизация
K49	Коэффициент финансового результата к ВРП	Сальдированный финансовый результат деятельности организаций / ВРП	Максимизация
K40	Коэффициент финансового результата в среднем по РФ	Сальдированный финансовый результат деятельности организаций в регионах / Сальдированный финансовый результат деятельности организаций в среднем по РФ	Максимизация
K41	Коэффициент финансового результата организаций по отдельным видам экономической деятельности к ВРП	Сальдированный финансовый результат организаций по отдельным видам экономической деятельности / ВРП	Максимизация
K42	Коэффициент роста промышленного производства	(Индекс промышленного производства в N году / Индекс промышленного производства в N-1 году)*100	Максимизация
K43	Коэффициент роста производства по видам экономической деятельности	(Индексы производства по видам экономической деятельности (обрабатывающая деятельность) в N году / Индексы производства по видам экономической деятельности (обрабатывающая деятельность) в N-1 году)*100	Максимизация

Окончание таблицы 2

Финансово-экономический блок			
Обозначение	Показатели	Способ расчета	Максимизация/минимизация
K44	Коэффициент задолженности юридических лиц 1	Задолженность по кредитам в иностранной валюте, предоставленным кредитными организациями юр. лицам / ВРП	Минимизация
K45	Коэффициент задолженности юридических лиц 2	Задолженность по кредитам в иностранной валюте, предоставленным кредитными организациями юр. лицам / Численность населения	Минимизация
K46	Коэффициент жилищных кредитов в ВРП	Объем жилищных кредитов (ипотечных жилищных кредитов), предоставленных кредитными организациями физ. лицам / ВРП	Минимизация
K47	Коэффициент задолженности физических лиц	Задолженность по кредитам в иностранной валюте, предоставленным кредитными организациями физ. лицам / ВРП	Минимизация
K48	Коэффициент региональных доходов	Доходы консолидированных бюджетов в регионах / Доходы консолидированных бюджетов в РФ	Максимизация
K49	Коэффициент доходов консолидированных бюджетов в ВРП	Доходы консолидированных бюджетов РФ / ВРП	Максимизация
K50	Коэффициент расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ по отношению к ВРП	Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ / ВРП	Максимизация
K51	Коэффициент расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ по отношению к доходам консолидированных бюджетов субъектов РФ	Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на национальную экономику / Доходы консолидированного бюджета	Минимизация
K52	Коэффициент исполнения бюджетов РФ по отношению к ВРП	Исполнение бюджетов РФ (Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, Фонд обязательного медицинского страхования) / ВРП	Максимизация
K53	Коэффициент вкладов по отношению к численности населения	Вклады (депозиты) юридических и физических лиц в рублях, привлеченные кредитными организациями / Численность населения	Максимизация
K54	Коэффициент региональных вкладов по отношению к РФ	Вклады (депозиты) юридических и физических лиц в рублях, привлеченные кредитными организациями в регионах / Вклады (депозиты) юридических и физических лиц в рублях, привлеченные кредитными организациями в РФ	Максимизация
K55	Коэффициент вкладов в иностранной валюте по отношению к численности населения	Вклады (депозиты) юридических и физических лиц в иностранной валюте, привлеченные кредитными организациями / Численность населения	Максимизация
K56	Коэффициент региональных вкладов в иностранной валюте по отношению к РФ	Вклады (депозиты) юридических и физических лиц в иностранной валюте, привлеченные кредитными организациями в регионах / Вклады (депозиты) юридических и физических лиц в иностранной валюте, привлеченные кредитными организациями в РФ	Максимизация
K57	Коэффициент региональных вкладов физических лиц на рублевых счетах в Сбербанке России по отношению к РФ	Вклады физических лиц на рублевых счетах в Сбербанке России в регионах / Вклады физических лиц на рублевых счетах в Сбербанке России в РФ	Максимизация
K58	Коэффициент региональных вкладов физических лиц на валютных счетах в Сбербанке России по отношению к РФ	Вклады физических лиц на валютных счетах в Сбербанке России в регионах / Вклады физических лиц на валютных счетах в Сбербанке России в РФ	Максимизация

Источник: таблица авторская.

благополучия и качества жизни населения, уровень инвестиционной привлекательности субъектов.

Исходя из полученных данных, можно отметить, что к первому уровню субъектов, обладающих высоким порогом социально-экономической безопасности, относятся Центральный федеральный округ, город Москва, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ, город Санкт-Петербург, Приволжский федеральный округ. Второй уровень субъектов с менее стабильной ситуацией: Республика Ингушетия, Магаданская область, Ленинградская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Республика Татарстан и др. Третий уровень социально-экономической безопасности, характеризующийся тревожным предкризисным состоянием, содержит следующие субъекты: Ивановская область, Курганская область, Республика Марий Эл, Республика Крым и др.

Самый низкий рейтинг социально-экономической безопасности получила Саратовская область. В российском ежедневном общественно-политическом издании «Коммерсантъ» сообщается, что губернатор Саратовской области Валерий Радаев связывает низкий уровень социально-экономической безопасности региона с высокой закредитованностью данного субъекта

и ограниченностью в средствах. Эксперты также считают, что, помимо названных главой региона причин, положение региона по социально-экономической безопасности ухудшают низкая бюджетная обеспеченность, падение активности в предпринимательском секторе и кадровые проблемы областной власти.

В качестве мер, способствующих повышению уровня социально-экономической безопасности Саратовской области, могут служить следующие действия:

- создание долгосрочной сбалансированности, устойчивости и качественного развития бюджетной системы;
- освоение новых перспективных сегментов российского и мирового рынка;
- активное привлечение российских и иностранных инвестиций;
- развитие системы поддержки предпринимателей в регионе;
- повышение эффективности участия институтов гражданского общества в социально-экономическом развитии субъекта и т.д.

Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ, проект 0729-2020-0056 «Современные методы и модели диагностики, мониторинга, предупреждения и преодоления кризисных явлений в экономике в условиях цифровизации как способ обеспечения экономической безопасности Российской Федерации».

Таблица 3

Третий блок целевых показателей для оценки социально-экономической безопасности регионов (технический)

Технический блок			
Обозначение	Показатели	Способ расчета	Максимизация/минимизация
K23	Коэффициент разработки технологий	Разработанные передовые производственные технологии в регионе/Разработанные передовые производственные технологии в РФ	Максимизация
K24	Коэффициент использования технологий	Используемые передовые производственные технологии в регионе/Используемые передовые производственные технологии в РФ	Максимизация
K27	Коэффициент информационного и коммуникационного обеспечения	Значение данного показателя отражает уровень информационного и коммуникационного технологического обеспечения в региональных организациях	Максимизация
K28	Коэффициент использования сетевого обеспечения	Значение данного показателя характеризует уровень сетевого использования и обеспечения в регионах	Максимизация

Источник: таблица авторская.

Таблица 4

Сводная таблица общего рейтинга регионов Российской Федерации по социальным, финансово-экономическим и техническим показателям

Регионы	ККП Блок 1	Ранг Блок 1	ККП Блок 2	Ранг Блок 2	ККП Блок 3	Ранг Блок 3	ККП суммарный	Ранг суммарный	Уровень фин. безопасности
Центральный федеральный округ	16.40987	4	57.54670	1	2.23136	12	76.18793	17	1
г. Москва	16.46246	5	66.77457	2	1.96185	5	85.19889	12	1
Чукотский автономный округ	14.09888	2	78.27152	10	1.98076	6	94.35115	18	1

Продолжение таблицы 4

Регионы	ККП Блок 1	Ранг Блок 1	ККП Блок 2	Ранг Блок 2	ККП Блок 3	Ранг Блок 3	ККП суммарный	Ранг суммар- ный	Уровень фин. безо- пасности
Ненецкий авто- номный округ	7.49239	1	79.81174	14	2.09715	9	89.40128	24	1
г. Санкт- Петербург	19.26861	6	82.65542	22	2.23961	13	104.16363	41	1
Приволжский федеральный округ	20.20299	18	71.14915	3	2.63764	21	93.98978	42	1
Первый уровень	19.61737	11	71.25953	4	2.86840	38	93.74530	53	1
Республика Ингушетия	21.91805	45	77.21712	7	1.68655	2	100.82172	54	2
Магаданская область	21.75290	39	79.40550	12	1.99315	7	103.15155	58	2
Ленинградская область	20.37553	19	83.72598	26	2.49862	17	106.60013	62	2
Ханты-Мансий- ский автономный округ – Югра	19.39838	8	82.51727	21	2.81493	33	104.73058	62	2
Республика Татарстан	21.29667	26	82.87718	23	2.24408	14	106.41792	63	2
Уральский феде- ральный округ	21.37801	27	72.84076	5	2.77453	31	96.99330	63	2
Амурская область	19.71887	14	84.90219	39	2.60583	20	107.22689	73	2
Костромская область	20.42422	21	85.11094	41	2.55525	18	108.09041	80	2
Московская область	21.41088	28	83.90944	28	2.76862	30	108.08894	86	2
Мурманская область	22.34307	59	82.37152	19	2.06580	8	106.78039	86	2
Ставропольский край	22.26870	53	84.28656	34	1.65402	1	108.20928	88	2
Северо-Западный федеральный округ	20.38402	20	85.41830	47	2.64399	22	108.44631	89	2
Тюменская область	19.58851	10	84.49368	35	2.96446	46	107.04665	91	2
Камчатский край	21.51844	33	82.16405	16	2.95556	45	106.63806	94	2
Республика Коми	19.37471	7	82.43604	20	3.22843	69	105.03917	96	2
Ямало-Ненецкий автономный округ	14.54357	3	83.44225	25	3.22408	68	101.20991	96	2
Южный феде- ральный округ	21.51789	32	77.64954	9	3.08063	57	102.24806	98	2
Сибирский феде- ральный округ	21.29316	25	74.10469	6	3.26484	70	98.66269	101	2
Нижегородская область	22.35820	60	82.27923	18	2.68340	24	107.32084	102	2
Еврейская авто- номная область	19.51636	9	82.24567	17	3.39454	79	105.15658	105	2
Сахалинская область	21.56945	36	83.96042	30	2.90594	40	108.43581	106	2
Республика Алтай	19.62912	12	89.62414	92	1.92297	4	111.17623	108	2
Республика Адыгея	20.02278	16	87.89804	83	2.19645	11	110.11728	110	2
Республика Северная Осетия – Алания	21.56170	35	86.59704	64	2.43277	16	110.59152	115	2
Вологодская область	22.13686	50	81.83666	15	3.01860	53	106.99211	118	2
Дальневосточ- ный федераль- ный округ	21.85465	41	77.52258	8	3.26769	71	102.64492	120	2

Продолжение таблицы 4

Регионы	ККП Блок 1	Ранг Блок 1	ККП Блок 2	Ранг Блок 2	ККП Блок 3	Ранг Блок 3	ККП суммарный	Ранг суммар- ный	Уровень фин. безо- пасности
Белгородская область	22.45859	65	84.89731	38	2.56190	19	109.91780	122	2
Свердловская область	22.47374	68	84.96769	40	2.70391	26	110.14533	134	2
Хабаровский край	22.14610	51	85.52490	50	2.82367	34	110.49467	135	2
Тамбовская область	23.51813	98	84.72945	36	1.83987	3	110.08745	137	2
Челябинская область	22.47492	69	83.99167	31	2.86361	37	109.33020	137	2
Ярославская область	22.33864	58	86.28143	57	2.67566	23	111.29573	138	2
Северо-Кавказский федеральный округ	21.54561	34	79.50311	13	4.01591	93	105.06463	140	2
Кемеровская область	20.18603	17	85.35796	46	3.32171	77	108.86569	140	2
Республика Карелия	19.75019	15	89.20753	91	2.93792	42	111.89564	148	2
Архангельская область без автономного округа	22.37685	61	78.47908	11	3.31024	76	104.16617	148	2
Новгородская область	20.55103	22	87.10391	70	3.04769	56	110.70263	148	2
Республика Хакасия	19.69430	13	85.71404	54	3.41872	81	108.82705	148	2
Липецкая область	23.08341	93	83.84112	27	2.76839	29	109.69291	149	2
Тюменская область без автономных округов	20.95770	23	86.85611	67	3.11688	59	110.93068	149	2
Республика Саха (Якутия)	21.19160	24	85.13638	42	3.61648	88	109.94446	154	2
Курская область	22.91438	82	83.24130	24	2.98154	50	109.13721	156	2
Иркутская область	21.64628	38	83.94199	29	3.62592	89	109.21419	156	2
Второй уровень	22.01150	46	85.43887	48	3.14327	62	110.59364	156	2
Пермский край	22.77588	80	85.21204	44	2.85254	35	110.84046	159	3
Красноярский край	22.46025	66	85.13658	43	3.12314	60	110.71998	169	3
Самарская область	22.02498	47	84.12291	32	3.77508	92	109.92297	171	3
Кировская область	22.96347	84	87.24126	74	2.25229	15	112.45701	173	3
Республика Башкортостан	22.70953	76	86.48327	62	2.86006	36	112.05285	174	3
Астраханская область	22.13552	49	87.63713	79	2.97695	48	112.74961	176	3
г. Севастополь	22.24878	52	87.15412	71	3.02985	54	112.43275	177	3
Томская область	21.58452	37	85.47970	49	3.76308	91	110.82729	177	3
Воронежская область	22.53648	70	87.68797	80	2.76283	28	112.98729	178	3
Волгоградская область	22.64510	75	87.35265	76	2.73497	27	112.73273	178	3
Орловская область	21.89497	43	86.00046	55	3.45386	82	111.34929	180	3
Краснодарский край	22.31355	56	87.87267	82	2.94711	43	113.13334	181	3
Ульяновская область	21.89892	44	85.60143	51	3.57302	86	111.07337	181	3
Рязанская область	22.75427	78	86.32835	60	2.97381	47	112.05643	185	3
Оренбургская область	22.96645	85	86.97068	69	2.77828	32	112.71541	186	3
Новосибирская область	21.82226	40	86.37985	61	3.52749	85	111.72960	186	3

Окончание таблицы 4

Регионы	ККП Блок 1	Ранг Блок 1	ККП Блок 2	Ранг Блок 2	ККП Блок 2	Ранг Блок 2	ККП суммарный	Ранг суммар- ный	Уровень фин. безо- пасности
Тульская область	23.12542	94	84.14838	33	3.13907	61	110.41287	188	3
Республика Мордовия	22.33547	57	86.22003	56	3.30736	75	111.86285	188	3
Забайкальский край	23.06581	92	88.02116	86	2.13853	10	113.22550	188	3
Калининградская область	21.87983	42	90.59889	95	3.09392	58	115.57264	195	3
Владимирская область	23.28311	97	87.24139	75	2.68437	25	113.20886	197	3
Пензенская область	22.99816	87	85.35702	45	3.16100	65	111.51618	197	3
Республика Тыва	21.48805	31	90.01670	94	3.27405	72	114.77880	197	3
Брянская область	22.45501	64	87.16737	72	3.14633	63	112.76871	199	3
Карачаево- Черкесская Республика	22.07610	48	86.92655	68	3.47119	83	112.47384	199	3
Удмуртская Республика	22.63990	74	87.94332	85	2.92148	41	113.50469	200	3
Архангельская область	22.29731	54	87.23598	73	3.29213	74	112.82542	201	3
Ростовская область	22.38715	62	88.51883	90	2.97760	49	113.88357	201	3
Псковская область	23.01478	88	86.31498	59	3.03154	55	112.36130	202	3
Республика Бурятия	22.56581	72	84.87532	37	4.38838	97	111.82951	206	3
Республика Дагестан	21.45196	29	87.78558	81	5.99403	98	115.23157	208	3
Калужская область	22.92935	83	88.08199	88	2.90414	39	113.91549	210	3
Чувашская Республика	22.46497	67	89.78452	93	3.01140	52	115.26090	212	3
Республика Калмыкия	22.30272	55	86.49174	63	4.05226	95	112.84672	213	3
Омская область	22.76179	79	85.70585	53	3.50142	84	111.96906	216	3
Смоленская область	22.98935	86	88.03819	87	2.95514	44	113.98268	217	3
Кабардино- Балкарская Рес- публика	21.48406	30	91.42721	97	4.04697	94	116.95824	221	3
Приморский край	22.44222	63	94.45061	98	3.15079	64	120.04362	225	3
Тверская область	23.21058	96	85.68105	52	3.38244	78	112.27407	226	3
Чеченская Республика	22.82740	81	86.76717	66	3.41314	80	113.00772	227	3
Алтайский край	22.72343	77	87.92132	84	3.16794	66	113.81269	227	3
Ивановская об- ласть	23.04530	90	88.33771	89	2.98808	51	114.37109	230	3
Курганская об- ласть	22.55232	71	86.69759	65	4.11200	96	113.36191	232	3
Республика Ма- рий Эл	23.02976	89	86.29318	58	3.60860	87	112.93154	234	3
Республика Крым	23.18525	95	87.59601	77	3.20738	67	113.98864	239	3
Саратовская область	22.59930	73	87.63669	78	3.73000	90	113.96599	241	3
Третий уровень	23.04748	91	91.04098	96	3.27641	73	117.36486	260	3

Список литературы

1. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономи-
ки. 2015. № 12. С. 4.

2. Глазьев С.Ю. Основы обеспечения экономиче-
ской безопасности страны // Российский экономиче-
ский журнал. 1997. № 1. С. 5.

3. Загашвили В.С. Экономическая безопасность
России. М.: Гардарики, 1997. С. 25.

4. Игудин А.Г. Становление и развитие бюджетного федерализма в РФ // *Финансы*. 2016. С. 48–53.
5. Илларионов А.А. Критерии экономической безопасности // *Вопросы экономики*. 2007. № 10. С. 47.
6. Медведев В. Проблемы экономической безопасности России // *Вопросы экономики*. 1999. № 3. С. 111.
7. Олейников Е.А. (ред.) *Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность)*. М.: Интел-Синтез, 1997. 288 с.
8. Поляк Г.Б. и др. *Государственные и муниципальные финансы: Учебник для студентов вузов* / Под ред. Г.Б. Поляка. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 391 с.
9. Сенчагов В.К. *Бюджет России: развитие и обеспечение экономической безопасности: Монография*. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 384 с.
10. Шпилевская Е.В. Человеческий капитал в системе экономической безопасности региона // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2015. № 5 (84). С. 118–125.
11. *Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник* / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. 815 с.
12. Яшина Н.И., Поющева Е.В. Совершенствование методологии оценки налогового потенциала территорий с учетом риска // *Региональная экономика: теория и практика*. 2007. № 6. С. 132–138.
13. Яшина Н.И., Гришунина И.А. Совершенствование теоретических и практических основ оценки финансового состояния и качества управления бюджетами в целях повышения эффективности управления финансовыми ресурсами территории // *Финансы и кредит*. 2006. № 4 (208). С. 2–11.
14. Яшина Н.И., Богомолов С.В. Методика оценки финансового состояния консолидированных бюджетов субъектов РФ // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2008. № 5. С. 154–166.
15. Яшина Н.И., Вилейшикова А.А., Яшин С.Н. Методические аспекты к оценке финансового состояния предприятий, получающих финансирование по государственному оборонному заказу // *Финансовая экономика*. 2020. № 8 (2). С. 240–243.
16. Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.minfin.ru/ru/>
17. Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nalog.ru/>
18. Официальный сайт Федерального казначейства. Режим доступа: <https://roskazna.ru/novosti-i-soobshheniya/novo-sti/1406980>.

METHODOLOGICAL TOOLS FOR ASSESSING THE SOCIO-ECONOMIC SECURITY OF REGIONS BASED ON THE FORMATION OF A SYSTEM OF TARGET INDICATORS OF PRODUCTION AND NON-PRODUCTION AREAS OF REGIONAL DEVELOPMENT

N.I. Yashina, S.N. Yashin, A.A. Vileishchikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of this work is a comprehensive assessment of the level of socio-economic security of the subjects of the Russian Federation. The subject of the study is the methodology of using statistical and dynamic data of the subjects of the Russian Federation to assess the level of their socio-economic security. The paper proposes a system of target indicators that reflect the functioning of the production and non-production spheres of the regions of the Russian Federation, providing an assessment of socio-economic security, including three blocks of indicators: social, financial-economic and technical. The authors propose a methodological tool for the integrated assessment of socio-economic security, based on the definition of a comprehensive standardized indicator that allows both to compare regions in three blocks and to determine security classes in time, dimension and space. The paper uses scientific methods of economic, system analysis and mathematical statistics. The methodology described in the article made it possible to make a rating of the country's regions and identify the most crisis-prone subjects among them, which can later be used to develop a set of measures aimed at improving the policy, mechanism and control in the field of socio-economic security.

Keywords: region, socio-economic security, sustainability, integrated standardized indicator, standardization.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.64

DOI 10.52452/18115942_2021_2_55

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОНО- И БИЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ДЕТЕЙ ИЗ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕМЕЙ

© 2021 г.

Ф.Б. Бурханова, Э.В. Садретдинова, Р.Р. Мухамадиева

Бурханова Флюра Булатовна, д.соц.н.; проф.; главный научный сотрудник Башкирского филиала
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Уфа
burhanova.flura@mail.ru

Садретдинова Эвеллина Винеровна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии и работы с молодежью
Башкирского государственного университета, Уфа
golichev@mail.ru

Мухамадиева Регина Робертовна, магистр социологии, научный сотрудник
Института стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа
ufasocman@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 27.11.2020**Статья принята к публикации 01.04.2021*

Рассматривается состояние этнической идентичности детей из межнациональных семей и ее связь с факторами, воздействующими на процесс ее формирования на уровне семьи: с этнической идентичностью родителей, их установками на формирование ее у детей; с объемом и характером воспитательного, социализирующего влияния отцов и матерей; с языковыми установками родителей и практиками использования национальных языков.

Основная цель статьи – ответить на вопрос, как связано определение национальности у детей по матери, по отцу и по обоим родителям с тем, каковы ориентации родителей в вопросе формирования этнической идентичности у детей и каково их воздействие на детей как субъектов этого процесса.

Анализ основан на результатах анкетирования детей 16–23 лет и их родителей из межнациональных семей, проведенного в Башкортостане в 2019 г. Опрошено 363 семьи: 363 родителя и 363 ребенка.

Ключевые слова: межнациональная семья, этническая идентичность, моноэтническая идентичность, биэтническая идентичность, социализация в семье, воспитание в семье, дети, родители.

Введение

В современном обществе, включая и российское, этничность сохраняет свою значимость. В условиях глобализации и культурной унификации она остается востребованной и является тем социальным и культурным пространством, где человек может выразить свою уникальность, соприкоснуться с традицией [1, с. 119; 2, с. 70–71].

В формировании этнической идентичности участвуют разнообразные агенты, среди которых особое место принадлежит семье – родителям, прародителям, ближайшему родственному окружению. Семья одновременно и среда, и субъект этнической социализации и воспитания, в процессе которых у детей формируются поведение, ценности и аттитюды, свойственные этнической группе или группам, и они начинают рассматривать себя и других людей членами этнических общностей.

Особую среду и субъект формирования идентичности представляет собой межнациональная семья. В ней процессы этнической социализации и воспитания более сложны и специфичны, имеют свои особенности по сравнению с семьями однонациональными [3, с. 54–55].

На уровне семьи реализуется существующая в обществе традиция определения этнической принадлежности ребенка либо по отцу, либо по матери, то есть определение «другими людьми», либо путем свободного выбора личности, то есть по принципу самоопределения человека. Переход современного общества от определения национальности человека другими людьми к самоопределению, от определения по традиции к свободе индивидуального выбора особым образом актуализирует исследование национального самоопределения детей из межнациональных семей.

Основная цель статьи – показать влияние конкретных факторов, действующих в рамках семьи, на формирование разных типов этнической идентичности детей – моноэтницовой, монотермической и биродительской. Определение своей национальности по матери, по отцу или по обоим родителям – не только важнейший маркер этнической идентичности, но и измеримый результат этносоциализации и этнокультурного воспитания в семье.

Теоретические основы

Этническая идентичность определяется как осознание человеком своей принадлежности к этносу/этносам, отождествление себя с ним (с ними). Она включает и переживаемые чувства, а также и соответствующие поступки, действия, связанные с этнической принадлежностью [3, с. 75; 4, с. 418]. В этнической идентичности выделяют три компонента (уровня): когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

По тому, к какому этносу (этносам) относит себя человек, родители которого имеют разные национальности, идентичность может быть: моноэтницовой по отцу; моноэтницовой по матери; биэтницовой (по обоим родителям). Человек может не относить себя к этносам родителей, а чувствовать и декларировать принадлежность к «третьему» этносу, например к русским, что может проявляться в России, или же к этносу прародителя. Последнее возможно в том случае, если родители сами являются выходцами из межнациональной семьи, то есть в расширенной семье присутствует, условно говоря, «третья» национальность. Любой человек, в том числе и выходец из межнациональной семьи, может не считать себя принадлежащим к какой бы то ни было этнической группе.

По силе ощущения принадлежности можно говорить о сильно выраженной, слабо выраженной и крайне слабо выраженной идентичности, когда она практически полностью отсутствует. По характеру проявления идентичность может быть устойчивой и ситуативной. При устойчивой в любых ситуациях человек причисляет себя к одному или двум этносам. При ситуативной в разных жизненных ситуациях чувствует себя принадлежащим то к этносу отца, то матери, то к обоим сразу, а возможно, и к какому-то, условно говоря, «третьему» этносу. Такими жизненными ситуациями могут быть общение с бабушками и дедушками, с другими родственниками со стороны отца или матери, со сверстниками или друзьями, имеющими общую этничность с отцом или матерью.

В рамках семьи на ребенка влияют разные факторы, под воздействием которых складываются его представления о себе как принадлежащем к этнической группе/группам, переживаются соответствующие чувства, определяющие поведение. Влияние семьи – широкое понятие, которое обычно используется для обозначения того, какие последствия могут иметь статус члена семьи и семейный опыт для индивидов. И эти последствия достаточно сложно измерять [5, с. 55–56].

Теоретическая модель системы внутрисемейных факторов влияния на идентичность детей, которая положена в основу исследования, включает следующие факторы. Прежде всего, этническую идентичность каждого из родителей с характеристиками ее состояния. Фактором являются и установки – позиции родителей по вопросу о том, к какой национальности ребенок должен относить себя в итоге семейного этнокультурного воспитания, должен ли вообще относить, важно ли, чтобы ребенок идентифицировал себя в этническом плане. Объем, характер общения каждого из родителей с ребенком, сила их социализирующего и воспитательного влияния тоже рассматриваются как воздействующие факторы (фактор «социализация и воспитание»). Наконец, это языковые установки супругов и практики использования в семье национального языка (языков). Другие этнокультурные практики семьи и субъекты внутрисемейного влияния (прародители) включены в теоретическую и эмпирическую модели влияния, но в данной статье не рассматриваются.

Особенность складывания идентичности детей, независимо от того, в какой семье они воспитываются, состоит в том, что ребенок выступает объектом ее формирования. В силу объектности он не может совсем или может в ограниченном объеме влиять на процесс. По мере взросления приобретает субъектность, способность осмысливать происходящее, делать самостоятельный выбор, принимать или отвергать. Но если в мононациональной семье ребенок должен ответить себе на вопрос, условно говоря, «есть ли у меня национальность», то в межнациональной семье еще и на вопрос «а какая она». В силу бикультурности или даже поликультурности семьи сам контекст формирования идентичности иной и вопросы выбора для ребенка стоят иначе, чем в монокультурной семье.

Этническая идентичность, будучи актуальным предметом изучения, освещается в публикациях многих российских авторов. Меньше публикаций, где рассматриваются особенности

идентичности выходцев из межнациональных семей [6–12], еще меньше работ содержат исследования роли семьи в ее формировании и роли межнациональной семьи в том числе [13–16].

Одно такое исследование проведено в Санкт-Петербурге, где в выборке межнациональных семей было около 87% русских матерей и 52% отцов из народов Кавказа и Средней Азии. Авторами сделан ряд интересных выводов. Установлено, что влияние матерей на этническую самоидентификацию детей сильнее, чем отцов. Это обусловлено доминированием материнской социализации, свойственной национальной (русской) традиции, тем, что русские матери воспитывают детей в русской культурной среде [14, с. 134]. Показано, что сформированность и характер этнической идентичности у детей взаимосвязаны с культурой родительства. Мономатеринская идентичность связана с солидарной моделью родительства, с эгалитарными отношениями супругов, а биэтническая – с традиционной, где высока роль отца [15, с. 132]. Дети из межэтнических семей чаще, чем из моноэтнических, указывали на применение родителями жестких авторитарных методов воспитания. У родителей, особенно у отцов, тоже проявилась ориентация на авторитаризм, что объясняется стремлением к сохранению присущих исламу традиций в социализации детей [16, с. 95–96].

Методика сбора данных и измерения

Сбор социологических данных проведен в 2019 г. на территории Башкортостана. Республика характеризуется многонациональным составом населения, высокой долей домохозяйств с лицами разных национальностей (28.3% из всех домохозяйств, указавших национальности членов; в городах – 30.8%, в селах – 24.3%). Наиболее многочисленные этносы, составляющие 90.9% населения: русские – 36%, башкиры – 29.5%, татары – 25.4%.

В исследовании объектом выступала семья, основанная на межэтническом браке и воспитывающая ребенка (детей) 16–23 лет. Данные собирались методом анкетирования родителей и детей из одних и тех же семей. Опрошено 363 семьи (726 человек, 363 родителя и 363 ребенка). Выборка строилась как территориальная, случайная, частично применялись элементы неслучайного отбора (снежный ком).

Анкета для родителей, разработанная в двух вариантах (для отца и матери), и анкета для детей имели общие и специфичные блоки вопросов. Общие блоки: отношения между детьми и родителями, воспитание; национальная идентичность; национальный язык; религиозная

идентичность, приобщение к религии. Блок вопросов «этническая идентичность» содержал вопросы для измерения идентичности детей и родителей и установки родителей на формирование идентичности у детей.

Сформированная выборка имеет следующие характеристики. Отцы – 47.4%, матери – 52.6%. Их возраст: до 40 лет – 27.1%; 41–50 лет – 55.1%; 51 год и старше – 17.8%. Место жительства семей: 19 городов (из 21 имеющегося на территории республики), 31 муниципальный район (из 54 имеющихся). Городские семьи – 62.2%; сельские – 37.8%, что приближено к данным ВПН 2010 г. (городское население – 60.4%, сельское – 39.6%).

Состав семей по национальностям отцов и матерей: русско-башкирские – 13.5%; русско-татарские – 22.2%; башкиро-татарские – 24.9%; башкиры – «другие» (исключая русских, татар) – 7.2%; татары с «другими» – 11.0%; русские с «другими» – 18.6%; «другие» – «другие» – 2.8%. Группа «другие» включает представителей этносов, исторически, традиционно проживающих в республике (марийцы, украинцы, удмурты, чуваш и др.) и тех, кто не относится к таковым (армяне, таджики, узбеки, казахи, туркмены). По сочетанию национальностей супругов семьи делятся на 1) «традиционные» – основанные на браках между этносами, традиционно, исторически проживающими на территории республики, – 82.6%; 2) «нетрадиционные» – браки представителей традиционно проживающих этносов с теми, кто исторически, традиционно не проживает на территории РБ, – 17.4%. Часть отцов (16.4%) и матерей (28.8%) являются выходцами из межнациональных семей.

В подвыборке детей мальчики составляют 37.8%, девочки – 62.2%. Они делятся по возрастным группам: 16–17 лет – 44.1%; 18–19 лет – 31.2%; 20–21 год – 11.8%; 22–23 года – 12.9%. Основное занятие: учатся в средней школе – 28%; в колледже, техникуме, профессиональном училище – 18.5%; в вузе – 38.9%; остальные 14.5% имеют другие занятия.

Каждый из указанных выше внутрисемейных факторов влияния измерялся с помощью одной или набора переменных. Когнитивная составляющая *идентичности детей* замерялась с помощью вопросов: как человек должен определять свою национальность, когда родители разных национальностей; человеком какой национальности или каких национальностей Вы себя осознаете, ощущаете. Данные об эмоциональной составляющей давали ответы на вопрос: «Насколько для Вас важна Ваша национальная принадлежность?» *Установки родителей* на формирование идентичности у ребенка

замерялись через вопросы: «Как человек должен определять свою национальность, когда родители разных национальностей?», «Вы хотели бы, чтобы Ваши дети относили себя: к национальности отца, национальности матери; к обоим национальностям; или для Вас неважно, чтобы дети определились с национальностью?»

Блок вопросов обеих анкет был направлен на выявление *социализирующего и воспитательного влияния* каждого из *родителей*. Дети оценивали, с кем из родителей они больше проводили время раньше, пока росли, и с кем проводят сейчас; кто из родителей больше оказывал влияние раньше и кто оказывает сейчас; с кем из родителей больше общались, разговаривали на разные темы раньше и сейчас; с кем советуются по важным вопросам; к чьему мнению больше прислушиваются и считаются; кто является примером для подражания; с кем из родителей больше ощущают близость; бывают ли ссоры, скандалы с отцом, с матерью. Также измерялась общая оценка отношений с каждым родителем. Родителям предлагался аналогичный, но менее развернутый набор вопросов.

Для выявления *родительских установок* в области использования в семье национального языка и *соответствующих практик* выяснялось: мнение о том, каким должно быть языковое воспитание в семье, когда родители разных национальностей; когда родился ребенок, обсуждался ли вопрос, какому языку его учить в семье, и кто принимал решение; воспитывали ли в семье ребенка так, чтобы он знал язык только отца, только матери, язык обоих родителей, или по-другому и другие.

Далее нами анализируются связи двух групп переменных: «этническая идентичность», «тип идентичности» (соотнесение названной респондентами национальности или национальностей с одним или обоими родителями), и переменных, которые отражают внутрисемейные факторы влияния.

Результаты

Характеристика этнической идентичности детей. Приведем некоторые данные, которые излагались ранее [17]. Из числа опрошенных детей определил свою национальность по отцу каждый третий, по матери и по обоим родителям – каждый четвертый. Есть те, кто считают себя русскими, несмотря на то, что родители – не русские, есть и неопределившиеся. Имеется противоречие между измерениями двух показателей когнитивной составляющей – между тем, как следует выбирать и как реально делается

выбор национальности. В частности, считают, что в случае когда родители разных национальностей, надо определять национальность по отцу, 22.6%, а определили 32.2%, по матери, соответственно – 3% и 26.4%, по обоим национальностям – 41.0% и 25.1%. В совокупности моноэтническая идентичность по одному из родителей присуща 58.6% опрошенных, а биэтническая – 25% (табл. 1).

Обращает на себя внимание, что идентификация по матери из крайне редко выбираемой в вопросе «надо» превратилась в 8 раз чаще выбираемую в реальности. Записывая свою национальность/национальности, никто из детей не записал национальность, не связанную с родителями и близкими родственниками, хотя каждый одиннадцатый (9.1%) в вопросе «как надо» выбрал данный ответ. Не была выбрана и национальность других близких родственников (бабушки, дедушки), отличающаяся от национальности отца или матери, хотя некоторые (5.5%) поддерживали такой способ самоопределения.

Различий в выборе этнической идентичности юношей и девушек нет. Нет сильных различий по типу поселения, хотя село отличается повышенной долей тех, кто определяет свою национальность по отцу (37%), то есть традиционно, а город Уфа – определением по матери (31.2%).

Отнесение себя к какому-то этносу может быть достаточно формальным актом для человека, поэтому для выявления идентичности недостаточным оказывается вопрос, кем вы себя считаете или кем ощущаете. На эмоциональном уровне этничность может по-разному переживаться, восприниматься как важная или, напротив, неважная. В свою очередь, именно эмоционально окрашенное восприятие родителем своей этничности, формируя его установки и проявляясь в повседневном общении с детьми, может быть более сильным фактором влияния на формирование детской идентичности. А важность национальности для ребенка – индикатором ее сформированности.

По критерию важности национальной принадлежности дети делятся на три примерно равные группы – для кого она важна, неважна, важна и неважна примерно равно (табл. 2). Распределение не связано с полом, местом жительства и типом этнической идентичности. Выделяется из общей картины группа с биидентичностью, с повышенной долей лиц, для кого важна национальность. Интерпретировать результат сложно, но, возможно, именно он отчасти объясняет факт выбора этой группой двух национальностей. Более сильно переживаемое чувство сопричастности, наряду с другими побудителями, подвигает их на такой выбор.

Таблица 1

Ответы детей на вопрос: «Человеком какой национальности или каких национальностей Вы себя осознаете, ощущаете?», %

Записали свою национальность	Вся подвыборка	Пол		Место жительства		
		Девушки	Юноши	Уфа	Другие города	Села
По отцу	32.2	31.9	32.8	30.4	28.7	37.0
По матери	26.4	27.9	24.1	31.2	28.6	21.7
По обоим родителям	25.1	26.5	22.6	24.1	26.1	24.6
Русский (-ая)	5.8	4.0	8.8	5.9	4.3	7.2
Не определился (-лась)	8.8	8.4	9.5	8.0	10.4	8.0
Другое	1.7	1.3	2.2	0.4	1.9	1.5
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0	100.0

Таблица 2

Ответы детей на вопрос: «Насколько для Вас важна Ваша национальность?», %

Ответы	Вся подвыборка	Тип идентичности		
		По отцу	По матери	По обоим родителям
Важна*	31.6	31.9	34.8	39.6
И важна и не важна примерно равно	30.2	32.8	32.6	27.5
Неважна**	34.3	32.5	29.5	28.6
Затрудняюсь ответить	3.9	2.8	3.1	4.3
Всего	100.0	100.0	100.0	100.0

Примечание: суммированы ответы * «очень важна» и «скорее важна, чем неважна»;

** «скорее неважна» и «совсем неважна».

В исследовании обнаружена группа детей, для которых на когнитивном и эмоциональном уровне не значима этническая идентичность. По разным критериям, она составляет 11–20%. Так, согласились полностью с суждениями «определять свою национальную принадлежность вообще не нужно, так как это неважно» 11%; «человеку не обязательно относить себя к какой-нибудь нации, потому что это неважно» – 12.7%; «моя национальная принадлежность для меня совсем неважна» – 14.3%; «я совсем или почти не чувствую, что у меня есть национальность» («полностью согласен») – 20.4%.

Семья как побудитель первых размышлений детей о национальной принадлежности. Формирование этнической идентичности – процесс, который имеет свои стадии с хронологическими рамками и соответствующим содержанием. В таблице 3 приводится обобщение ответов на открытый вопрос, который позволяет зафиксировать: долю тех, у кого событие «впервые задумался о своей национальности» случилось; временные рамки события, самый его ранний и самый поздний возраст; хронологию события; совокупность описаний разнообразных ситуаций, в которых событие случилось. Можно также увидеть, каково место семьи как побудителя первых размышлений детей на тему своей национальности.

Всего дали ответы 90.1% детей, событие имело место у 69.8% детей из числа записавших

ответ. Большинство ответов (63.6%) указывают время, когда дети впервые задумались о национальности: записан или конкретный возрастной интервал, или период жизни, или конкретный возраст, когда это произошло. Самый ранний возраст – 3–5 лет, самый поздний – 22 года. Средний возраст приходится на 11.3 года. Самыми значимыми стадиями жизни, на каждую из которых приходится почти треть упоминаний о впервые возникших мыслях о своей национальности, – период обучения в начальной школе (7–10 лет) и «зрелый» подростковый возраст (14–16 лет) (табл. 3).

Все описания объединяются в три группы. Самая большая группа связана со школой. А в школе чаще всего упоминаются распределение детей по группам для изучения родного языка и изучения башкирского языка, вопросы учителей, расспросы и разговоры самих детей, упоминаются уроки истории и культуры, краеведения, внеклассные занятия и другие обстоятельства.

Гораздо меньше описаний связано с семьей, среди них такие: «когда узнала, что родители разных национальностей»; «бабушка заговорила со мной на башкирском языке»; «в 5 лет, с тех пор отец агрессивно вбивал в мою голову, что я татарка, потому что национальность определяется по отцу»; «в 9 лет, когда отец сказал, что девушки нашей национальности должны покрыть голову платком»; «бабушка сказала, что даст деньги, если я скажу, что я башкирка»; «когда дедушка играл на баяне и пел татарские

Таблица 3

Ответы детей на вопрос: «В каком примерно возрасте и при каких обстоятельствах Вы впервые задумались о своей национальности?», %

Стадии жизни, на которых впервые задумались о национальности	Ответы
Дошкольный возраст, до 6 лет включительно	14.4
Период обучения в начальной школе, 7–10 лет	32.2
Ранний подростковый возраст, 11–13 лет	17.8
«Зрелый» подростковый возраст, 14–16 лет	30.1
Юношеский период, от окончания школы, получения профессионального образования, 17–22 года	5.5
Всего 327 ответов	100

песни»; «в 12 лет, когда поговорила с тетей»; «в 10 лет я выучила песню и стихотворение на башкирском языке, мама меня учила».

Больше всего ситуаций связано со школой, потому что именно здесь национальность становится предметом обсуждений, то есть вербализуется, тогда как в семье вопросы национальности собственных детей супруги не обсуждают или обсуждают редко. В качественных интервью респонденты нередко говорили о том, что дают возможность своим детям самим определиться с национальностью, не обсуждая этот вопрос и не навязывая своего мнения. Крайнее выражение такой позиции обнаружено в семье русской женщины с мужем-башкиром, которая сказала, что не знает, к какой национальности относят себя ее сыновья, никогда не задумывалась об этом, с мужем и детьми не обсуждала.

Третья группа объединяет ответы, в которых зафиксировано влияние разных агентов и обстоятельств социализации: получение паспорта и обнаружение своей национальности в документах («при получении паспорта, мама сказала, что, возможно, спросят о национальности», «увидела свое свидетельство о рождении, где записана национальность»); религия («когда я был покрещён», «когда ходил в мечеть»). Здесь же и другие описания, показывающие, каким широким является спектр побудителей к размышлениям о национальности: «когда впервые влюбилась»; «когда все стали говорить, что я похожа на башкирку», «во время просмотра телешоу».

Этническая идентичность родителей, установки на формирование идентичности у детей и их связи с идентичностью детей. Эмоциональная составляющая идентичности родителей более явно отличается от той, что у детей. Своя национальность для родителей более важна, чем для детей: важна для каждого второго (49.3%), равно важна и неважна – для каждого четвертого (27.5%), а неважна – менее чем для каждого пятого (17.9%). Для отцов она более важна, чем для матерей. Нет значимых различий между городскими и сельскими жителями, между традиционными и нетрадиционными

семьями, хотя среди последних ниже доля тех, кто разделяет мнение «национальность определять не обязательно». Среди них также ниже доля тех, для кого неважно, чтобы дети определились со своей национальностью, и кто разделяет мнение «человеку не обязательно относить себя к какой-то национальности». У отцов из этой группы несколько более выраженная как собственная идентичность, так и установка на ее формирование у своих детей, среди же матерей больше тех, кто затруднился дать конкретный ответ о желаемой ими идентификации детей.

При измерении установок родителей на формирование идентичности у детей (как должна выбираться национальность) отцы и матери отдали предпочтение вариантам «по обоим родителям» – 34.4% и «по отцу» – 30.6%. При этом отцы чаще выбирали вариант «по отцу», а матери – «по обоим родителям», вариант «по матери» оказался мало востребованным (3.6%). Интересно, что среди родителей так же, как и их детей, есть те, кто полагает, что может выбираться любая национальность, не связанная с родительской (9.6%), что человеку не обязательно относить себя к какой-либо нации (8.6%). Некоторые полагают, что может выбираться национальность близких родственников (3.3%).

В своей же семье отцы ориентированы на формирование у детей в равной мере моноотцовской и биидентичности, а матери – в первую очередь на биидентичность, во вторую – на моноотцовскую (табл. 4). Для каждого четвертого отца и каждой третьей матери неважно, чтобы дети определились с национальностью, что вступает в противоречие с зафиксированной высокой долей тех, для кого важна их собственная национальность. Вероятно, такая позиция в отношении собственных детей – это стратегия сглаживания, гашения возможного внутрисемейного конфликта, устранения «почвы» для противоречий в супружеских отношениях и отношениях с родственниками.

Еще интересный факт: формирование моно-материнской идентичности не находит широкой поддержки не только на уровне мнения (как должна определяться национальность), но и на

Таблица 4

Ответы родителей на вопрос: «К какой национальности Вы бы хотели, чтобы Ваши дети относили себя?», %

	Вся подвыборка	Родители		Место жительства			Тип семьи	
		Отцы	Матери	Уфа	Другие города	Села	Традиционная	Нетрадиционная
К национальности отца	25.3	32.8	18.2	24.3	25.2	25.7	24.5	29.5
К национальности матери	5.0	1.7	7.8	4.5	5.2	5.0	5.3	3.2
К обеим национальностям	32.5	32.8	32.8	35.1	30.4	32.9	32.5	32.8
Для меня неважно, чтобы дети определились со своей национальностью	30.0	25.9	33.9	26.1	34.8	29.3	31.5	23.0
Затруднились ответить	7.2	6.9	7.3	10.0	4.4	7.1	6.2	11.5
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Таблица 5

Выбор национальности детьми с моноэтнической идентичностью, %

Указанная национальность	Русские	Башкиры	Татары	Другие
Национальность отца	32.3	57.4	60.4	71.4
Национальность матери	46.9	42.6	39.6	28.6
Другой ответ	20.8	—	—	—
Всего	100	100	100	100

уровне установки (как бы хотели, чтобы дети определяли свою национальность), хотя матери чаще являются ее приверженцами. Несмотря на это, как отмечалось, каждый четвертый ребенок выбрал национальность по матери.

Есть некоторая связь между типом формируемой родителями идентичности и реально выбираемым детьми ее типом. В группе отцов и матерей, ориентированных на складывание отцовской идентичности, выше, чем в других группах, доля детей, выбравших национальность по отцу. В группе, кто декларирует неважность национального самоопределения детей, самая высокая доля детей, кто не определился с национальностью.

Обработка сочетания ответов детей, отцов и матерей на вопрос о важности для них собственной национальной принадлежности показывает наличие положительной сильной корреляции: у тех родителей, для которых собственная этническая идентичность важна, чаще имеются дети с аналогичным отношением к своей идентичности (45.7% детей в данной группе, во всей подвыборке детей – 31.6%). И наоборот, родители, для которых своя идентичность неважна, имеют самую высокую долю детей с таким же отношением к идентичности (61.9% в группе и 34.3% в подвыборке). Совпадение оценок обнаруживается и в группах родителей и детей, которые свою идентичность считают важной и неважной в равной мере (43.8% детей в группе и 30.2% в подвыборке). Такая корреляционная связь обнаруживается как у матерей с их детьми, так и у отцов с их детьми. Данный

результат весьма показателен: он напрямую подтверждает влияние родителей на становление этничности детей.

Анализ связи конкретной выбранной национальности(ей) с типом этнической идентичности показал, что выбор национальности «русский (-ая)» не зависит от того, кто из родителей ее носитель. Если один из родителей русский, неважно, отец это или мать, выбор чаще всего делается в ее пользу. Считают себя русскими 36.8% детей с русскими отцами и 37.5% с русскими матерями. У других наиболее многочисленных этнических групп – татар и башкир – ситуация отличается. Отнесли себя к башкирам 42.9% детей с отцами-башкирами и только 23.9% детей с матерями-башкирками. У татар – 32.0% и 26.7%.

Можно на этот же аспект посмотреть с другой стороны (табл. 5). У детей, назвавших себя русскими, чаще всего (почти половина случаев) указанная национальность – материнская, во вторую очередь отцовская (треть случаев). Башкиры, татары и представители других этносов в первую очередь указывали национальность отца и во вторую – матери.

Таким образом, при определении национальности у башкир, татар и представителей «других» мы сталкиваемся с наиболее сильным влиянием его традиционного способа – по отцу. У русских – с более сильным влиянием факта присутствия в семье русского родителя. Этой идентификации способствует проживание в России, в республике, где русские – наиболее многочисленная нация, русский язык широко распро-

странен, используется как язык общения даже в тех семьях, где нет русских. У детей с башкирским родительским компонентом можно было ожидать большего влияния проживания в республике, где башкиры являются титульным этносом, но гипотеза не подтвердилась.

Влияние на идентичность детей фактора социализации и воспитания в семье. В вопросе о причинах, по которым дети записывали свою национальность, из готовых ответов 7 относились к влиянию семьи: «отец оказал большое влияние на мое воспитание»; «мама оказала большое влияние на мое воспитание»; «в нашей семье главный отец»; «в нашей семье главная мама»; «я ближе к отцу, чем к маме»; «я ближе к маме, чем к отцу»; «в детстве я проводил много времени с бабушкой и/или с дедушкой, которые этой национальности». В совокупности 56.4% детей выбрали эти ответы, по числу выборов семья оказалась на третьем месте после этнического окружения (66.6%), знания национального языка и близости культуры (63.4%).

Из субъектов влияния на первом месте оказались матери (22.2%), на втором – прародители (20.1%) и лишь на третьем – отцы (14.1%). Обнаружилось кажущееся противоречие: треть детей определяют себя по отцу и гораздо меньше (каждый седьмой) отмечают, что на этот выбор повлиял отец. Различие ответов свидетельствует лишь о том, что в самоопределении по отцу заложено очень сильное влияние традиции, более сильное, чем влияние отца как субъекта формирования идентичности.

В рамках решения задачи об установлении влияния воспитания и отношений в семье на идентификацию проверялась гипотеза: определению национальности по матери (отцу) способствуют большее участие матери (отца) в воспитании ребенка, близость к матери (отцу), хорошие отношения с матерью (отцом). Двойственной идентичности способствуют равный вклад родителей в воспитание детей, оценка детьми и родителями влияния отца и матери как равного.

Для проверки гипотезы рассчитаны коэффициенты связи типа этнической идентичности с оценками детей (16 переменных), матерей и отцов (по 12 переменных). По всем трем группам переменных обнаружена связь, хотя и слабая: V Крамера равен 0.084–0.236 (дети); 0.077–0.194 (матери); 0.105–0.260 (отцы).

Распределение ответов по группам детей с мономатеринской, моноотцовской и биидентичностью было характерным для всех вопросов, по которым измерялся фактор «семейная социализация и воспитание». В группе с отцовской идентичностью чаще всего выбирался от-

вет «и отец, и мать примерно равно/одинаково». В группе с двойственной идентичностью – этот же ответ. В группе же с материнской идентичностью чаще всего мать указывалась как основной субъект влияния, как родитель, который вносил и вносит наибольший вклад в воспитание.

Учитывая, что все исследования показывают меньшую вовлеченность отцов по сравнению с матерями в воспитательный процесс, трудно было ожидать, что дети будут выбирать отцов как главных агентов воспитания. И тем не менее из данных напрашивается два вывода. Во-первых, действительно вклад родителей в воспитание, отношения детей и родителей, а вернее, их субъективное восприятие, связаны с идентичностью детей. Более отчетливо это видно по группам детей с материнской идентичностью и биидентичностью. Во-вторых, отцы влияют на идентичность детей в тех семьях, где они действительно больше вовлечены в процесс воспитания своих детей, где больше общаются, проводят время раньше, пока ребенок рос, и проводят время сейчас, имеют хорошие отношения. Можно с уверенностью говорить, что на самоопределении детей по национальности отца сегодня сказывается не только традиция, но и влияние отца. Однако в перспективе по мере ослабления традиции, все более широкого распространения идей свободы выбора и самоопределения этнической принадлежности межнациональная семья может иметь все больше шансов утрачивать способность передавать этничность по отцу. Будет ли утрата компенсироваться за счет нарастания вовлеченности отцов в воспитание – вопрос, который остается открытым.

Национальный язык матери и отца как фактор формирования типа идентичности. Научение в семье детей национальному языку или языкам, практики их повседневного использования в семейном общении составляют часть внутрисемейных факторов, под влиянием которых формируется этническая идентичность детей. Связано ли то, как определяют свою национальность дети (по отцу, по матери или обоим родителям), с тем, какие установки имеют родители на языковую социализацию детей, с выбором языка матери, отца или языков обоих родителей в качестве языка (языков) повседневной коммуникации? Можно ли говорить, что мономатеринская идентификация связана с использованием в семье языка матери, моноотцовская – с языком отца, а биэтническая имеет место, когда родители стремятся научить и использовать оба языка?

На уровне установок каждый второй родитель ориентирован на билингвальную социали-

зацию детей, то есть на научение национальным языкам обоих родителей (53.7% матерей и 56.1% отцов). Еще каждый четвертый считает, что необходимо научить ребенка языку хотя бы одного из родителей (27.5% матерей и 24.6% отцов), почти каждый пятый ориентирован на русский язык (16.9% матерей и 17.1% отцов). Остальные (2.1% и 2.2%) – на освоение ребенком исключительно только языка отца либо только матери. На практике же 72.7% матерей и 66.1% отцов признают, что их собственные дети воспитывались так, чтобы знать только один язык. Лишь 27.3% матерей и 33.9% отцов заявили, что их представления о том, что детей нужно воспитывать на двух языках, и реальные практики языковой социализации совпали (детей воспитывали в языковых традициях как отца, так и матери).

Очевидно, что установка большинства на освоение детьми языков обоих родителей не транслируется на уровень поведения. Между вербальными заявлениями и повседневными коммуникативными практиками существует сильное расхождение. В семьях 77.4% матерей и 66.2% отцов в супружеском общении обычно, чаще всего используется один язык. В детско-родительском общении эта тенденция сохраняется и даже несколько усиливается. При общении со своими детьми 77.2% матерей и 76.9% отцов используют преимущественно один язык (для сравнения: ранее 72.7% матерей и 66.1% отцов сообщали, что воспитывали своих детей так, чтобы они знали язык обоих родителей). Соответственно, имеется определенное расхождение в оценках родителями своих усилий в процессе языкового воспитания и его реальными практиками.

При этом имеют место следующие варианты выбора языка общения родителей и детей: доминирование *общения на языке отца* фиксируют 22.1% матерей и 27.8% отцов; доминирование *общения на языке матери* отмечают 30.4% матерей и 27.1% отцов. Мы предполагаем, что имеющиеся различия в ответах отцов и матерей можно связать со значимостью участия родителей в воспитании детей: в семьях патриархального типа, где воспитание рассматривается как «женская обязанность», дети больше общаются с матерью, чаще применяется материнский язык. Отсюда – возможный диссонанс между определением этнической идентичности по отцу (как главе семьи), но использованием детьми в бытовых коммуникациях языка матери. С другой стороны, в семьях эгалитарного типа, где обязанности, в том числе связанные с воспитанием детей, не делятся четко на «мужские» и «женские», мужчина больше времени проводит с детьми, включая детей очень маленького

возраста, когда и формируются языковые умения и навыки.

Еще один вариант монолингвального общения в детско-родительских отношениях – преобладающее *использование русского языка* – отмечают 24.7% матерей и 22.0% отцов. Характерно, что данный вариант ответа был зафиксирован в семьях, где мать и отец идентифицируют себя с нерусскими этносами. Ориентация на русскоязычное воспитание может определяться его статусом (язык межнационального общения, обладающий наднациональным, цивилизационным смыслом), возможностями применения (широкое применение в формальных и неформальных областях жизни в отличие от других национальных языков, которые используются преимущественно в бытовом общении).

Вторую группу семей составляют семьи, где для детско-родительских отношений характерно билингвальное общение. Однако и в этой группе проявляются различия в выборе языков общения. 7.9% матерей и 11.5% отцов свидетельствуют о паритетном характере использования языка обоими родителями во взаимодействии с детьми, 9.7% матерей и 7.5% отцов отмечают русско-национальное двуязычие своей семьи.

Самую малочисленную группу семей составили те семьи, где применяется триязычие. Об этом говорят 5.2% матерей и 4.1% отцов.

Полученные данные позволяют сделать ряд выводов.

В детско-родительском общении в межнациональной семье, несмотря на установки билингвального воспитания, взаимодействие носит преимущественно монолингвальный характер. Наблюдается усиление тенденции к монолингвальному общению в межпоколенном аспекте: родители во взаимодействиях с детьми чаще используют один язык, чем в супружеском общении.

В детско-родительском общении все большее значение обретает использование русского языка, хотя масштабы его применения могут различаться (от исключительно русскоязычного общения до русско-национального билингвизма и триязычия). Поскольку язык выступает транслятором этнокультурных ценностей и одним из оснований этноидентификации, подобные практики могут содействовать формированию биэтнической или маргинальной идентичности ребенка.

Взаимосвязь между национальным языком родителей, выбором языка/языков общения в семье и формированием этнической идентичности ребенка детерминирована влиянием такого фактора, как степень участия отца и матери в воспитании детей. В этом случае проявляется прямая связь: идентификация с национально-

стью и языком того родителя, который принимает большее участие в воспитании. Оказывает влияние также тип семьи (патриархальная, эгалитарная). В этом случае связь может быть противоречивой: ребенок идентифицирует себя с национальностью того родителя, которого считает главой семьи, но общается на языке родителя, с которым больше проводит времени. Поскольку не всегда это один и тот же родитель, возможны расхождения между этнической и языковой идентификацией ребенка.

Выводы

Значимость этнической идентичности у разных поколений членов межнациональных семей различается, для детей она менее значима, чем для их родителей. Однако и родители, декларируя важность для себя своей национальности, часто занимают позицию нейтралитета в формировании идентичности своих детей, матери занимают ее чаще, чем отцы. Тем не менее большинство отцов и матерей хотели бы, чтобы их дети определились с национальностью и относили бы себя либо к национальностям обоих родителей, либо к национальности отца.

Треть детей определяют свою национальность по отцу. В этом прослеживается разное по своей силе влияние двух составляющих – традиции отнесения ребенка к национальности отца и влияния отца как субъекта этнокультурной социализации и воспитания. Пока традиция срабатывает сильнее.

Четверть детей определяют свою национальность по матери, хотя подавляющее большинство родителей не стремятся формировать у детей мономатеринскую идентичность. Мономатеринская идентификация не принимается и большинством детей как нормативная, но она существует как практика. В таком типе идентичности проявляется более сильное воздействие матерей как субъектов процесса ее складывания.

Несмотря на то что детьми биэтническая идентификация определяется как наиболее нормативно верная в ситуации разных национальностей родителей, как практика она распространена реже отцовской и по числу выборов сопоставима с мономатеринской. Чаще ее придерживаются дети, которые воспринимают отцов и матерей как равных субъектов влияния, а также дети тех родителей, которые имеют установку на формирование у детей такой идентичности. Родители, которые заявляют о неважности формирования у своих детей этнической идентичности, чаще имеют не определившихся со своей национальностью детей.

Напрямую подтверждает влияние родителей на становление этничности детей обнаруженная сильная прямая зависимость между оценками

важности своей идентичности, которые дали родители и дети. Отношение родителей к своей этничности как к важной способствует формированию у детей такого же отношения к своей этничности и наоборот.

Есть особенности самоопределения у детей разных национальностей, башкиры и татары намного чаще, чем русские, определяют ее по отцу. Выбор русской национальности связан с наличием одного из родителей этой национальности, часто это мать.

Нельзя однозначно говорить, что мономатеринская идентификация связана с использованием в семье языка матери, моноотцовская – с языком отца. В зависимости от типа семьи языковая и этническая идентичность ребенка могут либо совпадать (в семьях эгалитарного типа), либо не совпадать (в традиционных семьях патриархального типа). В свою очередь, биэтническая идентичность ребенка формируется как в семьях, где родители стремятся научить и использовать оба языка, так и в семьях с преимущественным использованием русского языка или национально-русского билингвизма.

Самоопределение национальности по отцу доминирует у детей, но сохраняется больше как традиция, чем результат влияния отцов, хотя можно говорить о действительном влиянии тех отцов, которые наравне с матерями вовлечены в общение со своими детьми. Мономатеринская идентификация не принимается как норма (как надо определять национальность) ни отцами, ни матерями, ни детьми, но она существует как реальная практика у детей (записали национальность матери как свою, ощущают принадлежность к ней). И такая идентификация связана с реальным влиянием матерей, их вкладом в социализацию и воспитание. Биэтническая идентификация выступает для детей как наиболее нормативно верная в ситуации разных национальностей родителей, однако как практика она распространена реже отцовской, сопоставима по числу выборов с мономатеринской. Чаще биидентичность имеют дети, которые оценивают отцов и матерей как равных субъектов влияния.

Статья выполнена по гранту РФФИ № 19-011-00339.

Список литературы

1. Рыжова С.В. Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. Изд. 2-е. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 119–135.
2. Костина А.В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: баланс интересов

в современном обществе. М.: Изд-во «Ленанд», 2019. 216 с.

3. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М.; Воронеж, 2000. 208 с.

4. Дробижева Л.М. Этническая идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. С.И. Семенов. М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. 992 с.

5. Маккарти Дж.Р., Эдвардс Р. Исследования семьи: основные понятия / Пер. с англ. И.Н. Тартаковской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 343 с.

6. Акоста А., Казакова Т.В. Влияние межэтнического брака на этнокультурную идентичность подростка // Вестник ТГУ. 2012. № 3. С. 166–170.

7. Ананьина В.Т. К проблеме исследования этнической идентичности в межнациональных семьях // Социология. 2013. № 2. С. 39–46.

8. Артюхов М.Н. Социальный характер формирования этнической идентичности в межнациональной семье // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82). С. 25–28.

9. Бурханова Ф.Б., Мухамадеева Р.Р. Этническое самосознание подростков, воспитывающихся в мононациональных и межнациональных семьях // Вестник ВЭГУ. 2017. № 1 (87). С. 30–42.

10. Ким К.В. Особенности этнической идентичности индивидов из межэтнических семей // Вестник СПбГУ. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 1. С. 259–263.

11. Кутявина Е.Е., Малышева С.К. Разноэтническая семья как среда формирования этнической

идентичности личности // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2010. № 2 (18). С. 47–52.

12. Осипова О.В. Этническая идентичность: особенности самоопределения потомков межэтнических браков // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 10 (18). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya_identichnosts_osobennosti_samoopredeleniya_potomkov_mezhnatsionalnyh_brakov (дата обращения: 20.11.2020).

13. Ушаков Д.В. Роль семьи в воспроизводстве этничности народов Республики Алтай // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 101–108.

14. Сикевич З.В., Поссель Ю.А. Структура и типология этнической идентичности членов межэтнических и моноэтнических семей (сравнительный анализ) // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 121–136. DOI: 10.19181/socjour.2018.25.1.6282.

15. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Этническая идентичность детей в межэтнических семьях в контексте культуры родительства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (3). С. 113–140.

16. Сикевич З.В., Безрукова О.Н., Поссель Ю.А., Самойлова В.А. Межэтническая семья в современной России / Под науч. ред. З.В. Сикевич. СПб.: Скифия принт, 2018. 169 с.

17. Бурханова Ф.Б. Межнациональные семьи: этническая идентичность детей // Социокультурные, этнические и языковые процессы на евразийском пространстве: Сб. статей по материалам Международной науч.-практ. конф. / Под общ. ред. Р.Х. Лукмановой. Уфа: Инеш, 2019. С. 65–74.

INTRA-FAMILY FACTORS OF FORMATION OF MONO-ETHNIC AND BI-ETHNIC IDENTITIES OF CHILDREN FROM INTERETHNIC FAMILIES

F.B. Burkhanova¹, E.V. Sadretdinova², R.R. Mukhamadieva³

¹ Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Ufa

² Bashkir State University, Ufa

³ GANU Institute for Strategic Studies of Bashkortostan Republic, Ufa

The article examines the state of ethnic identity of children from interethnic families and its relationship with factors that influence the process of its formation at the family level: with the ethnic identity of parents, their attitudes to its formation in children; with the scope and nature of the educational, socializing influence of fathers and mothers; with the language attitudes of parents and practices of using national languages.

The main purpose of the article is to answer the question of how the definition of nationality in children by mother, father, and both parents is related to the orientation of parents in the formation of ethnic identity in children and what is their impact on children as subjects of this process.

The analysis is based on the results of a survey of children aged 16–23 years and their parents from interethnic families conducted in Bashkortostan in 2019. 363 families were interviewed: 363 parents and 363 children.

Main conclusions. Self-determination of nationality by the father dominates in children, but it is preserved more as a tradition than as a result of the influence of fathers, although we can talk about the actual influence of those fathers who, along with mothers, are involved in communication with their children. A child's identity linked solely to his/her mother is considered abnormal (how to determine nationality) by either fathers, mothers, or children, but it exists as a real practice in children (they have recorded the mother's nationality as their own, they feel belonging to it). And this identification is related to the real influence of mothers, their contribution to socialization and upbringing. Bi-ethnic identification is the most normatively correct for children in the situation of different nationalities of parents, but as a practice it is less common than the father's, and is comparable in the number of choices to the mother. More often, bi-ethnic identity is shared by children who rate their fathers and mothers as equal subjects of influence.

Keywords: interethnic family, ethnic identity, mono-ethnic identity, bi-ethnic identity, socialization in the family, upbringing in the family, children, parents.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_2_66

ИССЛЕДОВАНИЕ (ДИАГНОСТИКА) СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА

© 2021 г.

О.Б. Томилин, И.М. Фадеева, О.О. Томилин

Томилин Олег Борисович, к.х.н.; доц.; заведующий кафедрой физической химии
Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва,
Саранск

tomilinob@mail.ru

Фадеева Ирина Михайловна, д.соц.н., доц.; профессор кафедры социологии
Национального исследовательского Мордовского государственного университета
им. Н.П. Огарёва, директор Научного центра социально-экономического мониторинга
Республики Мордовия, Саранск

fadeeva5@yandex.ru

Томилин Олег Олегович, к.ю.н., доц.; заведующий кафедрой государственного
и административного права Национального исследовательского
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва, Саранск

oo-tomilin@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 11.01.2021**Статья принята к публикации 12.04.2021*

Вводится новый метод исследования социально-психологического самочувствия рабочих промышленных предприятий, определяющий эффективность их производственной деятельности. Получены и обоснованы количественные характеристики уровня конфликтности различных целевых и профессиональных групп, уровня эмоционального и интеллектуального выгорания работников, исходя из исследования профиля организационной культуры предприятий по адаптированной методике ОСАИ; выявлено влияние возрастного фактора, уровня образования и должностного статуса на социально-психологическое самочувствие; дана качественная интерпретация результатов в зависимости от типов предприятий (кластеров), различающихся по характеру производственной деятельности и количеству работников.

Ключевые слова: промышленные предприятия, кластеры, социально-психологическое самочувствие, организационная культура, методика ОСАИ, гештальтпсихология, теория социальной справедливости, диагностика, конфликтность, эмоциональное и интеллектуальное выгорание.

Введение

Способность человека к совместной деятельности с другими членами трудового коллектива определяет в конечном итоге эффективность деятельности предприятия. Эта способность обусловлена не только особенностями психологии личности, но и ее социальными качествами: уровнем образования, возрастом, стажем практической деятельности, гендером. Способность человека к совместной деятельности определяется уровнем его социально-психологического самочувствия в организации (на предприятии) или профессиональной группе. Понятие «социальное самочувствие», находящееся на стыке различных областей знания (экономических, социологических, психологических), на наш взгляд, является многоаспектным и представляет собой как соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей (социологический подход), так и эмоционально-оценочное отношение индивидов к окружающей социальной реально-

сти, своему месту в структуре социума или организации (социально-психологический подход). Социально-психологический фактор в настоящее время является важнейшим при взаимодействии в организации, определяющим направления и стратегии социальной политики в эпоху цифровизации [1].

На проявление социально-психологического состояния работника предприятия оказывает влияние окружающая среда, которая обуславливается технологическим развитием производства, уровнем менеджмента предприятия, содержанием функционала производственной деятельности в соответствии с должностной иерархией, уровнем заработной платы и перспективами его изменения под действием рынка, уровнем вербальных и невербальных коммуникаций и другими действующими факторами. Следует отметить, что значительная часть отмеченных характеристик окружающей среды представляется таким системным феноменом, как организационная культура предприятия.

Естественно, что социально-психологическое самочувствие работника рефлексировать тем или иным образом воздействие окружающей среды в процессе совместной деятельности с другими членами трудового коллектива. Реакции социально-психологического состояния могут быть как «внутренними», выражающимися в собственных переживаниях работника, которые интерпретируются как синдром эмоционального и интеллектуального выгорания, так и «внешними», которые представляют собой конфликты между работниками в процессе совместной деятельности. В связи с этим можно полагать, что проблема эффективности деятельности предприятия является проблемой управления персоналом, влияющая на социально-психологическое самочувствие работников.

Решение этой проблемы предполагает качественное ее распознавание и количественную характеристику в рамках использования принятой терминологии. Обсуждая возможности решения данной проблемы, отметим, что исследования социально-психологического самочувствия работников в процессе совместной деятельности традиционно обращаются к психологии личности, ее структуре, классификации психотипов, рефлексии на воздействия внешней среды и иным инструментам качественной характеристики. Отправной точкой современных теорий конфликтологии [2] является уровень и качество отношений между субъектами конфликта, представляющими собой личности различного или равного должностного положения. Как правило, разрешение конфликтов основывается на методах практической психологии, оставляя за рамками своего рассмотрения влияние внешней социальной среды.

Причины эмоционального и интеллектуального выгорания работников рассматриваются на качественном уровне в рамках теории организационной справедливости [3]. Проведенные исследования [4–7] утверждают, что представления о справедливости позволяют интерпретировать причины выгорания работников. Несправедливые системы менеджмента порождают неопределенность перспектив деятельности, нарушают социальные отношения на рабочем месте, усиливают тенденции стрессового состояния.

Успешное решение отмеченной выше проблемы возможно при количественной диагностике уровня конфликтности при совместной деятельности работников, уровня их эмоционального и интеллектуального выгорания. Создание количественных шкал при социологических исследованиях предполагает выбор и обоснование нуля отсчета, в противном случае результаты носят характер субъективного мнени-

я. Можно предположить, что нуль отсчета любой измеряемой социально-психологической характеристики должен соотноситься с особым состоянием исследуемого объекта, в качестве которого могут выступать и отдельная личность, и социальная система.

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что достижение социально-психологического состояния работников, обеспечивающего эффективную деятельность предприятия, требует его диагностики в зависимости от организационной культуры предприятия. Построению и обоснованию такой диагностики, качественной интерпретации ее результатов в зависимости от характеристик окружающей среды – предприятий, различающихся как по характеру производственной деятельности, так и по количеству работников, посвящена настоящая статья.

Обзор литературы

В современной отечественной литературе социально-психологический подход наиболее последовательно изучен в отношении социальных групп (Ж.Т. Тощенко, Л.Е. Петрова, В.М. Чугуенко, Е.М. Бобкова) [8–10], хотя в последние годы можно встретить исследования на уровне отдельных профессий и производственных коллективов [11, 12]. Существенные результаты в области управления персоналом, организационной психологии и социологии получены Л.Н. Захаровой, З.Х. Саралиевой, И.С. Леоновой и др. [13, 14].

Современные подходы в социально-психологических методах управления персоналом являются теми или иными практиками применения гештальтпсихологии. Ключевое утверждение гештальтпсихологии – это существование в сознании человека окружающего мира как совокупности гештальтов – целостных структур, чьи существенные свойства нельзя представить суммированием свойств их составных частей [15]. Универсальные мыслительные операции анализа и синтеза не являются обратимыми. Это обстоятельство, с одной стороны, позволяет выделить ключевые факторы в исследуемом феномене или явлении, с другой – создает проблему адекватности при моделировании выделенными факторами рассматриваемого объекта. Такой результат не удивителен, так как анализ-разложение объекта на составные части соотносится с продуцированием, с точки зрения математики, бесконечного ряда факторов и их взаимодействий, который мы обрываем, исходя из соображений целесообразности. Отброшенные факторы и их взаимодействия являются причиной того, что построен-

ный в результате синтеза отклик не является тождественным анализируемому объекту.

Возвращаясь к гештальтам как пространственно-наглядным формам восприятия окружающего мира, отметим, что человек является внешним реципиентом по отношению к существующим гештальтам. Такое соотнесение человека и гештальта позволяет сформулировать принципы восприятия человеком внешнего мира на основе характеристики свойств гештальта, основным из которых является закон прегнантности, выведенный М. Вертгеймером [15]. Закон прегнантности постулирует, что человек легче воспринимает целостные структуры, обладающие завершенностью, уравновешенное состояние. Прегнантные гештальты обладают следующими свойствами: замкнутость в виде отчетливо выраженных границ, симметричность, внутренняя структура в виде пространственной фигуры. Образования гештальта в соответствии с законом прегнантности являются самыми быстрыми и экономными процессами мышления, определяемыми как продуктивное мышление [15].

Представленный экскурс в гештальтпсихологию необходим для последующего рассмотрения диагностики социально-психологического состояния человека в процессе совместной производственной деятельности. Любая организационная культура как совокупность материально-технических условий, нормативно-правовой базы и социально-экономических правил, действующих на предприятии, может рассматриваться как гештальт. Организационная культура – это целостный системный феномен, так как в уровневой модели Э. Шейна [16] каждый из уровней: базовые представления, провозглашаемые ценности, артефакты – представляет собой бесконечное множество различных отображений.

Существенным является, что трудовая деятельность человека осуществляется внутри этого гештальта. Такая ситуация представляет собой совершенно новую задачу описания психологического состояния человека, имеющего сложный социальный контекст. Понимание этой задачи можно найти в основополагающей работе К. Левина [17], который окружающий человека гештальт соотносит с «психологическим полем» – совокупностью взаимодействующих объективно сосуществующих фактов.

Постулируемое «психологическое поле» характеризовалось У. Мاستенбруком четырьмя факторами проявления организационной культуры предприятия: отношение силы и зависимости; деловые «инструментальные» отношения; социоэмоциональные отношения; отноше-

ния при ведении переговоров [18]. Причем однозначно целью создания благоприятного психологического состояния человека как инструмента минимизации конфликтности в коллективе и, следовательно, повышения эффективности производственной деятельности обозначалось воздействие на организационную культуру предприятия. Ф. Глазл моделировал «психологическое поле» четырьмя базовыми идеализированными ценностными паттернами: «санаторий», «крепость», «театр», «крестоносцы», образованными принятыми на предприятии базовыми представлениями [2].

Обоснованное применение в практике теории социальной справедливости для минимизации эмоционального и интеллектуального выгорания работников требует количественной диагностики явления. К таким методам диагностики можно отнести шкалу справедливости систем эффективного менеджмента [19], Ольденбургский перечень выгорания [20]. Однако применяемые в данных методах критические значения, определяющие качественные изменения эмоционального и интеллектуального выгорания работников, достаточно условны и не связаны с характеристиками организационной культуры. На связь организационной культуры предприятия с уровнем эмоционального и интеллектуального выгорания его работников указывалось Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой [21].

Однозначное соответствие организационной культуры предприятия гештальту сдерживалось проблемой ее количественной характеристики, позволяющей осуществить соотнесение профиля (состояния) организационной культуры некоторому геометрическому образу, концентрирующему в себе содержание целостной структуры. В [22] показано, что различные предложенные типологии организационной культуры можно свести к рамочной модели метода конкурирующих ценностей, описывающей «психологическое поле», в котором человек осуществляет совместную производственную деятельность.

Существенные результаты в применении метода конкурирующих ценностей достигнуты при использовании методики OCAI [23], позволяющей построить в декартовой системе координат количественное описание профиля организационной культуры в виде четырехугольника, диагонали L1 и L2 которого связаны нормирующим соотношением $L1+L2=100$. Используя этот результат, в [24–26] были исследованы новые количественные характеристики профиля организационной культуры, исходя из полученного геометрического облика гештальта. Было показано, что существует равновесное состоя-

ние организационной культуры, обладающее максимальным адаптационным потенциалом к внешним воздействиям, что естественно обеспечивает устойчивое динамичное развитие предприятия. Гештальтом такого равновесного состояния является квадрат. Постулирование равновесного состояния организационной культуры предприятия является аналогом закона прегнантности, обуславливающего продуктивное мышление работников.

В [27, 28] получены и обоснованы количественные характеристики уровня конфликтности, эмоционального и интеллектуального выгорания работников, исходя из социологического исследования профиля организационной культуры российских вузов. Таким образом, появилась возможность практической количественной диагностики состояния конфликтности на предприятии, эмоционального и интеллектуального выгорания работников.

Материалы и методы

В настоящем исследовании, проведенном в 2019 г., используются экспертные оценки по адаптированной методике ОСАИ [23] 458 респондентов из 7 промышленных предприятий Республики Мордовия. Полученные экспертные оценки структурировались и обобщались в рамках двух групп кластеров региональных промышленных предприятий, отличающихся друг от друга по типу производственной деятельности и количеству работников на предприятии.

Первая группа кластеров представляет собой: машиностроительный кластер (кластер «Машина»); добывающий кластер (кластер «Руда»); оптоволоконный кластер (кластер «Кабель»); кластер электроники (кластер «Электроника»). Ниже представлены характеристики предприятий первой группы кластеров.

Предприятия машиностроительного и добывающего кластеров, как правило, выпускают относительно массовую готовую продукцию широкого ассортимента для конечного потребителя преимущественно по традиционным технологиям, поэтому занимают относительно устойчивое положение на рынке. Высокий уровень механизации производственной деятельности требует обширной регламентации существующих производственных процессов для обеспечения качества продукции.

Производственная деятельность предприятий оптоволоконного кластера и кластера электроники является высокотехнологичной по своему характеру. Это обстоятельство обуславливает более высокий уровень конкуренции производимой продукции.

Вторая группа кластеров представляет собой:

- кластер региональных крупных предприятий (кластер А);
- кластер региональных средних предприятий (кластер В);
- кластер региональных малых предприятий (кластер С).

Классификация кластеров предприятий осуществлялась с точки зрения регионального масштаба по численности работников: на кластер региональных крупных предприятий – 1000–3000 чел., кластер региональных средних предприятий – 500–700 чел., кластер региональных малых предприятий – 150–350 чел. Отметим, что принятая классификация не совпадает с общепринятой классификацией большой бизнес, средний бизнес, малый бизнес.

Предприятия кластера А по своей производственной деятельности можно характеризовать и как предприятия, выпускающие относительно массовую готовую продукцию широкого ассортимента для конечного потребителя благодаря преимущественно традиционным технологиям, поэтому занимают относительно устойчивое положение на рынке.

Предприятия кластера В можно характеризовать как предприятия, выпускающие относительно массовую высокотехнологичную узкоспециализированную продукцию для конечного потребителя, поэтому для них характерны либо проблемы вхождения на рынок с высоким уровнем конкуренции, либо проблемы удержания своего положения на рынке.

Предприятия кластера С чаще всего выпускают узкоспециализированную продукцию для конечного потребителя как по традиционным, так и высоким технологиям, поэтому для них характерны проблемы удержания своего положения на рынке благодаря поддержанию требуемого качества результатов производственной деятельности.

Распределение респондентов по рассматриваемым кластерам и группам представлено в таблице 1.

Для анализа результатов данного социологического исследования воспользуемся введенными в [27, 28] количественными характеристиками уровня конфликтности $Ур_{конф.}$ и уровня эмоционального и интеллектуального выгорания $Ур_{выг.}$ Основой этих характеристик является общекультурный вектор $\bar{P}$ профиля организационной культуры, найденный по методике ОСАИ для настоящего и желаемого состояний (рис. 1). Профили настоящего и желаемого состояний организационной культуры находились для каждой из рассматриваемых целевых групп путем усреднения данных экс-

Таблица 1

Количественный состав респондентов целевых групп в группах кластеров

Целевые группы	Кластеры по виду деятельности				Кластеры по количеству работников			
	Кластер «Машина»	Кластер «Кабель»	Кластер «Руда»	Кластер «Электроника»	Кластер А	Кластер В	Кластер С	Всего
АУП	70	70	35	29	75	50	79	204
ПП	80	86	58	30	118	51	85	254
НПО	18	18	6	8	23	11	16	50
СПО	39	42	23	19	51	28	44	123
ВО	93	96	64	32	119	62	104	285
23–34 года	41	69	24	14	54	36	58	148
35–53 года	84	70	61	34	123	49	77	249
Старше 54 лет	25	17	8	11	16	16	29	61
Всего	150	156	93	59	193	101	164	458

Примечание: АУП – административно-управленческий персонал, ПП – производственный персонал, НПО – начальное профессиональное образование, СПО – среднее профессиональное образование, ВО – высшее образование, кластер А – крупные предприятия с численностью персонала 1000–3000 чел., кластер В – средние предприятия с численностью персонала 500–700 чел., кластер С – малые предприятия с численностью персонала 150–300 чел.

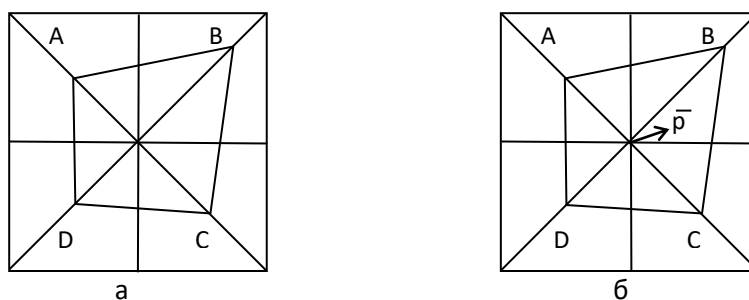

Рис. 1. Геометрическое представление профиля организационной культуры в методе конкурирующих ценностей: а – профиль организационной культуры (А – клановая культура, В – адхократическая культура, С – рыночная культура, D – иерархическая культура) [23]; б – общекультурный вектор [24]

пертных оценок по вкладам базовых (клановой, адхократической, рыночной и иерархической) организационных культур. Общекультурный вектор $\vec{P}$ представляет собой вектор синергетического результата взаимодействия базовых организационных культур.

Так как вклады базовых организационных культур устанавливаются количественно, и общекультурный вектор $\vec{P}$ также имеет количественное выражение в рамочной конструкции конкурирующих ценностей. Положение общекультурного вектора определяет доминирующую базовую культуру в организационной культуре исследуемого предприятия. Длина вектора $|\vec{P}|$, следуя [24], представляет собой прямую количественную характеристику адаптационного потенциала предприятия как совокупного результата психологического отклика (эмоционального, интеллектуального и др.) деятельности работников на влияние внешней среды в процессе совместной деятельности.

Величина уровня конфликтности $Ур_{\text{конф}}$ между целевыми группами определяется

длиной вектора разности их общекультурных векторов для профиля настоящего состояния организационной культуры предприятия: $|\vec{P}_{\text{конф.}}| = |\vec{P}(\text{группа 1}) - \vec{P}(\text{группа 2})|$. Так как для равновесного состояния длина общекультурного вектора для любой из целевых групп равна нулю ($|\vec{P}(\text{группа})|=0$), уровень конфликтности также будет равен нулю ($Ур_{\text{конф}}=0$).

Величина уровня эмоционального и интеллектуального выгорания $Ур_{\text{выг.}}$ эксперта целевой группы – длина разности общекультурных векторов профилей настоящего и желаемого состояний организационной культуры: $|\vec{P}_{\text{выг.}}| = |\vec{P}(\text{наст. сост.}) - \vec{P}(\text{жел. сост.})|$. Так как для равновесного состояния длина общекультурного вектора в любой из целевых групп равна нулю и для настоящего, и для желаемого состояний $|\vec{P}(\text{наст. сост.})| = |\vec{P}(\text{жел. сост.})|=0$, уровень эмоционального и интеллектуального выгорания также будет равен нулю ($Ур_{\text{выг.}}=0$).

Таким образом, исходя из условия существования равновесного состояния организационной культуры предприятия, возникают нули

Таблица 2

Уровень конфликтности между целевыми группами рассматриваемых кластеров

Целевые группы	Кластеры по виду деятельности				Кластеры по количеству работников		
	Кластер «Машина»	Кластер «Кабель»	Кластер «Руда»	Кластер «Электроника»	Кластер А	Кластер В	Кластер С
АУП–ПП	5.04	4.71	10.32	18.50	10.28	7.96	5.29
НПО–СПО	4.96	1.94	4.14	6.74	2.85	5.34	1.17
НПО–ВО	8.42	5.79	8.96	11.83	5.16	7.65	5.27
СПО–ВО	6.07	5.77	5.31	5.10	4.42	6.47	6.37
МЛ–СР	2.60	6.45	9.44	1.92	1.99	2.40	5.64
МЛ–СТ	12.03	5.96	7.20	12.58	12.74	2.23	5.80
СР–СТ	4.62	3.51	15.38	12.99	14.70	4.62	6.04

отсчета для шкал уровня конфликтности и уровня эмоционального и интеллектуального выгорания.

Результаты исследования и их обсуждение

В таблице 2 представлены величины уровня конфликтности между целевыми группами рассматриваемых кластеров.

Из данных таблицы 2 видно, что факторы вида производственной деятельности предприятий и количества работников существенно отражаются на уровне конфликтности. Можно заметить, что машиностроительный и кабельный кластеры имеют близкие значения $Ур_{конф.}$ между административно-управленческим и производственным персоналами, причем оценки $Ур_{конф.}$ представляются относительно умеренной величиной. Этот результат означает естественное состояние конфликтности, обусловленное содержанием функционала рассматриваемых целевых групп. Относительно невысокие величины уровней конфликтности свидетельствуют, что предприятия рассматриваемых кластеров, несмотря на различные уровни технологичности существующих производственных процессов, имеют устойчивые позиции на рынке.

Добывающий кластер и кластер электроники характеризуются относительно высокими уровнями конфликтности между АУП и ПП. Если такое состояние конфликтности между АУП и ПП для кластера электроники не удивительно, так как предприятия данного кластера имеют достаточно неопределенное положение на рынке электронной продукции, то уровень конфликтности для предприятий добывающего кластера обусловлен либо неудовлетворительными перспективами состояния положения на рынке, либо объективными требованиями рынка повышения технологичности производственных процессов (технической модернизации).

Из данных таблицы 2 также видно, что уровень конфликтности между целевыми группами АУП и ПП однозначно определяется числом работников на предприятии. Этот результат, по-видимому, обусловливается высокостандартизованной системой управления, характерной для крупных предприятий. АУП на предприятиях, деятельность которых более значимо зависит от рынка (кластеры В и С), передает часть своих функций по организации производства востребованной продукции необходимого качества производственному персоналу. Кроме того, уменьшение численности работников на предприятии естественно сокращает функционал необходимых управленческих действий.

Обсуждая влияние на уровень конфликтности между целевыми группами уровня образования и возраста, можно предварительно заметить, что в состоянии устойчивого развития предприятия соседние по указанным параметрам классификации целевые группы должны иметь относительно невысокий уровень конфликтности. Это утверждение однозначно иллюстрируется большей близостью величин конфликтности между целевыми группами НПО – СПО и СПО – ВО, чем между группами НПО – ВО. Исключение составляет кабельный кластер, для которого уровни конфликтности между целевыми группами НПО – ВО и СПО – ВО близки между собой. Этот результат, по-видимому, можно объяснить тем, что на высокотехнологичных производствах из-за высокой степени автоматизации для успешной реализации функционала работника достаточно качественного начального профессионального и среднего профессионального образования. Подобная интерпретация полученных данных подтверждается низким уровнем конфликтности между целевыми группами НПО – СПО обсуждаемого кластера.

На предприятиях кластеров А и В наблюдается выполнение правила: чем больше различие между целевыми группами в уровне образова-

ния, тем больше величина $Ур_{\text{конф}}$ между ними. Поэтому для указанных кластеров наибольший уровень конфликтности прогнозируется между работниками с высшим образованием и работниками с иными уровнями образования. Можно предположить, что такая ситуация обусловлена, с одной стороны, большей ответственностью в силу своего должностного положения целевой группы ВО за результаты деятельности предприятия и, с другой, недостаточностью профессиональной подготовки участников конфликтующих сторон, не обеспечивающих полноценного выполнения требуемого функционала. Выделяющийся уровень конфликтности между целевыми группами СПО и ВО в региональных малых предприятиях связан, по-видимому, с близостью содержания производственного функционала для данных целевых групп, но различием в профессиональной подготовке работников этих групп.

Анализируя влияние возрастного фактора на величину уровня конфликтности можно отметить следующее. Для предприятий добывающего кластера перспективной, по-видимому, является техническое перевооружение производства, ответственность за реализацию которого ложится на среднюю возрастную группу (35–53 года). Эта перспектива, естественно, и вызывает относительно высокий уровень конфликтности между целевыми группами МЛ – СР и СР – СТ и невысокое значение $Ур_{\text{конф}}$ между целевыми группами МЛ – СТ.

На предприятиях кластера электроники, ищущих свое место на рынке, налицо конфликт между поколениями ввиду технологических различий («технологический конфликт»), что обуславливает относительно высокие по величине значения $Ур_{\text{конф}}$ между целевыми группами МЛ – СТ и СР – СТ и близкие значения (незначительный уровень конфликтности) между целевыми группами МЛ – СР.

Как видно из данных таблицы 2, на предприятиях кабельного кластера уровень конфликтности между возрастными целевыми группами относительно невелик, что определяется стабильной работой предприятий кластера, имеющих устойчивое положение на рынке. В то же время можно отметить, что близость уровней конфликтности между целевыми группами МЛ – СР и МЛ – СТ, по-видимому, обусловлена недостаточностью компетентности и отсутствием практического опыта для работы на высокотехнологичном предприятии.

Рассматривая региональные крупные предприятия, можно заметить, что относительно высокие уровни конфликтности отмечаются для старшей возрастной группы работников с ины-

ми рассматриваемыми возрастными группами. Этот результат можно интерпретировать как «технологический конфликт» между поколениями, который наиболее ярко иллюстрируется на результатах для крупных предприятий, реализующих традиционные промышленные технологии. Особое выделение уровня конфликтности между средней и старшей возрастными группами работников, по-видимому, обусловлено следующей причиной. Это неостребованность профессиональной подготовки (опыта производственной деятельности) старшей возрастной группы при реализации ответственности за управленческие и производственные решения, которая естественно возлагается в основном на среднюю возрастную группу.

В таблице 3 представлены найденные уровни эмоционального и интеллектуального выгорания $Ур_{\text{выг}}$ в целевых группах рассматриваемых кластеров.

Как видно из данных, представленных в таблице 3, большее значение $Ур_{\text{выг}}$ наблюдается для кластера «Электроника» и кластера С, так как наблюдается максимальное влияние рынка на малые предприятия и предприятия электронной промышленности. Для кластеров «Машина», «Руда» и «Электроника» большее значение $Ур_{\text{выг}}$ соответствует целевой группе АУП, чем группе ПП. Этот результат определяется тем, что на целевой группе АУП лежит большая ответственность за стабильную и эффективную деятельность предприятия. Примечательно, что если высокотехнологичные предприятия кластера «Кабель» уверенно занимают свой сегмент рынка, то на этих предприятиях фокус внимания смещается на поддержание качества и конкурентоспособности продукции, что, естественно, вызывает более высокий уровень эмоционального выгорания целевой группы ПП. Фактор устойчивого положения высокотехнологичного предприятия на рынке оказывает существенное влияние на величину $Ур_{\text{выг}}$ как предприятия в целом, так и его целевых групп, что однозначно иллюстрируется на данных для кластера «Электроника».

Величины $Ур_{\text{выг}}$ для целевой группы АУП для предприятий кластеров А, В и С достаточно велики, свидетельствуя о большой нагрузке на административно-управленческий персонал в условиях рыночной экономики, хотя наблюдается естественное снижение указанных величин с уменьшением численности работников на предприятии. Значимым является существенное большое значение $Ур_{\text{выг}}$ для предприятий кластера С. Это естественный отклик на высокую ответственность производственного персонала за ассортимент и качество выпускаемой

Таблица 3

**Уровень эмоционального и интеллектуального выгорания
в целевых группах рассматриваемых кластеров**

Целевые группы	Кластеры по виду деятельности				Кластеры по количеству работников		
	Кластер «Машина»	Кластер «Кабель»	Кластер «Руда»	Кластер «Электроника»	Кластер А	Кластер В	Кластер С
Кластер	8.00	8.38	6.64	9.85	7.12	5.55	8.98
АУП	9.58	6.90	7.26	11.73	10.18	8.43	6.82
ПП	6.44	9.86	6.61	9.60	5.17	3.20	11.16
НПО	7.71	4.12	11.84	6.54	8.76	4.50	4.72
СПО	2.06	10.02	4.37	14.89	2.36	10.10	8.49
ВО	10.52	8.81	8.27	8.66	8.89	6.40	10.58
МЛ	8.45	10.47	6.04	8.59	6.46	4.84	13.10
СР	8.54	7.07	8.79	12.31	8.41	6.84	6.01
СТ	7.01	8.50	6.04	5.17	3.16	4.54	9.71

продукции при низком уровне материально-технической базы производства.

Для кластеров «Машина» и «Руда» наименьшее значение $Ур_{выг.}$ соответствует целевой группе СПО, что может быть интерпретировано как относительное соответствие содержания функционала традиционных технологий производственных процессов содержанию среднего профессионального образования. Более высокие величины значений $Ур_{выг.}$ целевых групп НПО и ВО для данных кластеров обусловлены, по-видимому, недостатками образования в этих целевых группах при работе в соответствующих профессиональных должностях.

Высокий уровень технологичности производственных процессов, естественно, смещает ответственность за эффективное функционирование предприятия на работников целевых групп СПО и ВО, что подтверждается результатами, полученными для предприятий кластеров «Кабель» и «Электроника». Вспомогательная роль работников с начальным профессиональным образованием в высокотехнологичных производственных процессах обуславливает относительно низкий уровень их эмоционального выгорания.

Функционал производственной деятельности на крупных предприятиях с традиционными технологиями наиболее удовлетворительно обеспечивается содержанием среднего специального образования, что подтверждается минимальным уровнем эмоционального выгорания целевой группы СПО. Относительно высокое значение $Ур_{выг.}$ в целевых группах НПО и ВО кластера А объясняется, с одной стороны, трудностями вхождения в профессию и, с другой – основной ответственностью за эффективность деятельности предприятия в целом.

На предприятиях с различным количеством работников наибольшие значения $Ур_{выг.}$ достигаются для целевой группы СПО кластера В и

целевой группы ВО кластера С. Если для кластера В этот результат может рассматриваться как повышенные требования к работникам со средним профессиональным образованием – основному звену, обеспечивающему каждодневную эффективную деятельность предприятия, то для кластера С работники с высшим образованием несут основную управленческую и производственно-технологическую ответственность за настоящее и перспективное состояние деятельности предприятия.

Наибольший уровень эмоционального выгорания работников среднего возраста (35–53 года) отмечается на предприятиях кластеров «Машина», «Руда» и «Электроника», что связано с основной ответственностью данной возрастной группы за результаты работы предприятия в целом. Высокий уровень эмоционального выгорания работников младшей возрастной группы кластера «Кабель» преимущественно обусловлен недостатками содержания профессиональной подготовки для успешной работы на высокотехнологичных производствах [29]. Этой причиной объясняется второе место по уровню эмоционального выгорания данной возрастной группы из всех рассматриваемых кластеров.

Наибольший уровень эмоционального выгорания для работников средней возрастной группы на предприятиях кластеров А и В определяется основной ответственностью за результаты как управленческой, так и производственной деятельности. Наличие опыта профессиональной работы снижает уровень эмоционального выгорания у работников старшей возрастной группы.

Относительно высокие уровни эмоционального выгорания работников младшей и старшей возрастных групп на малых предприятиях вызваны повышенным стрессовым состоянием, связанным с ощущением своего нестабильного

положения в силу внутренней профессиональной конкуренции, которая особенно сильно выражается на предприятиях с малым количеством работников, ориентированных на быстрый отклик на запросы рынка.

Заключение

Проведенный анализ полученных социологических результатов показывает, что специфика промышленных предприятий оказывает существенное влияние на реакции социально-психологического состояния их работников. Социально-психологическое самочувствие работников определяется видом производственной деятельности и, следовательно, уровнем технологичности производства, а также количеством работников на предприятии, определяющим объем производства и, следовательно, стабильность положения и возможности адаптации на рынке.

Отмеченная специфика предприятий преломляется в реализации функционала должностных полномочий работников, уровня и содержания образования как деятельностного отклика на турбулентность действующей научно-технической среды производства, в реализации демографического фактора производства, как меры жизненности и профессионального отклика работника.

Суммируя полученные результаты, отметим следующее. Во-первых, уровень конфликтности наиболее высок между целевыми группами с существенно различным содержанием функционала производственной деятельности, например между целевыми группами АУП и ПП, НПО и ВО, МЛ и СТ.

Во-вторых, высокий уровень конфликтности достигается между целевыми группами, несущими наибольшую ответственность по своему образованию и возрасту за текущее и перспективное состояние деятельности предприятия, к которым можно отнести целевые группы СР и СТ. Можно предположить, что причиной конфликтности являются не столько различия в компетентности этих целевых групп при выполнении функционала производственной деятельности, сколько различия в мировоззренческих представлениях в реализации методов организации производства, которые можно назвать конфликтом поколений.

В-третьих, на уровень эмоционального и интеллектуального выгорания работников доминирующее влияние оказывает текущее и перспективное положение предприятия на рынке, которое определяется конъюнктурой продукции и технологическими возможностями отклика. Подтверждением могут служить высокие значения Ур.выг. для предприятий кластера «Электроника» и кластера С.

Большой уровень ответственности за текущее и перспективное положение предприятия на рынке проявляется в больших значениях уровня эмоционального и интеллектуального выгорания целевой группы АУП по сравнению с целевой группой ПП. Более высокое значение Ур.выг. для целевой группы ПП кластера С обусловлено значительными проблемами обеспечения востребованного качества выпускаемой продукции при относительно низком уровне технологичности на малых предприятиях.

Отмеченный фактор ответственности за текущее и перспективное положение предприятия на рынке детерминирует относительно высокие значения уровня эмоционального и интеллектуального выгорания для целевых групп ВО и СПО, а также целевой группы СР.

В заключение отметим, что предложенные характеристики социально-психологического состояния работников предприятий как отклика на существующую организационную культуру демонстрируют новые инструментальные возможности для использования в работе по управлению персоналом. Предлагаемая количественная диагностика может служить основой для установления причинно-следственных связей реакций социально-психологического состояния работников методами регрессионного анализа. Возникающие личностные напряжения обуславливаются не только психологическими особенностями индивидуума, но и влиянием организационной культуры. Достижению эффективной работы предприятий способствуют целенаправленные обоснованные изменения организационной культуры, направленные на достижение равновесного состояния как необходимого условия устойчивого динамического развития.

Статья выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Республики Мордовия № 18-411-130018 «Организационная культура промышленных предприятий Республики Мордовия (на примере инновационного и промышленного кластеров)».

Список литературы

1. Лобанова Т.Н., Захарова Л.Н. Психология труда индустрии 4.0 // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 1. С. 194–207.
2. Глазл Ф. Конфликт-менеджмент. Настольная книга руководителя и консультанта: Пер. с нем. Калуга: Духовное познание, 2002. 516 с.
3. Greenberg J.A. Taxonomy of Organizational Justice Theories // Academy of Management Review. 1987. V. 12. № 1. P. 9–22.
4. Audenaert M., Decramer A., George B., Verschuere B., van Waeyenberg T. When Employee Performance Management Affects Individual Innovation

- in Public Organizations: The Role of Consistence and LMX // *The International Journal of Human Resource Management*. 2016. V. 6. P.1–20.
5. Heffernan M., Dundon T. Cross-Level Effects of High-Performance Work Systems (HPWS) and Employee Well-Being: The Mediating Effect of Organizational Justice // *Human Resource Management Journal*. 2016. V. 26 (2). P. 211–231.
6. Moliner C., Martinez-Tur V., Peiro J.M., Cropanzano R. Organizational Justice and Extrarole Customer Service: The Mediating Role of Well-Being at Work // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2008. V. 17 (3). P. 327–348.
7. Howard L.W., Cordes C.L. Flight from Unfairness: Effects of Perceived Injustice on Emotional Exhaustion and Employee Withdrawal // *Journal of Business and Psychology*. 2010. V. 25 (3). P. 409–428.
8. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // *Социологические исследования*. 1998. № 1. С. 21–34.
9. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // *Социологические исследования*. 2000. № 6. С. 50–55.
10. Чугуенко В.М., Бобкова Е.М. Новые тенденции в исследовании социального самочувствия населения // *Социологические исследования*. 2013. № 1. С. 15–23.
11. Федорова А.Э., Несова Л.В. Мониторинг социального самочувствия работников производственного предприятия // *Труд. Кадры. Образование*. 2016. № 1. С. 26–31.
12. Бучаров В.Ю., Васькина Ю.В. Социальное самочувствие молодых работников промышленных предприятий: индикаторы и факторы // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. Т. 15. № 2. С. 201–216.
13. Захарова Л.Н., Саралиева З.Х., Леонова И.С. Социально-психологическое старение работника как социальное действие: организационный аспект // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. Т. 22. № 4. С. 88–119.
14. Захарова Л.Н., Саралиева З.Х., Леонова И.С., Заладина А.С. Усталость как показатель социально-психологического возраста персонала // *Системная психология и социология*. 2019. № 2 (30). С. 36–51.
15. Вертгеймер М. Продуктивное мышление / Пер. с англ.; общ. ред. С.Ф. Горбова и В.П. Зинченко; вступ. ст. В.П. Зинченко. М.: Прогресс, 1987. 366 с.
16. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ.; под ред. В.А. Спивака. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
17. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / Пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д.А. Леонтьева, Е.Ю. Патаевой. М.: Смысл, 2001. 572 с.
18. Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации: Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1996. 256 с.
19. Colquitt J.A., Conlon D.E., Wesson M.J., Porter C.O.L.H., Ng K.Y. Justice at the Millenium: A Meta-Analitic Review of 25 Years of Organizational Justice Research // *Journal of Applied Psychology*. 2001. V. 86. № 3. P. 425–445.
20. Noblet A.J., Rodwell J.J. Integrating Job Stress and Social Exchange Theories to Predict Employee Strain in Reformed Public Sector Contexts // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2008. V. 19. № 3. P. 555–578.
21. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: Практ. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2019. 299 с.
22. Томилин О.Б., Барнашова М.И., Томилин О.О. Организационная культура как новый управленческий ресурс стратегического менеджмента // *Университетское управление: практика и анализ*. 2014. № 3. С. 19–38.
23. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. под ред. И.В. Андреевой. СПб.: Питер, 2001. 320 с.
24. Макаркин Н.П., Томилин О.Б., Бритов А.В. Роль организационной культуры в эффективном менеджменте высших учебных заведений // *Университетское управление: практика и анализ*. 2004. № 5–6. С. 152–162.
25. Томилин О.Б., Фадеева И.М., Томилин О.О. Динамика изменений организационной культуры российских университетов // *Университетское управление: практика и анализ*. 2017. Т. 21. № 2. С. 92–105.
26. Томилин О.Б., Бритов А.В., Фадеева И.М., Томилин О.О. Некоторые математические соотношения в социологических исследованиях организационной культуры // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2019. Т. 29. Вып. 4. С. 375–384.
27. Томилин О.Б., Ключев А.К., Другова Е.А., Фадеева И.М., Томилин О.О. Организационные конфликты в трансформации университетов: destruam et aedificabo // *Интеграция образования*. 2019. Т. 23. № 2. С. 265–283.
28. Томилин О.Б., Фадеева И.М., Томилин О.О. Оценка степени интеллектуального и эмоционального выгорания в высшей школе // *Университетское управление: практика и анализ*. 2019. № 1–2. С. 141–154.
29. Двенадцать решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики / Под ред. Я.И. Кузьмина, И.Д. Фрумина; Центр стратегических разработок; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М., 2018. 105 с.

**STUDYING (DIAGNOSING) SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING
OF WORKERS EMPLOYED AT INDUSTRIAL CLUSTER ENTERPRISES*****O.B. Tomilin¹, I.M. Fadeeva^{1,2}, O.O. Tomilin¹***¹Mordovia State University named after N.P. Ogarev²Research Centre for Social and Economic Monitoring of the Republic of Mordovia

The article presents the new approach to study socio-psychological well-being of industrial workers, which affects the efficiency of the production activities of workers. There are quantitative characteristics of the level of conflict among different target and professional groups, the level of emotional and intellectual burnout of fellow workers, based on the research profile of the organizational culture of the enterprise which was created on the basis of OCAI methodology. The paper shows influence of a worker's age, the level of education and professional status on the socio-psychological well-being. It also provides qualitative interpretation of results based on the types of enterprises (clusters), which differ depending on the nature of production activities and the number of employees.

Keywords: industrial enterprises, clusters, organizational culture, OCAI methodology, socio-psychological well-being, gestalt psychology, social justice theory, diagnostics, conflict, emotional and intellectual burnout.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_2_77

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

© 2021 г.

Д.А. Шпилев, И.А. Уваров

Шпилев Дмитрий Анатольевич, д.соц.н.; доц.; профессор кафедры криминологии
Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации,
профессор кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shpilev72@mail.ru

Уваров Игорь Алексеевич, к.ю.н.; доц.; доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации
(Ставропольский филиал),
доцент кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
uvarov.igor@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 02.03.2021**Статья принята к публикации 30.04.2021*

В современном мире не существует единого мнения о том, как должна функционировать идеальная система исполнения наказаний. В ряде стран действует концепция пунитивности, то есть ужесточения уголовной ответственности и условий содержания осужденных (например, США). В других странах делается ставка на активный процесс исправления и ресоциализации осужденных, на большую роль в этом процессе социальных работников, психологов, членов семьи осужденного, общественности и некоммерческих организаций (Норвегия, Финляндия). При любом подходе к организации национальной пенитенциарной системы важную роль в ней играет персонал исправительного учреждения, осуществляющий ежедневное взаимодействие с осужденными, влияющий на их социальное самочувствие, осуществляющий противодействие негативному влиянию арестантского сообщества и организующий повседневную жизнь лиц, отбывающих наказание. От уровня и качества подготовки персонала ИК, от степени осознания сотрудниками как их повседневных задач, так и задач всей пенитенциарной системы, их профессионального отношения к осужденным во многом зависит их возможность вернуться к нормальной жизни после отбытия наказания. В отечественной системе исполнения наказаний существует множество проблем, требующих своего решения. Помочь в этом могут данные опросов, проведенных в местах лишения свободы.

Ключевые слова: пенитенциарная система, исправительная колония, сотрудники системы исполнения наказания, осужденные, лишение свободы, пунитивность, воспитательный отдел, психолог, социальный работник.

Условием качественной и эффективной работы пенитенциарной системы является хорошее социальное самочувствие сотрудников системы исполнения наказаний и их профессиональное отношение к осужденным. Исследованию проблем, существующих в современной российской системе исполнения уголовных наказаний, посвящено немало работ. В частности, обеспечению безопасности сотрудников при исполнении ими служебных обязанностей и профилактике нападения на них со стороны осужденных посвящены работы Н.Н. Кутакова [1; 2]. Анализ взаимоотношений между организационной культурой исправительных учреждений и криминальной субкультурой проведен Р.Н. Киселевой [3]. Особенности формирования у психологов ИС конструктивного стиля общения с осужденными рассмотрены в исследовании О.Н. Ракитской [4], которая считает, что

ежедневные рабочие контакты психологов с другими сотрудниками и осужденными являются одним из средств профилактики негативных явлений в системе исполнения наказаний.

Вопросы сравнения особенностей исполнения наказания в России и за рубежом подробно обсуждались на круглом столе, прошедшем в 2018 г. в городе Вологде [5].

Различные аспекты жизни осужденных в местах лишения свободы и их ресоциализации после освобождения рассмотрены, в частности, в работах Т.В. Коньшевой (оказание медико-социальной помощи ВИЧ-инфицированным осужденным) [6], Ю.Я. Чайки (обеспечение прав человека в местах лишения свободы) [7], В.Ф. Лелюха и А.Э. Поздняковой (взаимодействие пенитенциарных учреждений России с негосударственными организациями) [8], А.В. Богуславского (незаконный оборот наркотиков в

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов, %

Показатель	Характеристики	Выборка
Возрастные группы	18–25 лет	3
	26–35 лет	69
	36–45 лет	27
Занимаемая должность	Психолог	21
	Начальник отряда	46
	Сотрудник воспитательного отдела	32
Вид исправительного учреждения	Колония-поселение	1
	Колония общего режима	34
	Колония особого режима	0
	Колония строгого режима (для впервые осужденных)	38
	Колония строгого режима (для осужденных, ранее отбывавших наказание)	26
Стаж работы в УИС	от 1 до 5 лет	15
	от 6 до 10 лет	40
	от 11 до 15 лет	20
	от 16 до 20 лет	20
	от 21 до 25 лет	5
Семейное положение	Состоят в зарегистрированном браке	30
	Состоят в незарегистрированном браке	26
	Разведены	31
	Вдовец / вдова	2
	Никогда не состояли в браке	11

уголовно-исполнительной системе) [9], Н.Л. Познякова (взаимодействие российской пенитенциарной системы со СМИ) [10], епископа Красноярского Иринарха (роль религиозных организаций в ресоциализации и социальной адаптации осужденных) [11], С.Д. Гурица (вопросы ресоциализации осужденных) [12].

В достаточно большом количестве работ рассматриваются вопросы социальных гарантий, предоставляемых сотрудникам системы исполнения наказания [13], а также противодействия неслужебным связям сотрудников с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными [14].

Важно отметить, что непосредственные отношения персонала УИС с осужденными часто изучаются с позиций социальной работы [15–17].

Сотрудники ИК и осужденные представляют собой категории респондентов, доступ к которым для проведения опросов затруднен в силу специфики функционирования системы исполнения наказаний. Именно поэтому в публикациях, посвященных исследованию проблем, существующих в отечественной пенитенциарной системе, не часто встречаются данные актуальных социологических исследований. Целью данной работы является изучение отношения персонала исправительных учреждений к осужденным. Задачи исследования заключаются в следующем: охарактеризовать социальное самочувствие сотрудников ИК; выявить отношение сотрудников УИС к наказанию в виде лишения свободы и к лицам, отбывающим наказание; определить меры по улучшению содержания осужденных в ИК и повышению уровня их без-

опасности; установить качество отношений между осужденными и администрацией ИК.

Гипотеза: сотрудники воспитательных отделов колоний зачастую не имеют профильного образования, что негативно сказывается на качестве работы с осужденным, на выполнении задач, лежащих в основе работы исправительных учреждений. Недостаточная системная подготовка персонала ИК делает личный опыт и субъективное мнение сотрудников решающим фактором при принятии ряда решений относительно применяемых мер воспитательного воздействия к осужденным.

Метод исследования: анкетный опрос сотрудников УИС проводился среди лиц, обучавшихся на факультете профессионального обучения и дополнительного профессионального образования Академии ФСИН России (из 47 субъектов) в период с сентября по декабрь 2020 г.

Результаты исследования

В пилотном исследовании, посвященном взаимодействию осужденных с персоналом УИС, приняли участие 117 сотрудников воспитательных отделов исправительных учреждений – исправительных колоний общего и строгого (для осужденных впервые и ранее отбывавших наказание) видов режима. Стаж работы большинства сотрудников в УИС составляет от 6 до 10 лет, основной возраст сотрудников – от 26 до 35 лет (табл. 1). Все респонденты имеют высшее образование.

Таблица 2

Социальное самочувствие сотрудников УИС, %

Изменения в жизни за последние 2–3 года		Ожидания от будущего	
Стала гораздо лучше	4	С надеждой и оптимизмом	5
В целом несколько улучшилась	10	Спокойно, но без особых надежд и иллюзий	35
Не изменилась	34	С тревогой и неуверенностью	57
Стала несколько хуже	49	Со страхом и отчаянием	3
Значительно ухудшилась	3		

Таблица 3

Материальное положение сотрудников УИС, %

Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	0
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей	3
Денег достаточно для приобретения продуктов питания и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать	52
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	44
Денег не всегда хватает даже на приобретение продуктов питания	1

Таблица 4

Отношение сотрудников УИС к наказанию в виде лишения свободы, %

Тезисы, предложенные для оценки	Средний балл*
Успешность исправления осужденного полностью зависит от особенностей его личности	1.15
Наказание в виде лишения свободы должно назначаться только людям, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления	1.12
Судьям следует чаще назначать наказание в виде лишения свободы	1.03
Наказание в виде лишения свободы должно назначаться только с учетом личности виновного	1.03
Наказание в виде лишения свободы трудно исполнять в современных условиях	0.92
Наказание в виде лишения свободы обладает достаточным набором средств для исправления осужденного	0.8
Исполнение наказания в виде лишения свободы – моя работа, я к ней привык и особых эмоций уже не испытываю	0.66
Наказание в виде лишения свободы имеет только негативные стороны	0.57
Наказание в виде лишения свободы нецелесообразно применять к людям, совершившим преступления небольшой и средней тяжести	0.52

*Средний балл (коэффициент согласия с тезисами) рассчитан как среднее арифметическое оценок по шкале, где –2 балла – категорически не согласны, –1 балл – скорее не согласны, 0 баллов – затрудняюсь ответить, 1 балл – скорее согласны, 2 балла – совершенно согласны с тезисами.

Более чем у половины сотрудников жизнь за последние 2–3 года ухудшилась (табл. 2). 14% сотрудников, чья жизнь за указанный период стала лучше, работают в занимаемой должности недавно. Это означает, что в недавнем прошлом эти сотрудники относились к категории младшего начальствующего состава. После получения высшего образования они были переведены на должности среднего начальствующего состава. В результате подобного повышения по службе у молодых сотрудников улучшились условия труда и увеличилось денежное содержание. Именно поэтому молодые сотрудники, не имея реальных представлений о характере службы в новом качестве, полны оптимистичных ожиданий от будущего.

Большинство сотрудников вне зависимости от стажа работы в исправительном учреждении имеют невысокий уровень жизни. К малочисленной группе (3%) имеющих неплохое материальное положение принадлежат некоторые психологи и начальники отрядов (табл. 3).

В ходе опроса сотрудникам УИС было предложено выразить свое мнение по поводу тезисов о наказании в виде лишения свободы (табл. 4). Важно отметить, что сотрудники воспитательного отдела (начальники отрядов, психологи и инспекторы) в основной массе не имеют юридического образования, поэтому на их суждения влияет в основном опыт работы в колонии. Итак, работники УИС считают, что лишать свободы следует только людей, которые совершили тяжкие или особо тяжкие преступления. К людям, совершившим преступления небольшой тяжести, подобное наказание применять нецелесообразно. Исправление человека, отбывающего наказание, как правило, зависит от особенностей его личности. В любом случае, сотрудники не согласны с тем, что наказание в виде лишения свободы имеет только негативные стороны. Работники УИС не остаются равнодушными к своей работе, понимая, что речь идет о судьбах людей. Тезисы, мнение о которых у работников исправительного учреждения

Таблица 5

Положение лиц, отбывающих наказание, в пространстве ИК, %

Тезисы, предложенные для оценки	Средний балл*
Лица, отбывающие наказание, должны заниматься трудовой деятельностью, работать	1.52
Арестантское сообщество всегда оказывает на осужденного большее влияние, чем администрация ИК	1.32
Представители воспитательного отдела должны иметь возможность влиять на характер режима содержания осужденного	1.27
Необходимо дальнейшее совершенствование лишения свободы как вида наказания	1.15
Необходимо внести изменения в правовое регулирование лишения свободы	1.02
Администрация ИК должна всегда прислушиваться к мнению социальных работников	0.97
Режимные вопросы в ИК решаются без учета мнения сотрудников воспитательного отдела	0.75
К работе с осужденными необходимо активно привлекать членов их семей	0.51
Регулярное общение с семьей помогает осужденным сопротивляться негативному влиянию арестантского сообщества	0.43
Необходимо планомерно улучшать медицинское обслуживание осужденных	0.39

*Средний балл (коэффициент согласия с тезисами) рассчитан как среднее арифметическое оценок по шкале, где –2 балла – категорически не согласны, –1 балл – скорее не согласны, 0 баллов – затрудняюсь ответить, 1 балл – скорее согласны, 2 балла – совершенно согласны с тезисами.

не является однозначным, заняли среднее положение в рейтинге и касаются оценки личности осужденных и возможности их исправления путем лишения свободы.

Причину высокого объема применения лишения свободы в судебной практике сотрудники УИС видят, в первую очередь, в национально-культурных особенностях нашей страны (60%). На втором месте – криминализация большей части населения (55%), на третьем – рост преступности в стране (45%). Изучению зарубежного опыта исполнения уголовных наказаний респонденты не придают большого значения (3%), хотя именно в ряде зарубежных стран в настоящее время идет интенсивное обсуждение новых подходов к уголовному праву в условиях так называемых комплексных или сложных угроз [18]. По большому счету, речь идет о возрождении пунитивности, о тенденциях к усилению уголовной ответственности. Однако для реализации, в том числе, концепции пенитенциарной профилактики необходимо внести ряд существенных изменений в существующую систему исполнения наказания, что является предметом отдельной дискуссии. В настоящее время сотрудники УИС видят ситуацию следующим образом (табл. 5).

Сотрудники пенитенциарных учреждений уверены, что осужденные во время отбывания наказания должны заниматься трудовой деятельностью. В настоящее время сила воздействия пенитенциарного сообщества на осужденного превосходит воздействие администрации исправительного учреждения, поэтому представители воспитательного отдела должны иметь возможность влиять на характер применяемых к осужденным режимных требований. Наименьшую поддержку среди сотрудников УИС получил тезис о необходимости улучшения медицинского обслуживания осужденных.

Важно, что средний балл (коэффициент согласия) имеет в данном случае положительное, а не отрицательное значение, то есть конкретное суждение, предложенное для оценки сотрудникам УИС, не разделяется ими полностью, но и не отрицается категорически. Не нашли полной поддержки у работников пенитенциарной системы тезисы о необходимости привлечения членов семей осужденных к процессу их исправления для противодействия влиянию пенитенциарного сообщества. Связано это с тем, что мнение сотрудников исправительных учреждений о необходимости активного привлечения членов семей осужденных к процессу исправления в полной мере зависит от личного опыта сотрудника ИК. Если опыт положительный, то и ответ утвердительный. При отрицательном опыте общения с родственниками сотрудники не видят необходимости привлекать их к воспитательному процессу.

Наиболее спорными сотрудникам УИС оказались тезисы о необходимости совершенствования законодательства о наказании в виде лишения свободы, что в очередной раз можно объяснить отсутствием профильного образования у большинства сотрудников воспитательного отдела.

Респонденты не в полной мере согласны с тем, что администрации ИК должны считаться с мнением социальных работников. Действительно, при ответе на многоальтернативный вопрос о том, что помогает осужденному быстрее освоиться в ИК, хороший контакт с социальным работником занял последнее место (26%), а с психологом – предпоследнее (31%). На первом месте с большим отрывом находится квалифицированная работа воспитательного отдела (67%), на втором и третьем – взаимодействие с администрацией ИК (56%) и быстрое приобще-

Таблица 6

Меры по улучшению содержания осужденных в ИК, %

Инвестиции в спортивный инвентарь для осужденных	65
Устранение бытовых проблем: тепло-, водо-, электроснабжение, канализация	30
Улучшение питания осужденных	28
Улучшение медицинского обслуживания	17
Замена мебели в жилых помещениях осужденных	15
Улучшение снабжения их одеждой и обувью	9

Таблица 7

Обстоятельства, способные создать безопасные условия для жизни осужденных в ИК, %

Тезисы, предложенные для оценки	Средний балл*
Укрепление дисциплины	2.63
Укрепление режима	2.55
Ограничение влияния лидеров преступной среды на осужденных	2.5
Укрепление законности в действиях администрации	2.41
Активизация работы воспитателей	2.34
Активизация социальной работы	2.2
Активизация психологической работы	2.12
Активизация деятельности самих осужденных	2.00
Привлечение внимания общественности к деятельности ИК	1.83
Улучшение бытовых условий осужденных	1.74
Либерализация законодательства	1.52

*Средний балл (коэффициент согласия с тезисами) рассчитан как среднее арифметическое оценок по шкале, где 1 балл – никогда, 2 балла – иногда, 3 балла – чаще всего.

ние к неформальным нормам поведения в среде заключенных (50%). В данном случае мы еще раз видим подтверждение тезиса о сильном влиянии пенитенциарного сообщества на жизнь осужденного. Следовательно, организация качественного взаимодействия осужденных с администрацией ИК имеет важнейшее значение для достижения целей наказания.

При ответе на многоальтернативный вопрос о возможных мерах по улучшению содержания осужденных в ИК (табл. 6) социальный аспект их жизни (улучшение медицинского обслуживания, мебелировка помещений и замена форменной одежды) не был расценен сотрудниками УИС в качестве приоритетного направления их работы, так как первое место занял ответ об инвестициях в спортивный инвентарь. На втором и третьем месте – устранение бытовых проблем: тепло-, водо-, электроснабжение, канализация и улучшение питания осужденных.

Наоборот, работники ИК считают, что для обеспечения безопасного пребывания осужденных в местах лишения свободы необходимо усилить режим содержания осужденных и дисциплину, ограничить влияние лидеров неформальной среды (пенитенциарного сообщества) на отбывающих наказание. Улучшение бытовых условий и ослабление режима содержания не являются в данном случае первоочередными целями. У работников пенитенциарной системы не сложилось единого мнения о необходимости активизации воспитательной, социальной и

психологической работы с осужденными, а также о привлечении внимания общественности к деятельности ИК (табл. 7). Сотрудники УИС, как правило, уверены в том, что привлечение внимания общественности к деятельности ИК редко приводит к положительным результатам, так как люди «со стороны» априори относятся к местам лишения свободы и их обитателям негативно, поэтому внешнее вмешательство всегда деструктивно как для самих осужденных (дает ложные надежды), так и для персонала (снижает управляемость осужденными).

Полученные данные показывают, что, по мнению работников ИК, наибольшей эффективностью обладают рестриктивные меры со стороны администрации, а не построение системы самоуправления у осужденных параллельно с активизацией вспомогательного персонала и членов семей осужденных.

В качестве пояснения необходимо отметить, что такие направления работы, как «укрепление режима» и «укрепление дисциплины», сотрудниками различных подразделений ИК воспринимаются по-разному. В частности, в качестве различных направлений деятельности они воспринимаются сотрудниками отдела безопасности и оперативного отдела, а также сотрудниками воспитательного отдела, осуществляющими дисциплинарную практику – наложение поощрений и взысканий. Сотрудники остальных подразделений ИК трактуют режим и дисциплину как тождественные понятия или рассмат-

Таблица 8

Обстоятельства, способные угрожать безопасности жизни осужденных в ИК, %

Тезисы, предложенные для оценки	Средний балл*
Использование осужденными средств мобильной связи	2.51
Изготовление или использование запрещенных предметов	2.36
Употребление осужденными алкогольных напитков	2.12
Организация группировок осужденных	2.01
Прекращение работы без уважительных причин	1.93
Отказ от работы без уважительных причин	1.9
Употребление осужденными наркотических средств	1.47
Совершение осужденными преступлений	1.42
Организация забастовок осужденных	1.33
Употребление осужденными психотропных средств	1.28
Массовые неповиновения осужденных	1.25
Массовые беспорядки осужденных	1.2

*Средний балл (коэффициент согласия с тезисами) рассчитан как среднее арифметическое оценок по шкале, где 1 балл – никогда, 2 балла – иногда, 3 балла – чаще всего.

ривают дисциплину как один из элементов режима содержания.

Неоднозначно сотрудниками ИК воспринимается и проблема улучшения бытовых условий осужденных. Персонал понимает, что многие осужденные, находясь на свободе, не имели таких удобств, как, например, санузел в помещении. Да и общий объем жилых помещений у осужденных до прибытия в ИК был меньше, чем в колонии.

Что касается тезиса о либерализации законодательства, то, как уже говорилось выше, не все работники ИК имеют юридическое образование и интересуются зарубежным опытом работы пенитенциарной системы. Поэтому в ряде случаев можно говорить о наличии обычного обывательского подхода – «за границей лучше, чем у нас», хотя по факту при исполнении наказания российское законодательство является одним из самых либеральных в мире.

Для активизации психологической работы в колонии должна существовать психологическая лаборатория, однако в большинстве случаев в учреждении работает только один психолог. Это означает, что без увеличения штатных единиц активизация психологической работы будет означать исключительно увеличение объема работы психолога. Вышесказанное относится и к активизации воспитательной работы со стороны начальников отрядов, штаты которых в ряде случаев тоже укомплектованы не полностью.

Следующий блок вопросов посвящен выявлению проблем и конфликтов, возникающих у персонала ИК с осужденными. Реже всего работники исправительных учреждений сталкивались со случаями массовых беспорядков и массового неповиновения осужденных. Наиболее распространенными проблемами являются использование осужденными средств мобильной связи, изготовление или использование запре-

щенных предметов, употребление алкогольных напитков (табл. 8).

Важно отметить, что сотовые телефоны широко используются осужденными, несмотря на действующие запреты. Люди, далекие от понимания особенностей функционирования пенитенциарной системы, убеждены, что осужденным в принципе разрешено использование сотовой связи. Что касается употребления осужденными алкогольных напитков и наркотических средств, то это относится к серьезным правонарушениям, поэтому такого рода факты могут скрывать. В связи с этим можно предположить, что не все респонденты отвечали на данный вопрос искренне.

В любом случае, работники ИК считают, что для поддержания порядка в исправительном учреждении существующего количества персонала недостаточно. Большинство сотрудников (75%) говорят о необходимости увеличения количества штатных сотрудников определенных должностей, в частности начальников отрядов (35%), сотрудников воспитательных отделов (24%) и психологов (14%). В данном случае можно предположить, что начинает срабатывать так называемый корпоративный интерес, то есть каждый сотрудник предлагает увеличить штат именно своего направления (психолог – психологов, начальник отряда – начальников отрядов). При этом только 2% респондентов предложили увеличить штат сотрудников отдела безопасности (именно эти сотрудники и обеспечивают режим содержания). Важно понимать, что когда речь идет о сотрудниках воспитательного отдела, то это можно трактовать как непосредственно сам отдел (начальник и несколько инспекторов), так и все категории сотрудников воспитательного отдела (в структуру которого входят начальник отдела, инспекторы, начальники отрядов и психолог). Ра-

Таблица 9

Отношения между осужденными и администрацией ИК, %

Тезисы, предложенные для оценки	Средний балл*
Для поддержания порядка в исправительном учреждении существующего количества штатного персонала недостаточно	1.33
В исправительном учреждении существуют проблемы с трудоустройством осужденных	1.19
Осужденный всегда имеет возможность при первой необходимости пообщаться с сотрудниками воспитательного отдела	1.06
У администрации колонии часто возникают проблемы с осужденными	1.05
Осужденный всегда имеет возможность при первой необходимости пообщаться с психологом	0.98
У администрации колонии часто возникают конфликты с осужденными	0.92
Администрация колонии всегда в состоянии защитить осужденного, жизни которого угрожает опасность	0.65
Осужденный всегда имеет возможность при первой необходимости пообщаться с сотрудниками, способными решать их социальные проблемы	0.57
Воспитательная работа с осужденными в исправительном учреждении организована на высоком уровне	0.43
Исправительное учреждение имеет достаточное материально-техническое оснащение	0.24

*Средний балл (коэффициент согласия с тезисами) рассчитан как среднее арифметическое оценок по шкале, где –2 балла – категорически не согласны, –1 балл – скорее не согласны, 0 баллов – затрудняюсь ответить, 1 балл – скорее согласны, 2 балла – совершенно согласны с тезисами.

нее в структуру отдела входили также инспектор по трудовому и бытовому устройству осужденных и сотрудник социальной защиты осужденных. В настоящее время этих двух категорий нет, именно поэтому не совсем понятна логика 25% сотрудников, отрицающих необходимость увеличения штатной численности персонала.

Кроме того, у администраций колоний есть проблемы с материально-техническим оснащением исправительных учреждений, с организацией воспитательной работы с осужденными, с их трудоустройством (табл. 9). В ряде случаев у администраций колоний возникают конфликты с осужденными, которые не всегда имеют возможность при первой необходимости обратиться к психологу и другим сотрудникам, способным решить их социальные проблемы, защитить осужденного, жизни которого угрожает опасность.

Важно отметить, что сотрудники исправительных учреждений различают понятия конфликта с осужденными и проблем с осужденными. Например, у осужденного могут быть проблемы с одеждой, здоровьем, в семье за пределами исправительного учреждения. В решении подобных проблем принимает участие начальник отряда. Конфликт же, как правило, связан с проявлением агрессии, и здесь представители воспитательного отдела не всегда могут о них знать, так как это является прерогативой оперативной службы.

Сотрудники исправительных учреждений считают, что после освобождения у осужденных возникают проблемы с адаптацией к жизни вне ИК (81%), с трудоустройством (61%), с жильем (50%), с состоянием здоровья (37%), с семьей, устройством личной жизни (25%), с получением образования / новых трудовых навыков (7%).

Большинство сотрудников ИК имеют невысокий уровень жизни, однако, понимая, что речь идет о судьбах людей, они не проявляют равнодушия к своей работе. Сила воздействия пенитенциарного сообщества на осужденного превосходит воздействие администрации исправительного учреждения, поэтому для обеспечения безопасности отбывающих наказание необходимо усилить режим содержания и дисциплину, ограничить влияние лидеров неформальной среды, предоставить сотрудникам воспитательного отдела право влиять на характер режимных ограничений осужденного, а администрации ИК – активно взаимодействовать с ним. Кроме того, осужденные во время отбывания наказания должны заниматься трудовой деятельностью. При этом, по мнению персонала, улучшение бытовых условий осужденных, их медицинского обслуживания, снабжение их одеждой и обувью не являются первоочередными целями, как и привлечение общественности и членов семей осужденных к процессу их воспитания и ресоциализации. Работники ИК считают, что сегодня для поддержания порядка в исправительном учреждении существующего количества персонала недостаточно. Роль сотрудников воспитательного отдела, по сравнению с иными категориями сотрудников ИК, не расценивается администрацией как ведущая, а важность их регулярных контактов с осужденными – как приоритетная. Дальнейшего исследования требуют проблемы всесторонней профессиональной подготовки сотрудников воспитательных отделов ИК, их отношения к вопросам реформирования уголовного наказания, а также организации работы сотрудников воспитательных отделов с осужденными.

Список литературы

1. Кутаков Н.Н. Современные средства обеспечения безопасности персонала исправительных учреждений ФСИН России // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 3 (28). С. 29–34.
2. Кутаков Н.Н. Предупреждение нападений на персонал исправительных учреждений со стороны спецконтингента // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (36). С. 135–137.
3. Киселева Р.Н. Организационная культура и криминальная субкультура в исправительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2013. № 2. С. 16–23.
4. Ракитская О.Н. Конструктивное общение как цель и средство работы практического психолога в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2019. № 2 (47). С. 119–126.
5. Проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в России и за рубежом: Сборник материалов круглого стола Международной научно-практической конференции (г. Вологда, 3 ноября 2017 г.) / Под общ. ред. В.Н. Некрасова, И.А. Янчука; Федер. служба исполн. наказаний, Вологод. ин-т права и экономики. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2018. 320 с.
6. Кобышева Т.В. Развитие межведомственных программ оказания медико-социальной помощи ВИЧ-инфицированным осужденным в Свердловской области // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2012. № 5. С. 54–57.
7. Чайка Ю.Я. Обеспечение прав человека в уголовно-исполнительной системе Министерства юстиции России // Журнал личной, национальной и коллективной безопасности. 2003. № 1. С. 647–676.
8. Лелюх В.Ф., Позднякова А.Э. Взаимодействие пенитенциарных учреждений России с негосударственными социальными институтами и организациями // Вестник КемГУ. 2012. № 2 (50). С. 229–236.
9. Богуславский А.В. Проблемы выявления преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в уголовно-исполнительной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 3 (28). С. 4–11.
10. Позняков Н.Л. Влияние современных СМИ на состояние пенитенциарной безопасности // Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика: Материалы III Международной научно-практической конференции / Под ред. Р.А. Ромашова. Самара: Изд-во Самар. юрид. ин-та ФСИН России. 2013. С. 225–228.
11. Епископ Красногорский Иринарх. Религиозные организации и проблемы ресоциализации и социальной адаптации осужденных // Уголовно-исполнительная система и русская православная церковь, другие традиционные для России религиозные объединения – взаимодействие в духовно-нравственном воспитании осужденных. Рязань, 18–19 сентября 2018 года. С. 88–111.
12. Гуриц С.Д. Актуальные вопросы ресоциализации осужденного // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2019. № 2 (2). С. 137–143.
13. Григорьева О.О. Организационно-правовые основы стимулирования служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (на примере предоставления социальных гарантий): Автореф. дис. ... к. ю. н.: 12.00.11. М., 2017. 28 с.
14. Полеченков Н.Е. Организационно-правовые аспекты деятельности УИС, направленной на противодействие неслужебных связей сотрудников с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными // Сборник научных трудов победителей и призеров конкурсов на лучшую научную работу. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 40–47.
15. Князькин А.Н. Применение новых методов в организации воспитательной и социальной работы с осужденными // Теоретические и практические проблемы развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации и за рубежом. Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. Рязань, 2018. С. 860–870.
16. Борченко В.А. Формы социальной работы с осужденными женщинами // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 2. С. 146–152.
17. Александров Б.В., Мейер Ю.А. Решение вопросов трудоустройства осужденных средствами социальной работы // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Под общ. ред. Т.В. Кирилловой. 2018. С. 21–27.
18. Глухова А.А., Шпилев Д.А. Современная уголовная политика Германии: пример для подражания или своевременное предостережение? // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 1. С. 1060–1072.

**THE ATTITUDE OF THE PERSONNEL OF THE CORRECTIONAL COLONIES
TO THE CONVICTED AT THE MODERN STAGE**

D.A. Shpilev^{1,2}, I.A. Uvarov^{1,3}

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

² Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

³ Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

In the modern world, there is no consensus on how an ideal system to execution sentences should function. In a number of countries, the concept of punitiveness is in effect, that is, toughening criminal law and the regime for

keeping convicts (for example, Russia, the United States). In other countries, a focus is placed on the active process of re-education and re-socialization of convicts, on a large role of social workers, psychologists, family members of the convict, the public and non-profit organizations (Norway, Finland). In either approach to the organization of the national penitentiary system, staff of a correctional institution play an important role in it, carrying out daily interaction with convicts, influencing their social well-being, countering the negative influence of the prison community and organizing their daily life. The ability of prisoners to return to normal life after serving their sentence largely depends on the level and quality of training of personnel at correctional prisons, on the degree of the staff's awareness of both their daily tasks and tasks of the entire penitentiary system, their professional attitude towards convicts. There are many problems in the domestic penal system that need to be addressed. Data from surveys conducted in prisons can help in this.

Keywords: penitentiary system, correctional prison, employees of penal system, convicts, imprisonment, punitiveness, educational department, psychologist, social worker.

УДК 316.334.56

DOI 10.52452/18115942_2021_2_86

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ СОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКИХ МЕГАПОЛИСАХ: НОВЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ И МИКРОЛОКАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ РЕЖИМЫ

© 2021 г.

О.В. Нотман

Нотман Ольга Валерьевна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры прикладной социологии
Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
o.v.notman@urfu.ru

*Статья поступила в редакцию 11.12.2020**Статья принята к публикации 15.04.2021*

В мегаполисах как сверхкрупных и сложноорганизованных социотерриториальных системах наиболее проявляются возможности формирования разнообразных конфигураций взаимодействия власти и гражданского общества. В качестве теоретической рамки изучения возможностей реализации модели соуправления в российских мегаполисах использован концепт городских режимов, позволяющий рассматривать соуправление сквозь призму коалиционного взаимодействия широкого спектра акторов и институций. Эмпирической базой послужили данные общероссийских исследований гражданского активизма, развивающегося в условиях укрепления вертикали власти и институционально-правовых барьеров для реализации местного самоуправления. Выделены характерные особенности нового городского активизма: снижение его политической направленности, увеличение значимости и расширение репертуара неформальных (внеинституциональных) активистских практик, прагматизм, ориентация на решение проблем городской повседневности. Делается вывод о том, что наиболее перспективным, реалистичным «полем» для трансформации потенциальной активности местного сообщества в реальное соучастие выступает микролокальное территориальное пространство мегаполиса. Автор предлагает новое понятие – «микролокальный режим», представляющий собой взаимодействие районных администраций с организационными и индивидуальными акторами-резидентами, а также взаимодействие последних друг с другом, ориентированное преимущественно на обеспечение качества непосредственной среды жизнедеятельности. Множественность и разнообразие микролокальных режимов внутри мегаполиса определяются эффектами территориального масштаба и дифференциации уровней управления, а также особенностями городских районов и их жителей.

Ключевые слова: мегаполис, соуправление, городской режим, гражданский активизм, микролокальный режим.

Введение

Эволюция подходов к анализу городского управления – от элитистских к плюралистическим – обусловлена сложностью и многогранностью социальных, экономических, политических, культурных процессов, протекающих в современных мегаполисах. Современное видение системы городского управления формируется в рамках теории городских режимов [1–3]:

– во-первых, рассматривающей процесс управления сквозь призму кросс-секторального партнерства как эффективного способа «производства» значимых для городского развития результатов;

– во-вторых, акцентирующей внимание на многосубъектности участников управления (не только власти и бизнеса, но и иных стейкхолдеров), которая, с одной стороны, обеспечивает привлечение достаточного объема потенциалов/ресурсов для достижения поставленных целей, но, с другой стороны, значительно усложняет процесс согласования интересов;

– в-третьих, постулирующей многообразие и вариативность приоритетов городского развития и соответствующих им типов режимов (поддержание статус-кво, экономический рост и развитие, сохранение и привлечение человеческого капитала, улучшение качества городской среды и пр.).

Формирующиеся в российских мегаполисах режимы характеризуются комплексом противоречий для достижения соглашений и координации усилий как внутри групп, формально наделенных властью, так и между властными субъектами и бизнес-акторами, а также иными участниками (градозащитные, экологические организации, иные НКО и местные сообщества), представляющими альтернативные интересы в городской политике. Процессы реструктуризации и коммерциализации городского пространства (происходящие в мегаполисах в связи с их глобальными амбициями, девелоперским бумом, ростом розничного и сервисного секторов в городской экономике) обуславливают проявление в наиболее явном виде режимов

экономического роста («машин городского роста»), основанных на коалиционных союзах региональной/муниципальной власти и бизнеса [4]. С другой стороны, именно в мегаполисах как местах концентрации среднего класса – главного носителя прогрессивной идеологии и «ядерного» протестного потенциала – наиболее ярко заявляют о себе общественные движения и гражданские инициативы, противостоящие безудержному росту и выступающие за улучшение качества городской среды, социальные и экологические приоритеты в городском развитии. Безусловно, общественные организации и прогрессивные группы населения не могут претендовать на ведущие позиции в правящих коалициях (в сравнении с «главными» акторами городской политики, располагающими административными и экономическими ресурсами), однако в современных российских мегаполисах они оказывают все более и более возрастающее влияние на трансформацию городской повестки в направлении гуманистических ориентиров.

В.Г. Ледяев, В.Я. Гельман, С.И. Рыженков, Ю.А. Пустовойт, рассматривая «режимную» теорию в проекции российских реалий, отмечают необходимость учета специфических условий становления и развития городских режимов в России – таких, как централизация управления и, соответственно, сужение «коридора» местной автономии; минимизация политической конкуренции; значительное влияние федеральных и региональных институтов на муниципальную власть [3, с. 308–309; 5, с. 133, 141; 6, с. 101]. Такие свойства городских режимов, как стабильность и независимость от внешнего административно-политического давления, в полной мере не могут характеризовать российские локальные режимы. Последние скорее характеризуются как «ограниченные», «появляющиеся», «неустойчивые». Вместе с тем пересечение спектра интересов публичных и частных акторов, наличие разного рода взаимодействий и какого-то уровня кооперации между ними (исходные основания для возникновения любого режима) позволяют использовать более «гибкую» версию теории городских режимов в качестве методологической базы исследования процессов соуправления в российских мегаполисах.

Целью настоящей статьи является обоснование на основе результатов общероссийских исследований городского гражданского активизма нового теоретического конструкта – «микролокального режима» внутри мегаполиса, позволяющего обозначить перспективные направления соуправленческого взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества.

Методология и данные

Мы рассматриваем возможности реализации модели соуправления в российских мегаполисах, опираясь на теорию городских режимов, развивающую плюралистические подходы к объяснению городского управления. Основатель «режимной» теории Кларенс Стоун, смещая перспективу видения власти от «механизма принуждения и социального контроля» к «механизму социального производства» на основе коллективных договоренностей и координации усилий, конституирует в соответствии с этим такие ключевые признаки городского режима, как наличие формальных и неформальных взаимодействий между акторами, достижение соглашений по фундаментальным вопросам городской повестки – целевым приоритетам, кросс-секторальный характер образованных партнерств и их стабильность/длительность, а также наличие ресурсов для достижения поставленных целей [7]. Адаптируя классические конституирующие признаки городских режимов к современным российским реалиям, мы используем более гибкую версию «режимной» теории, рассматривая соуправление как подвижную (не обязательно обладающую длительностью, устойчивостью и стабильностью) модель взаимодействия городских стейкхолдеров, формирующуюся даже в условиях значительных институционально-правовых барьеров для реализации местного самоуправления. Для обоснования такого менее «жесткого» теоретического конструкта – «микролокального режима» – мы основываемся на данных общероссийских исследований гражданского активизма, проведенных Институтом социологии РАН и «Левада-Центром» в период с 2014 по 2020 г., а также локальных опросов населения и представителей муниципальной власти, проведенных в крупнейших мегаполисах – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге.

Результаты и обсуждение

Существующая на сегодняшний день в России институционально-правовая среда в большей степени является препятствием для формирования вариативности и независимости городских режимов. Курс на усиление политико-административной централизации управления привел к значительному сужению уровня самостоятельности и автономии муниципалитетов [8, с. 75]. Федеральный закон 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (№-131 ФЗ), переживший огромное количество поправок, рав-

но как и такое же количество научной и общественной критики, наделил муниципальные образования ответственностью за решение вопросов местного значения, не обеспечив их необходимыми для этого ресурсами. Изменения федерального законодательства в части фискальной политики имели неблагоприятные последствия для финансовой самостоятельности муниципалитетов, усилив их зависимость от трансфертов из федерального бюджета. В результате поправки к закону о местном самоуправлении (Федеральный закон № 136-ФЗ, 2014 г. [9]), позволяющей главам регионов определять процедуру замещения должности мэров, произошел массовый отказ от прямого голосования жителей и переход к конкурсной процедуре избрания главы городской администрации, которая снижает его зависимость от жителей и в то же время прочнее «привязывает» к региональной власти. К 2020 г. из 15 российских городов-миллионников (исключая мегаполисы федерального значения – Москву и Санкт-Петербург) только в Новосибирске сохранились прямые выборы мэра. В Екатеринбурге прямые выборы мэра были отменены Законодательным собранием Свердловской области в 2018 г. Но уже в 2020 г. областной парламент зарегистрировал и официально принял к рассмотрению законопроект о возвращении прямых выборов, подготовленный инициативной группой граждан. Это пока единственный случай в России, когда народной инициативе удалось преодолеть подписной барьер (свыше 10 000 подписей в поддержку) и довести подготовленный законопроект до стадии официальной регистрации и назначения даты рассмотрения профильной комиссией Законодательного собрания.

Несмотря на то что случай Екатеринбурга – в своем роде уникальный, тем не менее он является определенным «сигналом» об исчерпании общественного запроса на политико-административную централизацию и «огосударствление» местного самоуправления. Подтверждают формирование соответствующих общественных настроений и данные опроса жителей Екатеринбурга, свидетельствующие о том, что возвращение прямых выборов мэра поддерживают 82% респондентов. При этом самая высокая поддержка прямых выборов (88%) наблюдается среди горожан молодого возраста (18–34 лет) [10], являющихся группой «будущего», драйвером развития мегаполиса.

Весьма показательны и результаты общероссийских исследований последних 5–7 лет, свидетельствующие об изменении уровня и характера потенциальной и реальной гражданской активности населения. Данные исследования,

проведенного Институтом социологии РАН в 2014 г. по общероссийской репрезентативной выборке, опровергают распространенную точку зрения об отстраненности, безразличии, пассивности, инертности населения, нежелании «соучаствовать». Результаты опроса показали, что каждый третий респондент готов участвовать в деятельности по благоустройству городской среды, каждый второй – «участвовать в публичных слушаниях и инициативных группах по сбору подписей за или против какого-либо нововведения, строительства». События, происходящие на уровне локальных сообществ, в гораздо большей степени интересуют россиян, нежели региональная и федеральная повестка [11, с. 15]. По сумме политических и неполитических видов гражданского активизма численность «активного» населения превышает численность «инертного» (37% против 29%) [11, с. 11–12]. Типичный представитель «активного» типа – молодой россиянин с высшим образованием, проживающий в крупном городе, относящий себя к среднему слою и являющийся активным пользователем социальных сетей [11, с. 12].

Опросы населения городов-миллионников, проведенные в 2018, 2019, 2020 гг. Аналитическим центром Юрия Левады, также свидетельствуют об имеющемся «поле» для взращивания гражданского активизма [12; 13]. Более высокие показатели гражданской активности во всех формах ее проявления (голосование на выборах, обращения в органы исполнительной власти, подписывание открытых писем и петиций, участие в работе общественных и политических организаций, участие в уличных акциях и митингах и пр.) демонстрирует именно молодежь. Доля молодых россиян в возрасте 16–34 лет, готовых участвовать в разных формах гражданского активизма, значимо выше (на 10–20%) в сравнении со средними показателями по общей выборке населения [13, с. 7–8]. Данные «Левада-Центра» по ряду выявленных детерминант гражданской активности (в частности, наличие высшего образования, включенность в интернет-коммуникации и минимизация федеральных телеканалов как источников информации) согласуются с данными исследований Института социологии РАН. Вместе с тем выявляются и иные параметры, связанные с «открытостью» внешнему миру, – это владение иностранным языком, поездки за границу, интерес к политике. Молодые люди с более высоким уровнем «открытости» внешнему миру отличаются более высокими показателями гражданской вовлеченности (участия как такового). Более высокий уровень информированности (прежде всего за счет интернет-источников, социальных

сетей) сильнее всего связан с такими формами гражданского участия, как «объединение с другими людьми для решения общих проблем, защиты своих прав», «обращение с запросом, жалобой, заявлением в органы власти», «участие в митинге, шествии, пикете, забастовке», «голосование на выборах любого уровня» [13, с. 17].

При интерпретации результатов исследований, посвященных гражданскому активизму в целом и особенно активизму на уровне местного самоуправления, чрезвычайно важно учитывать различия между готовностью проявлять качества активного гражданина (намерениями) и реальным участием (деятельностной активностью). Российские исследования, наряду с «фиксацией» общественного запроса на реальное местное самоуправление, вместе с тем показывают существенный «разрыв» между потенциальной готовностью и реальным гражданским участием. Так, например, Р.В. Петухов, основываясь на данных общероссийского опроса населения, проживающего в различных городских населенных пунктах (от мегаполисов до поселков городского типа), отмечает, что гипотетическая готовность участия в публичных слушаниях по вопросам размещения объектов строительства превышает количество реально участвовавших в подобных мероприятиях граждан более чем в 7 раз (50% против 7%). При 42% выразивших готовность вступить в инициативные группы по сбору подписей «за» либо «против» какой-либо новации, изменения только 7% имели реальный опыт такого участия. При 34% готовых принять участие в работе представительного органа муниципального образования только 4% уже принимали участие. Наименьший же разрыв между потенциальным и реальным участием проявляется на уровне непосредственного места жительства – это деятельность по благоустройству двора (причем 49% уже принимавших участие против 33% готовых к такой активности), собрания собственников жилья многоквартирного дома, членов ТСЖ и т.д. (26% уже участвовавших против 38% готовых участвовать) [14, с. 69].

Таким образом, наблюдается весьма противоречивая картина в плане соответствия существующего интереса населения к происходящим на локальном уровне событиям, потенциальной готовности участвовать в местном самоуправлении реальному проявлению гражданского активизма. Значительный отрыв намерений от реальной вовлеченности населения в решение вопросов местного самоуправления связан с комплексом причин, взаимно интерферирующих друг с другом. Среди наиболее распространенных причин, выявленных в ходе обще-

российских и локальных опросов населения, традиционно выделяются такие причины, как невысокий уровень доверия к местной власти и столь же невысокая оценка эффективности ее деятельности; низкий уровень информированности о возможных формах участия; низкая оценка собственных возможностей повлиять на принимаемые решения; слабая заинтересованность самой муниципальной власти в вовлечении граждан либо формализм в такого рода вовлечениях (их имитационный характер) [15; 16; 17, с. 65; 18, с. 137; 19; 20, с. 27].

Ряд исследователей акцентирует внимание на несовпадении позиций представителей власти и населения в оценке причин, препятствующих их эффективному взаимодействию [15, с. 24; 18; 19, с. 62–63]. В целом несовпадение этих позиций может быть охарактеризовано через модус взаимных «обвинений». Жители в большей степени видят препятствия в незаинтересованности, нежелании местных властей в сотрудничестве. Тогда как представители местной власти основные проблемы взаимодействия связывают с социально-психологическими установками жителей – иждивенчество, ориентация на готовые решения (на организацию извне, а не на самоорганизацию), безразличие к общим делам, индивидуализм и пр. Вместе с тем и те, и другие, помимо разнонаправленных мнений, имеют и точки «пересечения» в оценке отдельных причин – демотиваторов участия населения в процессах городского управления. Среди них – неверие населения в возможность оказывать влияние на принимаемые решения; недостаток знаний, некомпетентность, слабая информированность о возможных вариантах участия; недостаток времени, занятость личными проблемами.

Определенный «разрыв» между властью и населением в оценке барьеров для эффективного сотрудничества не в последнюю очередь выступает фактором укоренения имитационных «отчетных» практик взаимодействия, не удовлетворяющих общественным ожиданиям и в конечном итоге еще более увеличивающих уровень отчуждения жителей от местной власти. Как справедливо подчеркивает О.А. Уржа, повышению конструктивной активности населения способствует работающая обратная связь – когда значительная часть вопросов городского развития, поднимаемых населением, решается или по крайней мере не остается без внимания (официального ответа) [21, с. 16]. В свою очередь, игнорирование властями «низовых» инициатив, принятие ключевых для города решений вопреки мнениям жителей демотивирует их в плане дальнейшего проявления гражданской

активности [21, с. 22]. Тогда как результативные практики самоорганизации, отмечает К.А. Антипов, способствуют дальнейшему развитию гражданских инициатив местных сообществ, становятся необходимым информационным и организационным ресурсом для последующих активистских проектов и коллективных действий [22, с. 30].

Несмотря на комплекс проблем и барьеров для выстраивания эффективных моделей социального партнерства городской власти и населения, тем не менее в последние несколько лет происходят положительные изменения, связанные именно с фактором активизации гражданского общества. Наиболее очевидные свидетельства таких изменений – рост доли горожан, выражающих желание и готовность участвовать в решении вопросов местного самоуправления; рост социальной активности среди молодежи; консолидация граждан не только в виртуальном пространстве, но и выход образовавшихся интернет-сообществ в реальное пространство; консолидация сообществ на уровне микрорайона, улицы, двора, многоквартирного дома; активизация протестной активности по защите территорий от нежелательной застройки, реконструкции или сноса объектов.

Весьма характерная тенденция трансформации гражданской активности, проявляющаяся в переориентации населения с формальных, закрепленных на законодательном уровне способов участия в городском самоуправлении на менее формальные активистские практики (например, краудфандинг, сетевые районные сообщества, DIY-инициативы) [23; 24], является своеобразным компенсаторным «ответом» на слабость формальных институтов и их неспособность интегрировать горожан с высокими мобилизационными ресурсами. На основе аналитического обзора работ, посвященных российскому локальному активизму, А.А. Желнина и Е.В. Тыканова заключают, что неформальные активистские практики в современной России развиваются с высокой степенью интенсивности, «обгоняя» традиционные формы гражданского участия. Вместе с тем активное гражданское вовлечение «гасится» отсутствием полноценных интерактивных арен для «состыковки» формальных и неформальных гражданских инфраструктур [23, с. 177–178].

В свою очередь, В.В. Петухов, отмечая наметившуюся с 2016–2017 гг. тенденцию возрастания потенциала гражданского участия, подчеркивает, что значимость такого участия в текущем периоде определяется не его массовым характером, а способностью активных граждан

«производить» новые практики общественного участия в условиях кризиса доверия институтам власти и представительной демократии [25, с. 3]. В современной России «живое творчество» населения развивается не как производная от совершенствования публичных институтов, но, наоборот, как следствие блокировки легальными институтами возможностей социального и политического активизма [25, с. 4].

Важной особенностью нового гражданского активизма становится снижение его политически ориентированного компонента в силу закрытости, контролируемости и рискованности данного пространства участия. Д. Волков и А. Колесников, анализируя процессы самоорганизации гражданского общества в крупнейшем мегаполисе страны – Москве, выделяют в связи с этим еще одну характерную особенность: городской гражданский активизм развивается в условиях осознания невозможности принципиально изменить политический порядок в стране (или хотя бы сменить градоначальника демократическим путем), поэтому действия городских активистов становятся все более прагматичными и реалистичными, адаптированными к правилам игры, не требующими невозможного. Освоенные практические навыки в отстаивании своего права на город (сбор подписей, подготовка петиций и жалоб, «подключение» депутатов разных уровней, быстрая мобилизация горожан до официального принятия решений) реализуются не в целях принципиального изменения институциональной матрицы, а преимущественно в целях восстановления справедливости на уровне конкретных ситуаций городской повседневности. Прагматизм городского гражданского активизма проявляется не только в поиске наиболее действенных средств влияния на власть в каждой конкретной ситуации, но и в выборе максимально благоприятных моментов (как, например, грядущие выборы, обостряющие чувствительность власти к запросам населения) для мобилизации ресурсов и выдвижения требований [26, с. 7].

Таким образом, основываясь на данных социологических исследований последних лет, мы приходим к выводу о довольно значительном, но пока не реализованном в полной мере потенциале гражданской активности. Усиление курса на «централизацию», нестабильность законодательной базы, с одной стороны, являются очевидными препятствиями для развития гражданского активизма, но, с другой стороны, не соответствующие общественным запросам процессы «сжимания» местного самоуправления «сверху» стимулируют его развитие «снизу» – со стороны общества – через разнообразные

гражданские инициативы населения. Мы разделяем позицию Л.И. Никовской и И.А. Скалабан о том, что гражданский активизм в современной России имеет потенциал роста во многом благодаря тому, что основная социальная база его формирования – молодые, образованные, профессионально успешные, мобильные и «урбанизированные» группы населения [27, с. 54].

Логика становления нового городского активизма (преимущественно неполитического и внеинституционального) позволяет утверждать, что наиболее перспективным «полем» для превращения потенциальной активности населения в реальное участие выступает локальное территориальное пространство (район, микрорайон, улица проживания), в рамках которого формируется специфический «рисунок» городской среды – в том числе как результат усилий отдельных активистов и «солидаризации» местных сообществ. Проблемы, непосредственно связанные с качеством повседневной среды жизнедеятельности, воспринимаются населением сквозь призму высокой личностной значимости. В силу этого непосредственная среда обитания, на наш взгляд, выступает сегодня главной сферой приложения разного рода гражданских инициатив в пространстве «шаговой доступности» и обретения первоначального опыта самоорганизации, который впоследствии может стимулировать интерес к более масштабным и формализованным видам участия на общегородском уровне.

Фактор дифференциации структуры управления в мегаполисах, а именно наличие районных администраций, в данном случае «работает» на сокращение дистанции между властью и населением, стимулируя делиберативные процессы на уровне внутригородских микротерриторий. Образование внутри мегаполиса «микрокоалиций», включающих чиновников районных администраций, представителей некоммерческих и бизнес-организаций, а также групп общественности, в определенном смысле может выступить триггером для формирования общегородских режимов прогрессивной направленности, базирующихся на механизмах партиципации – соучастия местного сообщества в управлении развитием города.

Отталкиваясь от теоретического конструкта «городского режима» как кросс-секторального партнерства для производства социально значимых результатов в управлении городским развитием, мы полагаем, что применительно к мегаполису вполне правомочным будет введение дополнительного понятия – «микролокальный режим». В отличие от общегородского режима, в значительной степени детерминиремо-

го общенациональным вектором институциональной модернизации и имеющего выраженную политическую повестку, микролокальные режимы в большей степени ориентированы на повседневную, аполитичную повестку – решение вопросов обеспечения качества и комфортности среды жизнедеятельности на уровне внутригородских территорий. Данные режимы мы определяем как социальное партнерство (взаимодействие) администрации городских районов и широкого спектра организационных и индивидуальных акторов, непосредственно заинтересованных в развитии конкретных внутригородских территорий. Последнее обстоятельство, а именно прямая заинтересованность жителей и территориально «привязанных» коммерческих компаний, общественных организаций (ТОС, ТСЖ) и прочих НКО, на наш взгляд, является ключевым для трансформации потенциала гражданского общества в реальное участие – соуправление на микролокальном городском уровне.

Микролокальные режимы, безусловно, складываются либо не складываются в общем институциональном контексте управления мегаполисом, являясь отражением и продолжением общегородских целевых приоритетов. Вместе с тем данные режимы проявляют себя в широком диапазоне вариативности, зависящем от социально-исторических, пространственно-территориальных, культурных, экономических, инфраструктурных особенностей формирования и развития городских районов (микрорайонов), социально-демографических и ценностно-мотивационных характеристик резидентов, определяющих, в свою очередь, уровень и формы гражданского участия в решении вопросов развития внутригородских территорий. При этом на микролокальном уровне наиболее выражено проявляются эффекты социальной солидарности, интеграции резидентов в сообщества (образуемые как на базе инициативной деятельности по благоустройству среды обитания, так и по поводу отстаивания своих прав на определенное использование городского пространства), а также значительно расширяется репертуар неформальных активистских практик, в рамках которых горожане становятся полноправными субъектами конструирования социально значимых результатов в развитии внутригородских территорий.

Выводы

Российские современные реалии (общенациональный курс на укрепление вертикали власти; двойное «давление» на муниципалитеты со сто-

роны федеральной и региональной власти; постоянные изменения и противоречивость законодательства, создающего институционально-правовые барьеры для реализации местного самоуправления) формируют специфический контекст для становления и развития городских режимов. Российские локальные режимы не отличаются устойчивостью, стабильностью и автономностью, они в значительной степени зависят от административно-политического контроля со стороны вышестоящих структур власти, нежели от внутренней конкуренции между участниками городской «авансцены». «Производство» значимых для городского развития результатов находится в прямой зависимости от привлечения внешних средств (из федерального и регионального бюджетов), что ограничивает финансовую и административно-политическую состоятельность/самостоятельность местной власти.

Одним из существенных факторов, сохраняющим перспективы вариативности и относительной независимости городских режимов, выступает включенность местных сообществ в процессы соуправления городским развитием, проявляющаяся в различных формах гражданского активизма как определенного компенсаторного ответа на «урезание» местной автономии со стороны федерального центра и слабую способность муниципальной власти противостоять этому давлению.

Рост потенциала гражданского участия (подтверждаемый результатами общероссийских исследований последних 5–7 лет), особенно среди молодых россиян, отражает «живое» противоречие между усилением централизации и актуализацией общественного запроса на повышение эффективности муниципального управления, в том числе путем расширения возможностей участия гражданского общества в процессах соуправления городским развитием. Наиболее высокий уровень соответствия потенциальной готовности населения участвовать в местном самоуправлении реальному проявлению гражданского активизма наблюдается на уровне микролокального пространства мегаполиса.

Территориальный масштаб и дифференциация уровней управления в мегаполисах, наряду с активизацией формальных и неформальных практик участия резидентов в развитии своих территорий, позволяют рассматривать мегаполис не только в проекции единого общегородского режима, но и в проекции множественности внутригородских микролокальных режимов. Введенное нами понятие микролокального режима (как взаимодействия районных администраций с организационными и индивидуальными акторами-резидентами, а также взаимо-

действия последних друг с другом), с одной стороны, основывается на общих конституирующих признаках городского режима, но, с другой стороны, раскрывается через специфические, характерные только для него атрибутивные признаки. Микролокальные режимы, в отличие от общегородского, проявляют себя как режимы:

- аполитичного типа, ориентированные преимущественно на повседневную повестку – обеспечение качества среды жизнедеятельности внутригородских территорий;

- с широким диапазоном вариативности, зависящим от характерных особенностей конкретных районов и их резидентов;

- с высоким уровнем вовлечения населения и развертыванием делиберативных процессов, субъектности, социальной солидарности и интеграции резидентов в сообщества, а также интенсивным развитием неформальных активистских практик.

Микролокальные режимы, представляющие собой не имитационно-отчетные модели взаимодействия муниципальной власти и населения, а реальные практики самоорганизации и образования коалиционных сообществ по поводу улучшения непосредственной среды жизнедеятельности, на наш взгляд, могут стимулировать развитие общегородских режимов прогрессивной направленности.

Статья подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ РФ (НШ-2722.2020.6).

Список литературы

1. Davies J.S., Imbroscio D.L. Introduction: urban politics in the twenty-first century // *Theories of Urban Politics*. Second edition / Ed. by Jonathan S. Davies and David L. Imbroscio. London: Sage, 2009. P. 1–15.
2. Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.
3. Ледяев В.Г. Опыт изучения власти в городских сообществах: российская проекция // *Власть и элиты*. 2015. Т. 2. С. 301–325.
4. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское пространство // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. № 2. С. 241–256.
5. Гельман В.Я., Рыженков С.И. Локальные режимы, городское управление и «Вертикаль власти» в современной России // *Политическая экспертиза*. 2010. Т. 6. № 4. С. 130–151.
6. Пустовойт Ю.А. Городские политические режимы: координация внутриэлитного взаимодействия в крупных индустриальных городах // *Государствен-*

ное управление. Электронный вестник. 2014. Вып. 46. С. 85–106.

7. Stone C.N. Regime politics: Governing Atlanta, 1946–1988. Lawrence: University Press of Kansas, 1989. 314 p.

8. Шкель С., Бедерсон В., Семенов А., Шевцова И. Вертикальный предел: централизация и эффективность управления в городах России // Социологическое обозрение. 2019. №4. С. 74–106.

9. Федеральный закон от 27.05.2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38501/page/1> (дата обращения: 25.11.2020).

10. Мнение екатеринбуржцев об актуальных темах городской новостной повестки. 25 июля – 3 августа 2020 // Сайт Фонда «Социум». URL: <https://fso.cium.com/omnibus-june/> (дата обращения: 25.11.2020).

11. Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11–19.

12. Гражданская активность и общественные проблемы. Исследование «Левада-Центра», 27 апреля 2020 года. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/27/grazhdanskaya-aktivnost-i-obshchestvennye-problemy/> (дата обращения: 25.11.2020).

13. Волков Д., Гончаров С., Снеговая М. Гражданский активизм российской молодежи. Аналитический отчет / Левада-Центр. URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/10/Youth_RU-publikatsiya-blank.pdf (дата обращения: 25.11.2020).

14. Петухов Р.В. Локальные сообщества и гражданский активизм // Мониторинг общественного мнения. 2014. № 4 (122). С. 60–71.

15. Яхина Ю.Х., Грипп Э.Х. Роль местного самоуправления в развитии гражданского общества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2014. № 1. С. 19–25.

16. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В. Гражданское участие населения как фактор развития местного

самоуправления в российских муниципальных образованиях // Власть. 2014. № 1. С. 90–94.

17. Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.

18. Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 4. С. 128–140.

19. Фролова Е.В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 59–64.

20. Васильева Е.И., Гусельникова О.Ю. Проблемы развития местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 4 (25). С. 26–32.

21. Уржа О.А. Социальная активность населения муниципальных образований: факторы и условия // Социальная политика и социология. 2013. № 2. Т. 1. С. 7–22.

22. Антипов К.А. Социальный потенциал самоорганизации местных сообществ // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2015. № 2. С. 22–31.

23. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. 162–192.

24. Королева М.Н., Чернова М.А. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 93–101.

25. Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. Т. 45. № 12. С. 3–14.

26. Волков Д., Колесников А. Самоорганизация гражданского общества в Москве. Мотивы, возможности и пределы политизации. М.: Московский Центр Карнеги, 2016. 40 с.

27. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. 2017. № 6. С. 43–60.

POSSIBILITIES FOR IMPLEMENTING A CO-GOVERNANCE MODEL IN RUSSIAN MEGAPOLISES: THE NEW CIVIC ACTIVISM AND MICROLOCAL URBAN REGIMES

O.V. Notman

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

In megapolises, as super-large and complexly organized socio-territorial systems, the possibilities of forming various interactions between authorities and civic society are most clearly manifested. The concept of urban regimes is used as a theoretical framework for studying a model of co-management in Russian megapolises. The theory of urban regimes allows us to examine co-management through the prism of coalition interaction of a wide range of actors and institutions. The empirical base was the data of all-Russian studies of civic activism developing in conditions of strengthening the vertical of power and institutional barriers to the implementation of local self-management. The following characteristic features of the new urban activism are highlighted: a decrease in its political orientation, an increase in the significance and expansion of the repertoire of informal activist practices, pragmatism, an orientation towards solving problems of urban everyday life. The author concludes that the most promising, realistic «field» for transforming the potential activity of the local community into real participation is the micro-local territorial space of the megalopolis. The article proposes a new concept «microlocal regime». This regime is the interaction of district

administrations with organizational and individual resident actors, as well as the interaction of the latter with each other, focused mainly on ensuring the quality of the living environment. The multiplicity and diversity of microlocal regimes within a megapolis are determined by the effects of a territorial scale and differentiation of levels of management, as well as by the characteristics of urban districts and their residents.

Keywords: megapolis, co-governance, urban regime, civic activism, microlocal regime.

УДК 316.1

DOI 10.52452/18115942_2021_2_95

СОЦИОЛОГИЯ ДЛЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ИЛИ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ДЛЯ СОЦИОЛОГИИ?

© 2021 г.

Н.А. Вялых

Вялых Никита Андреевич, к.соц.н.; доцент кафедры теоретической социологии
и методологии региональных исследований
Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
sociology4.1@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 04.02.2021**Статья принята к публикации 15.04.2021*

Рассматриваются преимущества и ограничения современной неклассической социологии в контексте кризиса социально-гуманитарного познания. Ключевая идея состоит в том, что привлечение внимания к методологическому потенциалу исследования повседневной жизни может способствовать увеличению коллективного капитала символической власти социологической науки в России и за рубежом. Основные сложности научного переосмысления категории повседневности связаны с методологической «многоквартирностью» современной социологической теории и плюрализмом общественно-политической жизни в цифровую эпоху. Социология повседневности претендует на реализацию не только познавательной и управленческой функций, но и идеологической, которая выражается в формировании духовно-нравственных и социальных ориентиров. В связи с этим в настоящий момент прослеживается тенденция методологической переориентации социологии в сторону смягчения исследовательского стиля и инструментария. Отмечается, что, несмотря на невидный прикладной потенциал, социологическое знание является интеллектуальной вакциной общества против социального регресса. Подчеркивается необходимость перманентного отстаивания научного статуса социологии с учетом российских и мировых теоретических дискуссий и социально-политических реалий.

Ключевые слова: социология, повседневность, общество, методология, социология повседневности.

Постановка научной проблемы

Исторически так сложилось, что социология — это наука, почти полностью зависимая от внешних обстоятельств. Поток общественных настроений и социальных катаклизмов задает вектор социологических исследований, порою игнорирующих внутреннюю логику развития социально-гуманитарного знания, у которого могут быть и свои «собственные» задачи (как в естественных и технических науках). Конъюнктурность познавательного интереса мирового социологического сообщества, да и самого автора этой статьи, ставшего в 2020 г. соисполнителем гранта РФФИ «Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества в сложной эпидемиологической ситуации», особенно отчетливо проявляется в период пандемии нового коронавируса. За непримечательно короткий срок появились сотни и даже тысячи научных публикаций по данной проблематике, хотя для всех очевидно, что изобретение лекарств и вакцин, равно как и управление общественным здоровьем, находится вне компетенции социологов. В то же время из-за пандемии происходит системная перестройка социально-стратификационной структуры общества, активизируются процессы интеграции и дифферен-

циации в институциональном поле здравоохранения, усиливаются риски депрофессионализации медицинских работников, поэтому социологи не могут и/или не должны закрывать на это глаза. Однако данная статья вовсе не об этом...

Приведенный выше пример иллюстрирует, как в условиях перманентной погони за актуальностью в практических исследованиях социологи несут бремя доказывания научной новизны и социальной значимости своих открытий. Несмотря на формальные атрибутивные признаки научности (паспорта научных специальностей, образовательные стандарты, профессиональные сообщества, академические структуры, эмпиризм, фундаментальность и пр.), социология, как и другие общественные науки, лишена аксиом и теорем. Данное обстоятельство неизбежно приводит к интеллектуальным самокопаниям, которые П. Бурдьё называл рефлексивной социологией [1].

Проект социальной физики О. Конта дал жизнь социологии и одновременно породил комплекс научной неполноценности социологов, продуцирующий дискуссии типа «социология — наука, но ...». Дело в том, что достаточно быстро стала понятной иллюзорность имплементации позитивистских установок в социально-гуманитарное познание. Этим обусловлено

оформление неклассической модели научной рациональности, ядром которой являются различные социологические и социально-философские направления, в фокусе которых находится повседневность (феноменология, герменевтика, этнометодология, социальная драматургия, символический интеракционизм, социалингвистика и др.).

Сегодня спектр отраслевых областей знания, выкристаллизованных в недрах неклассической социологии и качественной методологии познания, чрезвычайно разнообразен и экзотичен: социология автомобиля, социология космоса, социология профессий, социология любви и секса, социология вещей, социология танцев, социология смерти... И целого номера журнала может не хватить, чтобы перечислить и хотя бы обзорно охарактеризовать все отраслевые социологии, направления и поднаправления. С одной стороны, это благо, ибо каждый студент, преподаватель, исследователь, полстер, общественный деятель может самореализоваться в социологической науке, независимо от своего интеллектуального и образовательного бэкграунда. С другой стороны, ввиду методологической многоквартирности, граничащей с методологическим анархизмом и индивидуализмом, социологи теряют способность адекватно понимать не то что процессы в обществе, но и друг друга. Игразированные практики, стирающие связь между символами и реальностью, прочно обосновались не только в повседневности общества постмодерна [2, с. 152], но проникли и в саму социологию.

Если говорить об уже «признанных социологиях» (допустим, по критерию включенности в структуру исследовательских комитетов Российского общества социологов), то одной из самых неоднозначных и загадочных, в плане научности, остается социология повседневности. Цель статьи состоит в привлечении внимания социологического сообщества к особенностям трансформации социологического типа мышления и дискуссиям о роли социологии в системе общественных отношений. Ключевая же проблема нашего теоретико-социологического размышления обозначена в заглавии в форме вопроса: кто кому (или «что чему») больше нужен и должен: социология – повседневности или всё-таки повседневность – социологии? Статья строится на предположении о том, что в современном социально-гуманитарном знании происходит методологический поворот представлений о социологии как науке для общества к представлениям о социологии как науке для «самой себя», подчиняющей повседневность своим когнитивным интересам.

Обзор литературы

Объем работ, посвященных проблемам развития социологии как науки, направлениям и методологии социологии повседневности в России и за рубежом, исчислению не подлежит, так как научная конкуренция высока не только в сфере полевых социологических исследований, но и в среде «кабинетных» социологов. Обозначим смысловые блоки, составляющие основу наших умозаключений о триаде «социология – социология повседневности – общество».

Конечно, обсуждая функциональную роль социологии повседневности в обществе и в самой социологии (как бы странно это ни звучало), нельзя обойти вниманием заслуги корифеев этой области знания (А. Щюца, Г. Гарфинкеля, И. Гофмана, Э. Гуссерля, В. Дильтея и многих других), которые социологами в полном смысле этого слова и не были. Однако мы не будем истолковывать уже много раз пересказанное, а сконцентрируемся на современных диспутах, посвященных практическому применению социологии повседневности.

Идейно-теоретические основания дискуссий о «новой» методологии социологического познания, которая должна быть заточена под исследование различных сфер повседневной жизни, представлены в трудах ученых феноменологической ветви. Быть экзистенциально вовлеченным в процесс познания обыденного мира, как отмечает М. Натансон, значит противостоять самому себе и другим в диалоге, выходящем за рамки болтовни и разговора. Такой диалог требует слушания, превосходящего слух, и видения, которое никогда не является синонимом взгляда [3]. По мнению Р. Гратхофа, нигилизм современности сказывается на научном методе, радикальная формализация, математизация и социологизация которого приводит к «ликвидации» философии, т.е. к забвению истинного основания научного исследования жизненного мира [4, с. 15]. Кроме того, Р. Гратхоф акцентирует внимание на необходимости перехода от социологии социального действия, изучающей «серьезные» рациональные формы поведения, к социологии игры с соответствующим ей гибким инструментарием исследовательского поля, который дает возможность разрешения контекстуальных несоответствий структуры и способов повседневного взаимодействия [5].

Что касается конкретно-социологических исследований повседневности в российской науке, то их и много и мало одновременно. «Много» – в том плане, что большинство из них имеют мультидисциплинарный базис, когда социологические задачи решаются посредством

активного привлечения исторического, лингвистического, философского, искусствоведческого, политологического, экономического и других стилей мышления [6–11]. Не исключено, что установка на сближение с другими науками вызвана давнишними притязаниями социологии на символический трон «царицы» социальных наук, который всегда занимала социальная философия, снабжающая наиболее общими методологическими и мировоззренческими принципами конкретные области знания (социологию, психологию, юриспруденцию, политологию, экономику, регионоведение и пр.). Справедлива ли и обоснованна подобная экспансия – вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения, но именно повседневность как предмет социально-гуманитарных исследований делает социологию первой среди равных, учитывая ее теоретико-методологические традиции и достижения в области методики и техники сбора, анализа, обработки эмпирической информации.

Центральный корпус проанализированных нами источников касается метатеоретических проблем социологии: перспектив ее развития, сферы ответственности, точек напряженности. Особое внимание уделяется смыслоорганизующей роли социологических исследований в современной России в контексте неоднозначной истории социологии в советский и постсоветский периоды [12–15].

В современной научной периодике активно обсуждается методологическая переориентация, которая, по сути, редуцирует предметное поле социологии к повседневной жизни общества. Научному обоснованию эмоционализации и смягчения социологического инструментария посвящены работы Ж.Т. Тощенко [16, 17], А.А. Возьмителя [18, 19], В.С. Вахштайна [20, 21].

Важными для нас оказались и новые идеи в социологии повседневности с позиции ее предметно-дисциплинарных границ и прикладного значения для общества [22–27]. Данный блок теоретико-социологических исследований позволил оценить вектор трансформации социологии с учетом социальных изменений повседневной реальности в цифровую эпоху.

Результаты и их обсуждение

Автору, с момента старта научно-образовательной социологической деятельности, довелось преподавать социологию повседневности десять лет. Парадоксально, но с каждым годом эта дисциплина становится для нас все более трудноразрешимой головоломкой, к которой не то что учебное пособие, а внятную рабочую программу и тематический план раз-

работать не так просто. Основная причина кроется в неуловимом характере ее предмета: он как бы есть, но «присутствие» этого предмета номинально, поскольку зависит от ситуативных и локальных конвенций академического сообщества. В то же время сегодня можно говорить о сложившихся исследовательских традициях, методологическом инструментарии и устоявшемся категориальном аппарате социологии повседневности, которые разделяются большинством ученых безотносительно к членству в национальных и региональных научных школах.

Социология повседневности претендует на статус генерализованной модели социологического исследования, ибо исследования повседневности не ограничиваются только «низовым» (эмпирическим) уровнем познания [15, с. 43]. Концептуально, между общей социологией и социологией повседневности нет отличий, так как любой предмет эмпирического изучения вплетен в сеть наших рутинных взаимодействий и социальных отношений: от момента пробуждения до засыпания, от рождения и до самой кончины. В целом социология повседневности относится к уровню микросоциологии, хотя в современной российской науке предпринимаются успешные попытки анализа повседневности инструментарием макросоциологической диагностики, который открывает пространство для определения социальных настроений населения, содержания происходящих в обществе изменений, изучения адаптивных практик, предоставляющих жителям возможность встраиваться в динамичную социальную реальность и участвовать в конструировании макросоциальных процессов [23, 28, 29].

В.С. Вахштайн в качестве основного из парадоксов феноменологической интервенции в социологию называет «пересмотр самой повестки дня социологического исследования» [21, с. 8], который зачастую является способом легитимации использования качественных методов (нарративных интервью, неформализованных наблюдений, биографических описаний, интенсивного анализа текстов, социометрии). Ж.Т. Тощенко, характеризуя положение дел в современной социологической науке, отмечает, что социологические исследования направлены преимущественно на выявление, использование и учет количественно-качественных индикаторов жизненного мира – феноменов (четко регистрируемых явлений и процессов). Однако такой подход, по мнению ученого, влечет известные ограничения познания, прежде всего – понимания смысла жизни как ноумена, отсутствующего в опыте, но формируемого в ходе умпостигаемых рассуждений [16, с. 9].

Р.Х. Симонян приводит интересную метафору, говоря о смыслоориентирующей роли социологии: «Траектории движения планет не меняются в зависимости от прогресса астрономии, но уровень социологического знания существенно влияет на направление и скорость движения общества» [15, с. 49]. Данный посыл является ободряющим мотиватором к поиску инструментов социального диалога общества и сообщества социологов, но социальным может считаться только диалог «на равных» [30]. Следовательно, социологам следует отказаться от притязаний на капитал символической власти в формате «мы знаем об обществе больше, чем само общество знает о себе», поскольку сами исследователи, опирающиеся на подзабытые в социологии этнографические техники, сталкиваются с дилеммами участия в мире, который они изучают [31].

В связи с этим Ж.Т. Тощенко обосновывает прикладное значение социологической концепции жизни, в которой методологические проекции исследования повседневности сближаются с реальными практиками людей. Российский исследователь обозначает это сближение переходом от философии жизни к социологии жизни, к измерению конкретных аспектов повседневной действительности: проблем, ситуаций, всего того, что происходит в общественной и личной (приватной) жизни, взаимоотношений со средой, в которой работают и живут люди [17, с. 113]. Очевидно, что при подобном гуманистическом подходе социология служит интересам Человека (не претендуя при этом на зону влияния психологии), а не абстрактного общества и тем более своим собственным задачам, что можно наблюдать на примере интеллектуальных войн представителей социологии знания и социологии науки [32], которые по исследовательскому жанру и стилистике весьма близки к социологии повседневности.

Нельзя не согласиться с Ю.Г. Волковым, что российская социология до сих пор действует в парадигме публичного пространства, игнорируя смещение жизненной активности людей на «социальный микроуровень» в условиях ослабления социальных институтов, снижения институционального доверия, дефицита механизмов социальной самореализации и гражданской активности [22, с. 21–23]. Изменения в социальной структуре общества актуализируют научные диспуты прошлого. А.В. Курамшев и А.А. Широков, сравнивая историческое противостояние проектов социологии Э. Дюркгейма и Г. Тарда, обращают внимание на недооцененность в российской социологии концепции ассоциаций последнего как альтернативы статич-

ной солидаристской теории общества Э. Дюркгейма [25].

Социологическая метатеория достаточно оперативно реагирует на заполнение публичного пространства множеством частных пространств возобновлением дискуссий а-ля «общественное мнение не существует» [33, с. 272–286]. Действительно, в цифровую эпоху абсолютно каждый, начиная от ребенка и заканчивая руководителем государства, может завести аккаунты в различных сетевых порталах и начать производить мнение, разделяемое и тиражируемое фолловерами (последователями, подписчиками) и/или критикуемое хейтерами (принципиальными оппонентами). Так, в профессиональной деятельности зарубежных социологов и политтехнологов социальные сети уже давно стали альтернативой данным социологическим опросам, потому что они существенно расширяют диапазон символической репрезентации общественного мнения пользователей интернет-ресурсов [34–36].

На Западе социологическая наука на конкурентный вызов социально-сетевых платформ ответила трансформацией социологии повседневности (а быть может, и «всей» социологии) в цифровую социологию, сфокусированную на адаптации «канонических» концептуальных и методологических инструментов к анализу взаимодействия человека с новейшими технологиями. В настоящее время в цифровой социологии формируется и уже приобретает отчетливую самобытность ряд таких тематических направлений, как исследования труда, организаций, социального неравенства и мобильности, гражданской активности, миграции [26, 37].

Оценки самих социологов по поводу статуса и перспектив российской и мировой социологии противоречивы [14]. Все чаще высказываются мнения, формирующие дискурс кризиса [12, 13], об утрате социологией своей предметности, размывании дисциплинарных границ, засилье эмпирических научно-исследовательских практик, и синхронно во внешнюю среду постоянно транслируется (читай – лоббируется) идея о том, что ни бизнес, ни государство, ни социальные институты (экзистенциальный статус которых пошатнулся одновременно с научным статусом социологии), ни повседневность, ни семья, ни обыватель без социологии долго «не протянут».

По верному замечанию А.А. Возмителя, в настоящий момент назрела потребность в реконцептуализации социологического подхода в российской науке, подразумевающей переход от структурно-функциональной к субъектно-деятельностной динамической концепции обра-

за жизни, так как главная теоретико-методологическая проблема исследования повседневности сегодня – «как изучать то, чего нет в действительности, но что может и должно появиться в не слишком далеком будущем» [18, с. 55]. Подобную мысль в 1959 г. в книге «Социология воображения» высказал Р. Миллс. В «дорожной карте» новой социологии он призвал исследователей отойти от «высокой» теории и сосредоточить внимание на частных проблемах повседневной жизни людей. Кроме практической пользы, такой ракурс, требующий от ученых особого качества ума, способствует сохранению социологией своей независимости от корпораций и правительств [27].

Так или иначе, стремясь выйти за пределы частных социологических теорий, социология повседневности претендует на реализацию не только познавательной (описательной) и управленческой (социоинженерной) функций, но и идеологической, обнаруживающейся в моделировании социальной карты реальности. О.В. Аксенова, рассуждая о проблемах взаимодействия теории и практики в современной социологии, справедливо говорит, что «символизм, субъективность знания и влияние ученого на предмет исследования не означают, что реальность исчезла, общество непознаваемо, нет смысла подтверждать теорию практикой, а надо лишь изощренно интерпретировать его» [38, с. 20–21].

Различные модели социального поведения, стили жизни, идентичности, сталкиваясь друг с другом, образуют устойчивые сочетания конкретных типов повседневной жизнедеятельности, эмпирическая фиксация которых, не принципиально какими методами, позволяет составить представление о реальном образе жизни общества в целом [19, с. 57]. К тому же нельзя недооценивать социально-оздоровительный потенциал социологического знания для российского общества, если мы признаем его социокультурную травмированность [24]. Однако в нашей стране вместе с обществом оказалась травмированной и социология.

Выводы

Интеллектуальная догматичность приверженцев классики социологии, никогда не выходящей из когнитивной моды, и свободный поток авангардного постмодерна ставят теоретиков и эмпириков неклассической социологии в маргинальное положение. Такая многоликость современной социологии формирует ее невротический портрет. Уже в самой формулировке вопроса: «Социология для повседневности или повседневность для социологии?» – заложено

противоречие. Оно выражается в том, что социология уж точно обладает субъектностью как свойством сознательного воздействия на окружающую реальность и даже ее преобразования (пусть и в разной степени, в зависимости от региона, исторического контекста, ресурса символической власти и сферы применения), а повседневность – едва ли. Более того, повседневность – это в какой-то степени результат целерационального познавательного интереса и социального моделирования социологов, так как повседневные взаимодействия проблематизируются, как правило, мозговым штурмом ученых, но никак не сами по себе.

В подобной теоретической конструкции (в которой повседневность не рефлексировалась, а была возможна только рефлексия повседневности) мы жили до четвертой технологической революции. Как отмечает В.С. Вахштайн, материальные объекты современной повседневности конституируют взаимодействие людей, «сцепляя» и «расцепляя» разные порядки интеракций в пространственно-временном континууме [20, с. 8–9]. В современных условиях материальные предметы номинируют повседневность, выступая в некотором роде условным субъектом взаимодействия, чего тот же М. Вебер, будучи пионером неоклассического этапа в социологии, даже не мог допустить [39]. Поэтому представление о том, что социологи изучают повседневность, является в какой-то степени иллюзорным. Нам остается лишь смирить гордыню и признать, что скорее повседневность, подчиняя социологов, исследует саму себя, самонаблюдает и самоописывает, если использовать аутопоietическую терминологию Н. Лумана.

Высказанные в статье критические суждения мы рассматриваем как импульс к переоценке ценностей и ресурсных возможностей социологической науки, а не «еще один кирпич в стене» аргументов ее практической квазипользости, как может показаться при первом приближении. В конечном итоге, все эти публичные дискуссии в «социологии социологии о судьбах социологии» буквально спиливают сук, на котором все мы сидим, ведь трудимся мы, проводя исследования по грантам и опросы общественного мнения, взаимодействуя со студентами, либо занимаясь социально-управленческой и общественно-политической деятельностью, не безвозмездно.

Обыкновенно гипотезы ставятся для того, чтобы их подтверждать. Наше предположение о трансформации социологии в науку для «самой себя» подтверждается лишь частично, потому что социальный институт функционирует до тех пор, пока в нем нуждается общество. Если бы

социология как ячейка социального института образования и науки совсем не решала проблемы повседневной жизни, то вряд ли выделялись бы контрольные цифры приема в бакалавриат (магистратуру/аспирантуру), не действовала бы система аттестации научно-преподавательского корпуса, не было бы прямого и опосредованного (грантового) финансирования фундаментальных и прикладных социологических разработок, наконец, не санкционировались бы региональными администрациями масштабные съезды и конференции (например, Всероссийский социологический конгресс).

В данный момент можно судить о симбиозе социологии и повседневности. Без рефлексии повседневности с имманентной ей серостью, обыденностью, рутинностью социология лишится своего предмета, потому что, во-первых, она изучает типические конструкты (чистые формы социации, по Г. Зиммелю [40]), а не уникальные процессы и явления, а во-вторых, и это главное, новая цифровая социальная реальность с ее идейно-теоретическим плюрализмом элиминировала возможность исследовать «общество в целом» как единую социальную систему. Повседневность, в свою очередь, зависит от профессиональных компетенций социологов интерпретировать, объяснять и систематизировать хаотичные, на первый взгляд, социальные практики, превращая их в количественно и качественно промеряемые модели (паттерны) социального поведения. Подобно психотерапевту, помогающему посредством своей собственной психики справиться клиенту (пациенту) с жизненными трудностями, осознав свои истинные потребности и мотивы, социология помогает человеку, пусть и незаметно, окольными путями, соотносить личные представления, ценности, установки с ментальными программами значимых для него социальных групп и общностей.

Более чем двадцатилетний запрет на ведение какой-либо социологической деятельности в СССР сам по себе никакой трагедии не принес, но один из самых сложных периодов в истории России XX в. приходится именно на 30–40-е гг. Совпадение? Если смоделировать ситуацию свертывания (в «мягком» варианте – без репрессий и гонений, а посредством прекращения государственного финансирования и символического позитивного подкрепления) социологических исследований, преподавания социологии будущим социологам и не социологам (что, кстати, уже происходит в связи с устранением социологии из обязательной части образовательных стандартов ряда академических направлений), то в краткосрочной перспективе никакой катастрофы не произойдет. Возможно,

даже высвободится солидный объем средств, направив которые на приоритетные для государства отрасли развития науки и техники можно будет модернизационно «догнать» передовые страны Запада и Востока. Но еще Б. Брехт устами своего Галилея в специально дописанном после сброса атомной бомбы на Хиросиму и Нагасаки монологе предупреждал ученых, что накопление знаний ради самих знаний сделает науку калеккой, а новые машины принесут только новые тяготы [41, с. 183]. В глобальном отношении социологическое мышление является для общества вакциной от социального псевдоаутизма, а перед студентами социология открывает уникальный мир инсайтов самопознания и саморазвития, без которых просто немыслима парадигма непрерывного образования.

Список литературы

1. Bourdieu P., Waquant L.J.D. An Invitation to reflexive sociology. Blackwell: Polity Press, 1992. 348 p.
2. Кравченко С.А. Игровая социология общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) // *Общественные науки и современность*. 2002. № 6. С. 143–155.
3. Natanson M. Literature, philosophy, and the social sciences. Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1962. 238 p.
4. Grathoff R. Philosophers in Exile: The correspondence of Alfred Schutz and Aron Gurwitsch, 1939–1959. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1989. 380 p.
5. Grathoff R. The structure of social inconsistencies: A contribution to a unified theory of play, game, and social action. Hague: Springer Netherlands, 1970. 186 p.
6. Антонова Н.Л., Меренков А.В. Тело как проект: практики конструирования // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2019. № 2. С. 8–20.
7. Дискин И.Е. Крах и рождение института из взрыва повседневности // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 5 (159). С. 629–648.
8. Дунаева М.Б. Гастрономический дискурс в культурных практиках повседневности // *Наука. Искусство. Культура*. 2019. № 1 (21). С. 143–150.
9. Макаров Е.С. Социологическая концептуализация электронных денег: сложности и перспективы // *Знание. Понимание. Умение*. 2020. № 2. С. 214–224.
10. Минаев Е.А., Гнисюк Н.А. Музыка в повседневности // *Культурное наследие России*. 2019. № 1. С. 9–14.
11. Сыродеева А.А. Ускользающая повседневность // *Vox. Философский журнал*. 2018. № 25. С. 146–158.
12. Романовский Н.В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // *Социологические исследования*. 2016. № 4. С. 3–12.

13. Романовский Н.В. Метатеоретизирование в социологии: дискурс и прогноз // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 127–135.
14. Покровский Н.Е., Симонова О.А., Матвеева Е.В. Социология и общество в XXI веке: кризисы и образы будущего (круглый стол) // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 50–59.
15. Симонян Р.Х. Общество без социологии или социологи без общества // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 41–51.
16. Тощенко Ж.Т. От феномена к номену: опыт методологического и методического поиска // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 3–14.
17. Тощенко Ж.Т. От философии жизни к социологии жизни // Философские науки. 2015. № 5. С. 104–118.
18. Возьмитель А.А. Реконцептуализация социологического подхода к изучению образа жизни // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 4 (48). С. 55–64.
19. Возьмитель А.А. Повседневность и ее целостный социологический анализ // Материалы X Международной социологической Грушинской конференции «Жить в России. Жить в мире. Социология повседневности» / Отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 56–59.
20. Вахштайн В.С. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. Т. 27. № 2 (117). С. 1–48.
21. Вахштайн В.С. Курьезы и парадоксы феноменологической интервенции // Социология власти. 2014. № 1. С. 5–9.
22. Волков Ю.Г. Приватное пространство: опыт социологической рефлексии солидаристского потенциала новой социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 20–29.
23. Волков Ю.Г. Социология для общества // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 34–42.
24. Кравченко С.А. Социологические теории травмы: дискурс в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 60–69.
25. Курамшев А.В., Широков А.А. Социология социального и ассоциаций: Эмиль Дюркгейм и Габриель Тард об изменениях в обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 131–138.
26. Fussey P., Roth S. Digitizing sociology: continuity and change in the Internet era // Sociology. 2020. № 54 (4). P. 659–674.
27. Puga I., Easthope R. An analysis of C. Wright Mills's the sociological imagination. London: Macat Library, 2017. 106 p.
28. Горшков М.К. Российская повседневность в условиях кризиса // Президентский контроль. Информационный бюллетень / Издание Администрации Президента Российской Федерации. 2010. № 1. URL: https://www.isras.ru/files/File/Publication/Prez_kontr_1_2010_Gorshkov.pdf (дата обращения: 1.02.2021).
29. Волков Ю.Г., Бинеева Н.К., Посухова О.Ю., Сериков А.В. Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 71–95.
30. Курбатов В.И. Социальный диалог: концептуальный анализ // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 103–112.
31. Burawoy M. Revisits: An outline of a theory of reflexive ethnography // American Sociological Review. 2003. № 68 (5). P. 645–679.
32. Вахштайн В.С. Революция и реакция: об истоках объектно-ориентированной социологии // Логос. 2017. Т. 27. № 1 (116). С. 41–84.
33. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
34. Edgerly S., Thorson K. Political communication and public opinion innovative research for the digital age // Public Opinion Quarterly. 2020. Vol. 84. P. 189–194.
35. McGregor S.C. «Taking the temperature of the room». How political campaigns use social media to understand and represent public opinion // Public Opinion Quarterly. 2020. Vol. 84. P. 236–256.
36. Roca-Cuberes C., Young A. Vox populi? Trump's Twitter page as public forum // Social Sciences. 2020. Vol. 9. No. 12. P. 1–13.
37. Reed D.J. Dancing with Data: Introducing a creative interactional metaphor // Sociological Research Online. 2019. № 25 (4). P. 533–548.
38. Аксенова О.В. Практическая социология: трудности концептуализации и спонтанная междисциплинарность // Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 10. С. 13–23.
39. Мальцев К.Г., Зайцева Е.А. К вопросу о статусе и интерпретации решения в онтологиях «социального порядка» (трансцендентализм М. Вебера и децизионизм К. Шмитта). Часть 1. Трансцендентализм М. Вебера // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 83–90.
40. Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Сост. С.Я. Левит. М.; СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с.
41. Брехт Б. Жизнь Галилея. М.: Художественная литература, 1988. 206 с.

SOCIOLOGY FOR EVERYDAY LIFE OR EVERYDAY LIFE FOR SOCIOLOGY?

N.A. Vyalykh

Institute of Sociology and Regional Studies at Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article discusses advantages and limitations of modern non-classical sociology in the context of socio-humanitarian knowledge crisis. The key idea of the paper is that attention to methodological potential of everyday life

research may help increase the collective capital of the symbolic power of sociological science in Russia and abroad. Main difficulties to scientific reconceptualization of everyday life category are related to methodological «multifamily» in modern sociological theory and pluralism of socio-political life in digital era. The author believes that sociology of everyday life claims to fulfill not only cognitive and managerial functions, but also an ideological one, which is expressed in the formation of moral and social guidelines. At this point there is a tendency to methodological turnaround to softening of the research style and toolkit in sociology today. It is shown that sociological knowledge is the intellectual vaccine of society against social regression despite its implicit application potential. In conclusion, in the light of actual theoretical disputes and taking into account Russian and global socio-political conditions, the constant need to defend the scientific status of sociology is emphasized.

Keywords: sociology, everyday life, society, methodology, sociology of everyday life.

УДК 316: 303.62: 165.4
DOI 10.52452/18115942_2021_2_103

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ О РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

© 2021 г.

М.В. Кильдеев

Кильдеев Мансур Вилевич, к.соц.н.;
директор Ассоциации «Союз исследователей современного общества», Казань
makhmud_e@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 15.12.2020

Статья принята к публикации 30.04.2021

Настоящая работа – часть проекта исторической реконструкции региональной социологии религии. Важной частью этой реконструкции является понимание достоинств и недостатков применяемых методик и методологии. В качестве источников статьи использованы социологическая литература и архивные социологические документы.

Практика социологического изучения религиозности особенно показательна, поскольку она затрагивала глубокие противоречия советского общества, и, следует констатировать, советские социологи оказались не готовы к ее решению. Показано, каким образом социологи получали репрезентативные, методически аккуратные, но недостоверные обобщенные сведения, из которых систематически складывалась искаженная картина религиозной жизни страны. Рассмотрены факторы, которые приводили к искажениям: «фактор интервьюера», абсентеизм и неискренность респондентов. Эти проблемы советскими авторами диагностировались, но в качестве фактора искажения или контаминации данных никогда не рассматривались.

Ключевые слова: религиозность, достоверность социологической информации, неискренность респондентов, фактор интервьюера, абсентеизм.

Постановка научной проблемы

Советской социологией религии были накоплены огромные массивы данных, полученные на различных объектах, однако методы оценки качества (надежности, достоверности) этих данных отставали. Вопрос, насколько можно доверять полученным данным, до сих пор остается открытым. С одной стороны, нет оснований ставить под сомнение методологическую подготовленность исследователей. Социологи успешно решали вопросы выборочного метода, репрезентативности, создания инструментария, подготовки первичных данных к обработке на ЭВМ и т.д. С другой стороны, имеются сомнения относительно достоверности получаемых результатов.

Проблему достоверности и надежности данных мы рассматриваем на таком интересном социологическом явлении, как резкий рост доли верующих в населении в последний период существования СССР, который продолжался некоторое время и после его распада.

Методология

В качестве методологической основы нашего исследования выбраны классические труды по методологии конкретно-социологических исследований, изданные в советские времена

[1–6]. Заданные их авторами подходы и методологические стандарты могут считаться образцами для эмпирической социологии рассматриваемого периода и использованы для сравнения, с точки зрения отклонения от эталона. Особое значение имеет работа В. Паниотто, в которой выстраивается система понятий, которыми описывается качество социологической информации: надежность, достоверность, валидность, обоснованность [3].

Результаты исследования

В середине 1960-х гг. самые первые, а затем и все последующие социологические опросы в республиках и областях Среднего Поволжья показывали ничтожно малый процент верующих среди молодежи, высокообразованных людей и квалифицированных специалистов. Согласно итогам исследования в Казани (1966), 80% верующих – это лица с начальным образованием или малограмотные. В возрастной группе 18–23-летних в абсолютном выражении нашлось всего 5 верующих на 428 неверующих. Среди 24–29-летних – 25 верующих на 802 неверующих, среди 30–35-летних – 25 на 629, и т.д. [7, л. 263–264].

Социологами подчеркивался низкий социально-профессиональный статус верующих [7, л. 265], поскольку утвердительный ответ давали

в основном пенсионеры, домохозяйки и неквалифицированные работники. Пользуясь такими цифрами, авторы с легкостью устанавливали причинно-следственную связь между религиозностью с одной стороны и возрастом и уровнем образования респондентов – с другой. Создаваемая ими картина представляла религию как удел невежественных стариков. Опираясь на эти данные, делали далеко идущие выводы об «отмирании» религии в социалистическом обществе [8, л. 212].

Социологический портрет полностью свободных от религиозного влияния «строителей коммунизма» начинает быстро меняться после 1985 г. По данным опроса, проведенного Институтом научного атеизма среди татарской части населения Казани (1987), среди татарской молодежи верующих оказалось около 15%. 12% опрошенных инженеров и служащих-татар оказались верующими, хотя всего двумя десятилетиями ранее в подвыборке верующих татар не нашлось ни одного лица с образованием выше среднеспециального [9, л. 7].

Еще одно исследование в Казани было проведено в 1989 г. горкомом КПСС среди трудящихся города (независимо от национальности). В возрастной категории 18–25 лет верующих уже 14.3%, среди 25–35-летних – 8.6%. В двух старших категориях, некоторые из которых теоретически могли быть опрошены 23 года назад, среди 35–45-летних оказалось 17% верующих, а среди тех, кто старше 45 лет, – 26.2% [10, л. 47].

Еще более впечатляющими оказались некоторые результаты исследования татарского населения отдаленного Октябрьского района ТАССР. Это исследование было проведено в апреле 1988 г. московскими учеными из Института научного атеизма. Параллельно был проведен экспертный опрос коммунистов из числа партийно-хозяйственного и идеологического актива района. 12.2% опрошенных жителей сообщили, что посещают мечеть, 43.5% – что верят в Аллаха. Совершенно невероятным показался бы еще недавно тот факт, что среди коммунистов процент верующих составил 19.5%, среди комсомольцев – 29.5% [11, л. 58].

Попробуем установить, связаны ли статистические факты, зафиксированные в 1987–1989 гг., с определенным социальным сдвигом, с неточностью измерений, нерепрезентативностью выборочной совокупности или с намеренным искажением результатов.

Закономерно возникает подозрение, что социологические данные в брежневские времена «подгонялись» под запросы заказчика, то есть сами социологи преуменьшали величину верующих в некоторых категориях. Такую точку

зрения высказывал чебоксарский исследователь Л.Ю. Браславский. По его мнению, результаты конкретно-социологических исследований выполняли идеологический заказ: подтвердить, что в условиях социалистического общества более высокая религиозность у населения, обособленного от производства и наиболее сохранившего национальные традиции, замешанные на религии [12, с. 83]. Другой автор, В. Вигилянский, обвиняет социологов в выполнении идеологического заказа и в намеренном занижении цифр [13, с. 156].

Зарубежные критики советской социологии религии, а конкретно У. Флетчер, замечая многочисленные методические изъяны эмпирических исследований и предвзятую интерпретацию данных, в целом не ставят под сомнение добросовестность исследователей [14]. Не подвергается ими сомнению и обоснованность методик (отечественные социологи изначально придерживались в целом правильной трактовки религиозности в ее связи с верой в бога). Дж. Панкхерст с некоторой долей осторожности допускает, что данным советских исследований следует доверять, поскольку они в конечном итоге были предназначены для того, чтобы лечь в основу управления и планирования в сфере конфессиональной политики, и поэтому должны быть по крайней мере точными (*accurate*) [15, р. 292]. Таким образом, у западных критиков не было причин подозревать советских социологов в фабрикации или фальсификации данных.

Если рассматривать изменения религиозности в возрастных категориях как тенденцию, тогда следует прийти к выводу, что сразу после 1985 г. происходит грандиозный приток верующих из числа ранее неверующей молодежи. С этим тезисом тоже трудно согласиться. Антирелигиозная направленность системы образования и воспитания сохраняется вплоть до отмены в марте 1990 г. 6-й статьи Конституции СССР и прекращения действия партийных постановлений о «научно-атеистическом воспитании». А конфессии еще не обладали достаточными образовательными, миссионерскими, катехизаторскими возможностями для расширения круга своих последователей.

Следующее «подозрение» падает на «фактор интервьюера». Для прояснения ситуации будет нелишним обратить внимание на то, кого привлекали исследователи в качестве интервьюеров и анкетеров. Начиная с самых первых опросов интервьюерами и анкетерами выступал примерно тот же контингент исполнителей, что участвовал в массовых атеистических кампаниях. Как известно, первые исследования в 1960-х гг.

проводились согласно планам об усилении научно-атеистического воспитания. Местные партийные организации были обязаны содействовать работе социологов, в частности обеспечивать транспортом и предоставлять в их распоряжение исполнителей для проведения опросов. В 1965 г. в Мензелинском районе ТАССР, в разгар «хрущевской» антирелигиозной кампании, опросом занимались ее «подрядчики» – комсомольские активисты, члены агитколлективов, работники культпросветучреждений [16, л. 6]. Не изменилась ситуация и в последующем. В 1971 г. в Краснооктябрьском районе Горьковской области к опросу населения привлечены более 50 человек татарской национальности из числа местных учителей, культпросветработников, активистов, находящихся в контакте с населением [17, с. 63]. В 1987 г. в исследовании в Арском районе были заняты активисты, учителя, врачи, работники культпросветучреждений, студенты вузов и техникумов [18, л. 1]. Респондентов трудно обмануть, и, разумеется, респонденты в ситуации опроса не могли воспринимать своих собеседников «как просто анкетеров», чья задача – выслушать и зафиксировать ответ.

В дальнейшем сам подход не менялся, поскольку он был продиктован порочной практикой ангажированных, максимально идеологизированных исследований. Роль социологов в отборе и подготовке исполнителей была минимальной, поэтому они не имели возможности контролировать качество процедуры, а в особенности сохранение конфиденциальности исследовательской информации. Как высказался по этой теме религиовед и социолог из США У. Флетчер, «неподготовленный интервьюер – вечное проклятие социологического исследования» [14, р. 186]. Абсолютно ничего неизвестно о том, чтобы социологи, эмпирически изучавшие вопросы религии и атеизма, пользовались методиками выявления ошибок интервьюеров.

На наш взгляд, изъяны в работе с интервьюерами – одно из больных мест всей советской эмпирической социологии. В СССР повсеместно интервьюеры привлекались под отдельные проекты и, как правило, без оплаты труда. Ситуация начала меняться только в 1988 г., с образованием Всесоюзного центра по изучению общественного мнения (г. Москва), при котором создана сеть оплачиваемых интервьюеров [4, кн. 1, с. 134].

Подход к подготовке массового исследования в советской социологии религии сильно отличался от западной практики. Отечественные социологи основное внимание уделяли подготовке и шлифовке инструментария [5], в

то время как в тогдашней западной социологии больше внимания уделялось организационным процедурам, в особенности отбору и подготовке исполнителей. В Алленсбахском институте демографии (ФРГ) интервьюеры отбирались путем собеседования и тестирования. Путем тренировки отрабатываются ситуации отбора респондента и самого интервью. Основными целями инструктажей и тренировок являются стандартизация ситуации опроса и минимизация личностного влияния интервьюеров на респондентов [1].

Восточноевропейские (болгарские и чешские) авторы не менее скрупулезно, чем их западные коллеги, подходили к проблеме доверия к исследователям. Вот что пишут авторы – участники социологического изучения религиозности. Э. Кадлецова (ЧССР): «Нужно было действовать очень осмотрительно, на каждом шагу и в связи с каждым мероприятием исследования заранее давать людям ряд новых гарантий в том, что наше исследование действительно служит лишь той цели, о которой мы информируем. Таким образом, нашим принципом было подходить к гражданам с полным доверием, но не требовать доверия с их стороны. Все участники исследования обязаны были соблюдать абсолютную тайну» [19, с. 245]. С. Михайлов (НРБ), рассуждая о вопросах сохранения тайны информации, сравнивает принцип конфиденциальности при социологическом опросе с тайной банковских вкладов и с врачебной тайной [20, с. 230]. Еще он предостерегает изучающих социологию от смешения научных и политических целей: «Абсолютно недопустимо делать служебные, организационные и политические выводы об исследуемом лице на основании сведений, собранных при эмпирическом социологическом исследовании» [20, с. 231].

К сожалению, похожих цитат из советской литературы, которые свидетельствовали бы о трепетном отношении советских авторов к мнению и к личным данным респондентов, мы привести не можем. Прочие этические вопросы взаимодействия с респондентами (принципы добровольного, информированного участия) в работах советских авторов тоже не поднимались. Может сложиться мнение, что невнимание к методике работы с респондентами было присуще не только социологам, но и советской гуманитарной науке в целом. Однако это не так. Скажем, этнографы, работавшие над схожими проблемами и примерно с тем же контингентом населения, к вопросу достижения доверия у опрашиваемых подходили очень серьезно [21].

Следует упомянуть такой важный момент полевого исследования, как уклонение от опро-

са (*абсентеизм*). Как подчеркивали советские ученые, отказы от участия в социологическом интервью не были массовыми, что, казалось бы, свидетельствует о лояльном отношении респондентов, в том числе верующих, к участию в опросах. В то же время анонимное заочное анкетирование в качестве метода сбора данных было признано бесперспективным, поскольку верующие возвращали не более 8–10% от розданных им социологами анкет [6, с. 88].

Работы советских социологов религии в наибольшей степени отличаются от аналогичных текстов зарубежных авторов тотальным отсутствием какого-либо упоминания о методиках достижения контакта с респондентами. В результате мы не располагаем важной методической информацией о том, соблюдалась ли процедура случайного отбора, какой была доля уклонявшихся от опроса и по какой причине: из-за каких-либо опасений, из-за религиозных убеждений и т.д. Авторы [22, с. 141] пишут о том, что уклонение от опроса не носило массового характера и не оказывало влияния на репрезентативность итогов. Еще считалось, что в сельской местности недоверие верующих устраняется, когда опросу подвергаются все жители без исключения [23, с. 107].

При опросе в селе одного из районов Ингушетии попавшие в выборку жители вызывались для заполнения анкеты в сельсовет [5, с. 113]. Причем это подается как успешная методическая находка, а не как вопиющее нарушение исследовательской этики. У остальных авторов процесс достижения согласия респондентов на участие не описан, но, по всей видимости, за этим умолчанием чаще всего кроется пресловутый «административный ресурс».

Таким образом, участие в опросах, как правило, не было добровольным актом, поэтому, на наш взгляд, уклонение от опроса – наиболее естественная реакция верующих, которые имели основания опасаться за благополучие свое и своих близких, а возможно, еще и опасались «кары божьей» за вероотступничество. На эту мысль наводят рассекреченные донесения в ЦК ВКП(б) о панических слухах в верующей среде, сопровождавших перепись населения 1937 г., и о призывах уклониться от участия в ней [24].

С. Климова и Е. Молостова обращают внимание на эскапистские настроения людей при обсуждении религиозных вопросов, стремление защитить свой внутренний мир. Верующие, с которыми проводился опрос в виде интервью, как правило, избегали острых тем и охотно соглашались с теми вариантами, которые предлагал инструментарий [25, с. 122].

Такая ситуация интервью позволяла исследователям утверждать желаемую характеристи-

ку религиозности как «традиционную», неглубокую и без лишних усилий «научно» обосновывать пережиточность. Приводится пример, когда социологи вопросом о догмате христианской Троицы ставили в тупик обычных верующих и на основе их ответов, не совпадающих с официальной формулой, делали вывод об их «невежестве» в религиозных вопросах [25, с. 124].

Следствием процедурных отклонений не могла не стать скрытая деформация исследовательских данных. О масштабах предполагаемых искажений, вызванных недоверием к процедуре опроса, может дать представление методический эксперимент этносоциологов Академии наук СССР, проводивших свое исследование в Татарской АССР в 1967 г. Они попутно решили выяснить влияние национальности интервьюера на ответы респондентов. В качестве исполнителей в исследовании участвовали студенты московских и казанских вузов. Наибольшая вариация была выявлена именно для вопросов об отношении к религии, национальным обрядам и праздникам, а также о языке обучения в школе. Так, положительный ответ на вопрос о праздновании мусульманских религиозных праздников дали 34% респондентов-татар, когда их опрашивал интервьюер русской национальности (студент московского вуза), и 44% – когда интервьюер был татарской национальности (студент казанского вуза) [4, кн. 1, с. 63].

Недобросовестное применение данных

Качество научных данных снижало и их тенденциозное преподнесение. На наш взгляд, вышеупомянутая статистическая связь между возрастом респондентов или уровнем образования и религиозностью является примером ложной корреляции. Работающие граждане, а в особенности те из них, кто был занят квалифицированным, высокооплачиваемым и престижным трудом, от честного ответа предпочитали уклониться. С этой позиции следует оценивать результаты опросов, проводимых в доперестроечные времена. Учитывая, что переменная «уровень образования» ковариантна с переменной «социально-профессиональный статус», следует предположить, что именно последний сильнее всего связан с обнаруживаемой религиозностью. Действительная связь обнаруживается между ответами респондентов об отношении к религии и их социально-профессиональным статусом. Низкоквалифицированные рабочие, пенсионеры и домохозяйки не считали нужным скрывать от исследователей свои религиозные убеждения. В отличие от них, квалифицированные рабочие, интеллигенция, ИТР, служащие,

студенты давали ожидаемые от их статуса конформные ответы. Добавим, что эта статистическая аномалия порождалась, в первую очередь, фактором самого исследователя, который не был образцом академической нейтральности и не мог гарантировать конфиденциальность полученных сведений.

Западная эмпирическая социология в лице международных и национальных ассоциаций самостоятельно выработала стандарты и регламенты взаимодействия с респондентами и с заказчиками. Общепринятые в современном мире нормы этики участия в социологических опросах: добровольное и информированное участие, конфиденциальность, непричинение вреда. Респондент должен быть проинформирован о целях и назначении исследования, о возможных рисках, о гарантиях конфиденциальности предоставленных сведений. В СССР первый подобный документ появился только в 1987 г., что свидетельствовало о незрелости социологической науки, о ее зависимости от системы государственной идеологии (управления обществом).

Тема религиозности в советской действительности глубоко затрагивала личную жизнь верующих, их права и достоинство. Повсеместным явлением в СССР были преследования не только духовенства или религиозных активистов, но и простых верующих. В какой бы форме ни были заданы анкетные вопросы о вероисповедании, они не могли считаться психологически нейтральными для респондента в силу того, что респондент не мог испытывать полного доверия к процедуре опроса, а именно – к сохранению анонимности его ответа. Как известно, даже охраняемая законом информация о проведении венчальных или родильных религиозных обрядов, передаваемая религиозными организациями в финансовые органы, легко оттуда «утекала», попадая в первичные партийные и комсомольские организации [26], в чем верующие могли убедиться на личном опыте или узнать по собственным каналам коммуникации.

Проблема неискренности

По мнению Б. Фирсова, вопросы «неискренности», «лицемерия» непременно возникают при исследовании культуры советского общества, так как они являлись его неотъемлемой частью [27]. Самими исследователями проблема искренности респондентов осознавалась, но, как и многие другие методические проблемы, не акцентировалась публично.

Например, В. Пивоваров [6, с. 102] приводит мнение неких неназываемых экспертов, которые ставили под сомнение возможность полу-

чения объективных данных в среде коренного населения Чечено-Ингушетии. Он перечисляет: непонимание опрашиваемыми целей, задач и методов конкретно-социологических исследований (ввиду незнания русского языка, низкой грамотности, новизны дела); боязнь опрашиваемых «давления» за честность ответов со стороны представителей местных органов (не уточняется каких); боязнь опрашиваемых «давления» за искренность ответов со стороны религиозных «авторитетов», бытующего религиозного общественного мнения, патриархального бытового уклада; невозможность добиться «контакта» с опрашиваемыми из-за (предполагаемого) высокого процента верующих среди них, замкнутого (по мнению экспертов) быта и ближайшего окружения. Однако, как Пивоваров пишет далее, в реальности данные препятствия оказались мнимыми и никакого влияния на исследование не имели.

Советские социологи по-своему пытались нивелировать значение фактора недоверия верующих. Казанский опорный пункт ИНА не указывал на титуле анкет партийные комитеты (которые выступали и заказчиком, и организатором исследований). По словам Р. Балтанова, «если мы скажем, что Татарский обком интересуется верующими, они сразу замкнутся» [28, л. 142]. Казанские социологи придерживались методических установок, учитывающих личность респондента: «нельзя посылать к верующим мужчинам женщин», «нельзя вести с мусульманами беседу на русском языке», «надо посылать к ним людей одного возраста» [28, л. 143].

В ряде работ [29, с. 145; 22, с. 142] выражается уверенность в том, что проблемы искренности верующих на практике не существует. Например, профессор Института научного атеизма В. Шердаков, возражая У. Флетчеру, утверждает, что «религиозный человек в любой стране, независимо от вероисповедания, вряд ли будет объявлять себя неверующим», правда, не приводя доказательств. Едва ли можно считать это утверждение убедительным по отношению к верующим мусульманам. Турецкий социолог Д. Дурсун, проанализировав социологические данные, полученные И. Макатовым в Дагестанской АССР, усмотрел, что показатели религиозности сильно занижены. Причину он видит в неискренности верующих, которую он обозначил религиозным термином *takiyye* [30, р. 187], означающим благоразумное скрывание своей веры.

О латентной религиозности советских мусульман впервые пишет Р. Мавлютов. Он обращает внимание на такую категорию верующих (помимо «рядовых» верующих и «фанатиков»),

которые, как они сами заявляют, «веруют в душе». «Верующих в душе» отличает вера в творца – Аллаха и идеалистическое представление о мире. Такие верующие не проявляют себя в обычной жизни, поскольку не посещают мечети и не участвуют в жизни мусульманских общин, молятся редко, избирательно придерживаются предписанных обрядов, не знают основ вероучения. Р. Мавлютов подчеркивает, что пропагандисты испытывают затруднения с их выявлением, называет их «резервом», на который рассчитывает мусульманское духовенство [31, с. 165]. «Верующий в душе» – это чисто советское явление.

На наш взгляд, число верующих при опросах в «перестроечные» годы увеличивается, прежде всего, за счет латентной религиозности, о которой архивист Е. Жирнов, имея в виду посещаемость церквей в пасхальные дни в Москве в конце 1940-х и 1960-х, пишет: «Как только нажим власти ослабевал, церкви не могли вместить всех желающих комсомольцев, коммунистов и прочих атеистов» [32, с. 72].

После 1991 г. некоторые из ученых признавались, что полученные ими данные были не вполне достоверны, поскольку значительная часть населения, особенно интеллигенция, служащие, учащаяся молодежь, скрывали свои религиозные убеждения [33¹, с. 206], а многие коммунисты и комсомольцы, чьи уставы обязывали их вести решительную борьбу с «религиозными предрассудками», на деле оказались верующими людьми, умело скрывающими свои истинные убеждения [34², с. 79].

В настоящее время, когда измерением уровня религиозности страны заняты ведущие социологические службы страны, безусловно повысился технический и методический уровень измерений. При всем этом не удалось преодолеть отсутствие методической рефлексии при подходе к предмету, что по-прежнему не позволяет составить объективную картину религиозности страны. В современных исследованиях, как и в советские времена, сохраняется пренебрежение к ситуационности идентичности, которая свойственна конформной личности. Конфессиональная идентичность современных россиян, как правило, не подкрепляется религиозным поведением. Обращение к несоциологическим данным показывает, что доля россиян, регулярно посещающих храмы, мало изменилась по сравнению с советским периодом, она по-прежнему невелика³. Подобная ситуация выглядит нонсенсом, ведь любая религия накладывает на своих последователей определенные обязательства, относящиеся к религиозному поведению, в том числе участие в кол-

лективных богослужениях. Как результат, измеренная религиозность в качестве социологического признака не имеет научной ценности, поскольку не коррелирует ни с одной сколь-нибудь значимой социально-демографической переменной, например с величиной семьи или с количеством разводов у верующих [35, с. 111].

* * *

Следует признать, что социологи получали репрезентативные, методически аккуратные, но недостоверные обобщенные сведения, из которых систематически складывалась искаженная картина реальности. При этом нет оснований упрекать ученых в намеренной фабрикации или фальсификации данных. Их заблуждение следует считать добросовестным, вызванным несовершенством инструментария и неумением устранить помехи из ситуации опроса.

Современные авторы (Л. Браславский, В. Вигилианский) вправе не доверять данным о религиозности населения, полученным советскими социологами. Однако это не снижает их научной ценности. Важным обстоятельством для понимания места социологических исследований в советской системе является безальтернативность получаемых сведений. В той научной и бюрократической реальности социологические сведения обладали свойствами объективности, рациональности, представительности, формализации, благодаря чему социологические данные, вне зависимости от своей реальной достоверности, обладали большой научной и практической ценностью. Именно этим обстоятельством вызвано стремление заказчиков (а это почти всегда – партийные органы) спрятать их от публикации, засекретить.

Методический опыт советской социологии религии, в том числе и негативный, заслуживает более пристального внимания со стороны современной науки, поскольку вопрос достоверности и надежности данных при изучении религиозности по-прежнему актуален.

Примечания

1. Автор книги – дочь бывшего руководителя опорного пункта Института научного атеизма в г. Саранске Н.Ф. Мокшина.
2. Автор – бывший руководитель Казанского опорного пункта Института научного атеизма.
3. По данным МВД, в праздничных богослужениях на Пасху в 2019 году приняли участие более 4.3 млн россиян по всей стране. Источник: РБК-Ньюс. Доступно: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5cc58c5e9a79471d6c7c0b00> (27.11.2020).

Список литературы

1. Ноэль-Нойман Э. Массовые опросы: введение в методику демоскопии: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1978. 384 с.

2. Ядов В.А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. М.: Наука, 1972. 239 с.
3. Паниотто В.И. Качество социологической информации. Киев: Наукова думка, 1986. 208 с.
4. Методы сбора информации в социологических исследованиях. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1990. 232 с.
5. Пивоваров В.Г. На этапах социологического исследования. Теория и практика социологических исследований проблем атеизма и религии. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1974. 207 с.
6. Пивоваров В.Г. Религиозность: опыт и проблемы изучения. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1976. 184 с.
7. Докладная записка об итогах социологических исследований состояния религиозности населения г. Казани // ЦГАИПД РТ. Ф. 26. Оп. 37. № 1089. Л. 259–269.
8. НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. № 11.
9. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 934.
10. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 1626.
11. Докладная записка отдела пропаганды и агитации обкома КПСС об итогах проведенного социологического исследования по проблемам состояния религиозности и атеистической работы в Октябрьском районе // ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 933. Л. 58–65.
12. Браславский Л.Ю. Ислам в Чувашии. Исторические и культурологические аспекты. Чебоксары: Чувашия, 1997. 160 с.
13. Вигилянский В. Новое исследование по старым рецептам // Новый мир. 2001. № 4. С. 156–164.
14. Fletcher W.C. Soviet Sociology of Religion: an Appraisal // The Russian Review. Vol. 35. No. 2 (Apr. 1976). P. 173–191.
15. Pankhurst J.G. Soviet Sociology of Religion // Religion in Communist Lands. 1982. Vol. 10. No. 3 (Winter). P. 292–297.
16. Справка по исследованию религиозности по Мензелинскому району // ЦГАИПД РТ. Ф. 8126. Оп. 1. № 28. Л. 1–6.
17. Орлов А.М. Проблемы атеистического воспитания населения, живущего в инонациональной среде (Исследования групп татарского населения в Горьковской и Пензенской областях): Дис. ... канд. филос. наук / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма. М., 1977. 198 с.
18. ЦГАИПД РТ. Ф. 15. Оп. 15. № 263.
19. Кадлецова Э. Некоторые результаты социологического исследования религиозности в Северо-Моравской области Чехословакии // Вопросы научного атеизма. 1966. Вып. 1. С. 240–272.
20. Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование: Пер. с болг. М.: Прогресс, 1975. 384 с.
21. Снесарев Г.П. Некоторые вопросы методики полевых этнографических исследований в области религии и атеизма // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 89–94.
22. Алексеев Н.П. Методика и результаты изучения религиозности сельского населения (на материалах Орловской области) // Вопросы научного атеизма. 1967. Вып. 3. С. 131–150.
23. Яблоков И.Н. Методологические проблемы социологии религии. М.: МГУ, 1972. 133 с.
24. Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. № 1 (5). С. 105–114.
25. Климова С.М., Молостова Е.С. Социологическое изучение религии и атеизация населения, 1960–1970-е годы // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 114–129.
26. Михалев И.А. О некоторых, наиболее актуальных вопросах контроля за культами (1970) // НА РТ. Ф. Р-873. Оп. 1. № 41. Л. 165–167.
27. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Европейский дом, 2008. 544 с.
28. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. № 83.
29. Шердаков В.Н. Где кончается религиозность и начинается атеизм? // Социологические исследования. 1987. № 4. С. 44–49.
30. Dursun D. Sovyetlerdeki müslüman türklerin sosyal yapısı üzerine bir çalışma // Sosyoloji Konferansları Dergisi (Istanbul Journal of Sociological Studies). Sayı 24 (1993). P. 173–192.
31. Мавлютов Р.Р. Ислам. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1974. 168 с.
32. Жирнов Е. «Нет им воли ходить в церковь» // Коммерсант-Власть. 2007. № 12 (717). 2 апр. С. 72–78.
33. Мокшина С.Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века. Изд. 2-е, перераб. Саранск: Мордовский гос. ун-т, 2006. 306 с.
34. Балтанов Р.Г. Религия в современном Татарстане: проблемы изучения // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1994. С. 78–86.
35. Возьмитель А.А. Социология религии в России: проблемы и перспективы // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 110–117.

RELIABILITY CONCERNS OF THE EMPIRICAL DATA ON RELIGIOSITY OF THE SOVIET PEOPLE

M.V. Kildeyev

Association «Union of Researchers of Modern Society», Kazan

The text is a part of the project for the historical reconstruction of the Soviet regional sociology of religion. As an important part of this reconstruction is understanding merits and demerits of the techniques and

methodology. As a source for the article the sociological literature and archival sociological documents were used. The practice of the sociological study of religiosity is especially indicative, since it touched on the deep contradictions of Soviet society, and it should be stated that Soviet sociologists were not ready to solve it. The article shows how sociologists obtained representative, methodically accurate, but unreliable generalized information, from which a distorted picture of the religious life was systematically formed. The factors that led to distortions are considered: the “»interviewer factor», absenteeism and insincerity of the respondents. These problems were diagnosed by Soviet authors, but they were never considered as a factor of distortion or contamination of data.

Keywords: religiosity, reliability of sociological information, insincerity of respondents, interviewer factor, absenteeism.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_2_111

СЕМЕЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК КРИЗИСНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

© 2021 г.

М.В. Придатченко, Н.В. Шалютина

Придатченко Мария Викторовна, к.соц.н.; доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
pridatchenko@fsn.unn.ru

Шалютина Надежда Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shaljutina@fsn.unn.ru

*Статья поступила в редакцию 15.03.2021**Статья принята к публикации 27.04.2021*

В последние годы в России и во всем мире растет число семей, перешедших на семейное образование. В постиндустриальных обществах это связано с процессами индивидуализации: образование все больше теряет связь с обучением, выполняя только ритуальную функцию объединения. Анализ развития института образования через призму взаимодействия постфигуративного, кофигуративного, префигуративного типов культуры показывает, что избыточная постфигуративность образования, вопреки тренду на префигуративность, приводит к реализации неактуальных учебных планов, ограничивающих развитие общества. В условиях расширения рынка образовательных услуг школьное образование как массовая практика индустриализма лишилось своей уникальности.

В статье представлены результаты интервью с родителями, выбравшими для своих детей семейное образование. Основные мотивы обращения субъектов к семейному образованию: желание сохранить собственную идентичность, тревожность и недоверие к школьному образованию, высокие издержки школьного образования по отношению к потребностям данной социальной общности. Для представителей данной социальной группы эта практика является кризисной: обладая высоким культурным капиталом, они не могут удовлетворить потребность в качественном образовании типичными способами из-за относительного дефицита ресурсов (материальных и временных) и вынуждены прибегать к альтернативным практикам.

Ключевые слова: институт образования; «хоумскулинг»; доверие; постфигуративный, кофигуративный, префигуративный типы культуры; семейное образование.

Введение

В последние годы в России увеличивается число семей, выбравших для своих детей семейное образование. Эта форма получения основного общего образования предусмотрена в законе «Об образовании в РФ» [1] и предполагает, что управление этим процессом и ответственность за него берут на себя родители. Они обязаны уведомить об этом решении органы местного самоуправления и подготовить своих детей к сдаче ГИА. Они имеют право самостоятельно определять формы, режим, содержание обучения своих детей. Министерство просвещения России отмечает, что к сентябрю 2020 г. около 10 тысяч семей сообщили о своем намерении самостоятельно обучать своих детей [2], но точные официальные данные отсутствуют, что странно при наличии обязанности родителей уведомлять отделы образования о переводе детей на семейное образование.

Нужно заметить, что эта тенденция характерна не только для России, она носит глобальный характер [3]. Растущая популярность семейного образования в странах Европы и США

связана, по мнению исследователей, с глобальным процессом индивидуализации [4, с.73]. Родители стремятся передать детям собственные ценности, цели, подстраивая образовательный процесс под образ жизни своей семьи.

Российский «хоумскулинг» имеет свою специфику: кроме процесса индивидуализации и очевидных медицинских оснований, основной причиной роста популярности семейного образования является растущая тревожность и требовательность некоторых родителей к образованию детей. Эта тревожность, связанная с низким уровнем солидарности в обществе, выражается в недоверии некоторых социальных общностей к существующим образовательным институтам.

Что касается глобального процесса индивидуализации, как причины выбора «хоумскулинга», он характерен для постиндустриальных обществ. Традиционное школьное образование является массовым процессом эпохи индустриализма и не вполне успешно справляется со своими функциями во фрагментированных постиндустриальных обществах. Прежде всего, это связано с разрывом между процессами образования и обучения.

В обыденном сознании образование и обучение представляют собой единый процесс, употребление одного термина подразумевает одновременно и другой. Действительно, достаточно часто эти процессы совпадают организационно и содержательно. Основное их различие кроется в конечном результате – цели этих процессов. Цель обучения состоит в развитии индивидуального потенциала ученика, проявлении индивидуального образовательного запроса и постановки индивидуальных образовательных целей, формировании знаний и освоении навыков. Этот процесс исходит из личных способностей, предпочтений и ценностей субъекта. В этом случае спектр обучающих ресурсов включает в себя все социокультурное многообразие и не ограничивается институциональными потребностями и процедурами. Цель образования – это поэтапное прохождение реперных точек для получения сертификатов соответствия требованиям формальных организаций. Образование как массовый социальный процесс сокращает возможности для проявления индивидуальности, творчества, инициативы, требует организационной дисциплины и строгого соблюдения процедурных правил. Соотношение обучения и образования похоже на соотношение форм *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, описанное Ф. Теннисом. Усложнение и формализация социальной структуры разводит обучение и образование в разные стороны смыслового континуума. Обучение, направляемое сущностной волей, является естественным процессом для человека и сообщества. Образование, поддерживаемое избирательной волей, стремится к избыточному ограничению реальности механическими образами [5, с. 132]. Обучение как функция института образования размывается, основная доля ответственности за его результаты перекладывается на учеников и их родителей, оставляя за школой контроль и оценку полученных знаний.

Обучение – неотъемлемая часть жизни человечества, оно всегда сопровождало культуру и общество. Учился человек, училось все человечество: выживать в окружающем мире, договариваться с ним, изменять его в соответствии со своими потребностями. По мере накопления знаний, развития общества, усложнения социальной структуры обучение перестает быть индивидуальным способом освоения мира – оно становится социальной практикой, поддерживающей выживаемость группы, ее совершенствование и процветание. Эта практика производит новые социальные формы: повторяющееся индивидуальное эмпирическое познание окружающего мира вытесняется организованным процессом передачи информации от чле-

нов группы, обладающих определенными знаниями и умениями, всем остальным.

Образование является основополагающим институтом современного общества. Оно включено практически во все социальные процессы, имеет влияние на все сферы общественной жизни. Явная функция института образования – обучение и развитие людей в соответствии с потребностями современного общества. Новые знания, обеспечивающие личностный, профессиональный и социальный рост, – это то, что люди ожидают от института образования в первую очередь.

Очевидная социальная функция образования – обеспечение преемственности в обществе через интериоризацию определенных ценностно-нормативных систем и формирование конкретных типов поведения. Образование связывает в единое целое прошлое, настоящее и будущее социальной группы, аккумулируя культурные и научные достижения общества и передавая их молодым поколениям. Оно оснащает членов группы, представителей разных поколений, общими каналами и инструментами взаимодействия, формируя и распространяя общее смысловое пространство.

Социологи, изучающие образование, лишь отчасти разделяют эти воодушевляющие взгляды на его роль в обществе. Они видят в нем второстепенный социальный институт, обслуживающий интересы экономических и политических институтов общества. Наследники марксистской традиции и критической теории рассматривают институт образования как систему воспроизводства и легитимации власти в капиталистическом обществе. Сторонники теорий человеческого капитала и социализации утверждают, что экономические и политические функции являются ведущими в системе образования современных обществ [6, с. 61]. Образование, создавая иллюзию «восходящего продвижения в обществе» [7], формирует ценности, образы, практики, оправдывающие существующее в социальном пространстве распределение ресурсов и препятствующие попаданию в элитарные группы. Оно выступает своеобразным шлюзом, который контролирует приток людей в различные социально-профессиональные сферы.

На начальных этапах развития культуры основным критерием качества знания являлось выживание его носителя и эффективность его деятельности. Доверие к носителю знания можно описать через три формы существования доверия: понимание, надежность (уверенность в результате) и похожесть. Понимание здесь – это осознание того, что человек, выживший сам, способен обучить этому и другого. Похожесть –

единый образ жизни и мышления, сходные потребности. А надежность – это предсказуемость результата, оправданность ожиданий, проверенная опытным путем. Кроме того, доверие в процессе обучения основано не только на ожиданиях, связанных с компетенциями обучающего, но и с его человеческими качествами, репутацией. В настоящее время исследователи отмечают кризис доверия в обществе, отсутствие универсальных ценностей, способных объединить общество [8, 9]. Люди сосредотачиваются на доступном воздействию социальном пространстве и формируют новые социальные практики – «...недоверие становится выражением самодостаточного социального поведения...» [9].

В современном обществе образование все больше теряет связь с обучением, становится ритуалом, символическим действием, не обладающим практической целесообразностью. Ритуальная функция образования вполне оправдана – она поддерживает у членов группы чувство солидарности и сопричастности, отсылая к общему опыту. В условиях нарастающего социального расслоения, усиливающейся социальной несправедливости чувство общности, обеспечиваемое институтами образования, становится недостаточной компенсацией издержек, покрывающих их функционирование. Вклады в образовательный процесс не окупаются, ожидания участников не оправдываются, общее разочарование снижает уровень вовлеченности, увеличивая ритуальную составляющую. В этих условиях социальные субъекты берут на себя реализацию явных функций института образования.

В рамках данной статьи мы рассмотрим две гипотезы, объясняющие рост популярности семейного образования в России. Первая: для некоторых социальных общностей издержки за участие в институте образования значительно превышают выгоду от него. Социальные субъекты выбирают семейное образование как наиболее экономичную и экологичную практику получения основного общего образования. Вторая: кризис доверия и солидарности в обществе актуализирует взаимодействие на микроуровне, вынуждая малые социальные группы самостоятельно определять соотношение постфигуративных, кофигуративных и префигуративных элементов в обучении детей, чтобы сохранить свою идентичность. Недоверие к институтам и ценностям, которые в них реализуются, побуждает социальных субъектов к формированию и осуществлению собственных программ воспитания и обучения.

Методология

В функционировании института образования можно выделить три типа культуры (постфигу-

ративный, кофигуративный, префигуративный) [10, с. 322], объем и модель взаимодействия которых определяются уровнем развития общества и его потребностями. Общий тренд на гуманизацию предопределяет увеличение префигуративности в образовании, причем не только в возрастном аспекте, но и социальном, когда содержание учебных планов учитывает не только интересы государства и высокостатусных социальных групп, но и сообществ, непосредственных получателей услуги.

Обучение – это один из способов освоения культуры и адаптации к окружающему миру в процессе самостоятельной деятельности и/или при помощи более опытных членов сообщества. На заре человечества и в обществах с преимущественно постфигуративной культурой знания передаются от старшего поколения младшему [10, с. 322]. Это обеспечивает социокультурную преемственность, взаимное понимание и доверие. Естественное доверие как форма органической солидарности характерно для традиционных обществ. Следовательно, для традиционного общества критериями качества образования кроме статуса носителя знания будет предсказуемость и прозрачность процесса. Знания старца, убеленного сединами, отметившего свою пятидесятую весну, претерпели больше проверок и испытаний, чем знания безусого юнца. Любое знание старца изначально будет пользоваться большим доверием, как знание выжившего. Можно предположить, что ценные информация и навыки стали первичными структурообразующими факторами, определяющими иерархию в группе, и обеспечили высоким статусом своих обладателей и их потомков. Знание выживших выдвинуло последних на высокие статусные позиции в обществе. Направление распространения знания обуславливает социальную структуру, а статус источника этого знания является критерием его верификации.

В процессе социального развития посылка и следствие в определении критериев качества знания поменялись местами. Закрепление высокого социального статуса и монополии на определение эталона знания за потомками выдающихся членов группы привело к закономерной социальной инверсии – социальный статус становится критерием качества знания. Верификация знания осуществляется не по его содержанию, а по социальному статусу его источника. Это привело к закреплению строгой иерархии в институте образования, которая выражена не только в возрастной постфигуративности, но и в социальной – высокостатусные группы определяют содержание учебного плана для всего общества. Жесткая вертикальная структура, до

сих пор сохраняющаяся в системе накопления, передачи и доверия знания, препятствует развитию диалога и партнерских отношений между обучающими и учащимися. Основной задачей учебного заведения в этих условиях является создание образа, способствующего сохранению группы, поддержанию ее социокультурной идентичности.

По мере развития общества усложняются его структура и культура – нарастает социально-профессиональная дифференциация, увеличивается количество источников знания. Знание специализируется и выстраивается в иерархические структуры. Индустриализация формирует потребность в большом количестве людей, способных дисциплинированно выполнять ряд стандартизированных задач. Культура приобретает черты кофигуративности – рост сообщества требует интенсификации инновационных процессов, новое знание осваивается в процессе взаимодействия с ровесниками и равными по социальному статусу. В индустриальном обществе образование удовлетворяет потребность в обеспечении экономики квалифицированными кадрами. В результате роста мобильности социальное окружение не в состоянии подтвердить факт обучения, квалификацию и мастерство конкретного субъекта – появляется необходимость в типизированных процедурах получения и контроля квалификации.

Кофигуративность является вынужденной уступкой со стороны постфигуративной культуры в условиях острого кризиса, значительных социальных изменений, когда наличных средств управления социальной реальностью недостаточно для восстановления контроля над нестабильной ситуацией [10, с. 343]. Молодое поколение вырабатывает собственные модели поведения в ответ на задачи, выдвигаемые социальной средой, когда осознает, что ценности и знания мудрых патриархов не способны гибко реагировать на новые вызовы. Референтной моделью поведения становится поведение ровесников в условиях поддержания возрастной сегрегации современной системой образования.

В рамках института образования общество организует управляемое кофигуративное взаимодействие. Здесь основанием доверия выступает сходство социального опыта, полученного в институционализированных возрастных сообществах. Общность этого опыта основывается на явных ритуализированных практиках в формальном пространстве и латентных практиках неформального взаимодействия в рамках института. Кофигурация в системе образования является механизмом интенсивного освоения необходимых навыков и снижения давления в

социальной системе, остающейся постфигуративной в своих базовых проявлениях (идентичность, сохранение группы и ее выживание).

Префигуративные тренды в современной культуре вынуждают старшие поколения обратиться к младшим: «текучая» социальность ускользает от традиционных форм описания, фиксации и контроля, формулируя новую логику «антихрупкости» [11, с. 20], которую молодые поколения осваивают как самоочевидный социальный факт. Префигуративность в образовании возникает в высококонкурентных инновационных сферах, где потребность выиграть перекрывает необходимость следовать социальным правилам. Оценивается знание и его способность привести к определенному результату, а не возраст и социальный статус носителя. В традиционных сферах образования префигуративных форм передачи знания избегают, подвергают сомнению их качество и жизнеспособность, усугубляя разрыв во взаимопонимании между поколениями. В современном образовании на одной площадке сталкиваются постфигуративность, обращающаяся к преданиям о лучших временах и вызывающая к сохранению традиций, структурная кофигуративность, организуемая из представителей молодых поколений сферу общественного производства и сводящая все многообразие характеристик человека к возрасту, и «текучая» [12, с. 70] префигуративность, обусловленная возможностями настоящего момента.

В ситуации институциональной нестабильности и неуверенности постфигуративность системы образования предстает пространством ясности и предсказуемости – наиболее актуальным каналом взаимодействия социальных структур и акторов. Этот тренд получает поддержку государства как основного источника финансирования школьного образования. Оно преследует свои цели – создает гражданина, отвечающего конъюнктурным требованиям. Эти требования часто не учитывают социокультурный контекст, ведущие ценности современного общества, особенности и потребности отдельного человека. В образовательном процессе учащийся, как правило, представлен как объект, который надо обучить набору стандартизированных действий. Избыточная институционализация и стандартизация образования снимают с учащегося ответственность за учебный процесс, закрепляют его в объектном положении, а подателя образования облачают излишком полномочий, который нередко провоцирует злоупотребления. Такое образование перестает быть каналом вертикальной социальной мобильности, оно, наоборот, закрепляет неравное распределе-

ние ресурсов, становится стеклянным потолком в социальном продвижении участников массового институционализированного образования. Источник свободного развития общества и культуры перекрывается структурными потребностями институтов и организаций.

В то же время необходимым условием сохранения постфигуративности является «группа людей, включающая в себя представителей не менее трех поколений, (которая) принимает данную культуру за нечто само собой разумеющееся...» [10, с. 339]. Образование в форме хождения в учреждение представляется самоочевидным, единственно возможным вариантом. Это убеждение подкрепляется позитивной эмоциональной окраской детско-юношеских воспоминаний нынешних взрослых. Со стороны общества запрос на качественное образование невелик. Вынужденный переход на дистанционный формат вскрыл в публичном пространстве низкий уровень образования, низкий уровень самостоятельности и самоорганизованности учащихся всех ступеней [13], но основное требование родителей – вернуть детей в учебные организации – возобновить спектакль, в котором они регулярно «ходят в школу». Родители озабочены выживанием в сложных экономических условиях, следованием новым родительским и потребительским стандартам. Организация учебного процесса детей связывает их со своим прошлым опытом, создает ощущение преемственности и нормальности, но, по сути, есть симулякр, набор ритуалов и атрибутов, означающих, но не являющихся образованием.

На протяжении многих веков школа была прогрессивным социальным институтом, поддерживающим общество и человека на пути развития. Реальными достижениями и вкладом в рост общества школа создала себе репутацию, которая обеспечила ей практически безграничное доверие со стороны граждан. Школа становится последним институтом традиционного общества, теряющим доверие и поддержку граждан, которые от недовольства и критики переходят к реальным действиям, ставящим под сомнение ее функциональность.

Результаты исследования

Осенью 2020 г. было проведено полуформализованное интервью родителей, выбравших для своих детей форму получения образования в виде семейного образования. Всего было опрошено 20 человек, 19 женщин и 1 мужчина. Гендерный состав выборки отражает реальное распределение ответственности за школьное образование в обществе – сбор информации об

образовательных возможностях, взаимодействие с органами управления и педагогами, организация процесса, контроль осуществляются женщинами. Опыт семейного обучения респондентов составляет не менее одного года, чтобы отсеять тех, кто выбрал эту форму образования из-за пандемии. В целом выборка не является репрезентативной, поскольку точная статистика о количестве семей, выбравших эту форму образования, отсутствует. Поводом обращения за интервью была активность потенциальных респондентов в группах, посвященных семейному и альтернативному образованию, в сетях Facebook и «ВКонтакте». Неучтенными оказались мнения «молчунов», состоящих в сообществах, но не принимающих участия в общении. Задача исследования была прежде всего выявить новые практики и формы взаимодействия в сфере образования, поэтому в выборке мы попытались отразить социально-географическое разнообразие России – респонденты проживают в населенных пунктах разного типа в разных регионах (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Камчатский край, Крым, Белгород, Ижевск, Омск, Мурманск и др.).

В современном обществе школьное образование является самоочевидным фактом, этапом взросления и социализации, который проходят все дети. Не так давно, чуть больше ста лет назад, всеобщее школьное образование стало прогрессивным прорывом в изменении общества. Всеобщая грамотность представлялась источником развития демократии, распространения равных возможностей в социальной и политической сферах. Школа была единственным источником образования, она давала знания, обеспечившие путевку в жизнь миллионам людей. В современном обществе школа утрачивает лидирующие позиции в поддержке социального и культурного развития, восходящей социальной мобильности. Она больше не является источником уникального социального блага, не учит тому, что не знают или не в состоянии дать родители. *«Я взвесила, что я могу дать, а что не могу. Писать-читать могу...»* (женщина, 3 детей, опыт СО 7 лет), – отмечает мама девочки, освоившей программу основного образования за 7 лет. Рынок услуг и интернет-волонтеры откликнулись на новые потребности – программа средней школы, в частности физика, биология, химия, не стала препятствием на пути самостоятельного обучения. Курсы, кружки, видеоролики, где большое внимание уделяется экспериментальной составляющей этих дисциплин, привлекают и «анскулеров», и увлеченных школьников, не удовлетворенных качеством преподавания в школе. *«Вечерами они*

постоянно что-то экспериментируют, смотрят ролики на YouTube и делают» (бабушка, 2 детей, опыт СО 3 года); *«Он читает учебник, потом где-то час слушает лекцию и еще дополнительный фильм на эту тему смотрит»* – алгоритм освоения темы по географии, истории, биологии (женщина, 2 детей, один на СО, опыт СО 4 года).

Школа требует от семьи режима вовлеченности, который утрачивает свою актуальность в настоящее время. На рынке труда становится все больше вакансий удаленной работы, гибкого графика, фриланса. Родители стремятся выстроить режим детей в соответствии со своими предпочтениями и рабочими процессами. *«Мы ездим везде за папой, учимся сами»* (женщина, 2 детей, опыт СО 4 года) – это про детей специалистов, мигрирующих по всему миру. Иногда преградой на пути в школу оказываются неудобные режим и логистика, не оставляющие возможности ни для профессиональной занятости родителей, ни для отдыха и совместного времяпрепровождения в семье – *«Я как представила: сначала везу ее в школу, потом сына в сад, опять за ней в школу, в музыкальную школу, в сад за сыном, в семь мы дома, ужинать и за уроки в девять...»* (женщина, 3 детей, опыт СО 7 лет). Есть и менее веские причины, которые в комплексе с другими вынудили родителей принять решение о переходе на семейное образование. *«Не вставать в 7 утра – главная причина»*, – пошутила мама трех детей с опытом СО 6 лет; *«Мне так было жалко субботу. Можно всем вместе куда-нибудь съездить, а надо в школу идти»* (женщина, 3 детей, опыт СО 4 года). Особенно выгоду в экономии временных ресурсов отмечают многодетные семьи.

Качество школьного образования также подвергается критике. Исследователи из Института образования НИУ ВШЭ отмечают, что 52% родителей детей на семейном обучении одной из причин перехода назвали неудовлетворенность качеством школьного образования [4, с. 76]. Родителей возмущает, что дети очень много времени проводят в школе, но их реальное обучение ложится на плечи родителей и репетиторов. *«Старший 7 часов в школе, два-три часа у репетиторов, поужинал, отдохнул, в девять за уроки садится и до двенадцати. И все равно физику ему бабушка объясняет, я с дедом историю и литературу...»* (женщина, 3 детей, опыт СО 4 года); *«У нее пятерки в дневнике были, а голова-то пустая. Она ничего не знала»* (женщина, 4 детей, опыт СО 15 лет); *«Наша учитель в началке путала ча-ща...»* (женщина, 3 детей, опыт СО 5 лет). Кроме того, школа не следует новым тенденциям в социальном про-

странстве и до сих пор придерживается командного стиля взаимодействия в противовес партнерскому. *«Я предложила пригласить психолога, договориться [недопонимание между учителем и учеником]. Мне сказали, что это никому не нужно»* (женщина, 2 детей, один на СО, опыт СО 4 года). Подобных историй набралось около семи: родители предприняли 2–3 попытки договориться со школой в конфликтных ситуациях, потерпели неудачу и взяли на себя единоличную ответственность за образование своих детей.

Наверное, с момента распада Советского Союза российское общество сотрясают перемены, раскалывающие общество на противоборствующие группы. Запас потенциала школы в объединении общества, распространении общего знания о ценностях, культуре и истории иссяк. В обществе нет согласия, нет разделяемого всеми мнения о ценностях и целях развития, которое могла бы транслировать школа. Ее, как корабль во время шторма в океане, бросает из стороны в сторону, и те, кто имеет собственное мнение о правильном курсе и какое-нибудь плавсредство, покидают этот корабль. Например, из школы уходят и те, кому пригласили на первое сентября православного священника, и те, чьим детям преподают теорию биологической эволюции Дарвина.

Всеобщая социальная депривация способствовала повышению уровня тревожности и нестабильности на микроуровне. В стремлении сохранить себя, свою идентичность люди в первую очередь действуют в рамках своей семьи. Практически все респонденты упоминают, что одна из ценностей семейного образования – ребенок остается в семье. *«Я никому не хочу отдавать своих детей, я хочу их сама воспитывать»* (женщина, 3 детей, опыт СО 7 лет). Они не сходятся в определении источников угрозы: одни опасаются ровесников из неподходящего социального окружения, другие – «скрытых учебных планов», и находят выход в относительной локализации своей семейной группы хотя бы от института образования: *«Семья – это тоже социализация и образование...»* (женщина, 4 детей, опыт СО 15 лет). В кризисный период родителям важно передать детям свои ценности, то, что определяет их идентичность. Все респонденты отметили, что после перехода на семейное образование количество времени, проведенного совместно, значительно увеличилось. Это и семейные беседы, и совместные просмотры фильмов, выполнение домашней работы, походы, путешествия. В ответе на вопрос о доходах, при перечислении стандартной матрицы «хватает на еду, не хвата-

ет на одежду; хватает на одежду, не хватает на бытовую технику...» одна респондентка дала интересный ответ, отражающий ценности этой группы: *«Нам хватает на онлайн-курсы, но не хватает на автомобиль»* (женщина, 2 детей, один на СО, опыт СО 4 года). В этих условиях разумной альтернативой государственной школе представляется частная школа, но она часто оказывается недоступной по ряду причин. В центральных регионах платное образование стоит очень дорого; в остальных регионах платное образование менее распространено, не всегда демонстрирует высокое качество, не лицензировано и, как правило, сосредоточено только в сфере начального образования.

Кофигуративность в жизни детей на семейном образовании сохраняется, просто управление ею от школы переходит семье, переводя ее с институционального уровня на уровень сообществ. Вопрос о социализации как общении с ровесниками очень чувствителен для родителей, выбравших для своих детей семейное образование. Во-первых, они сами имеют школьный опыт и ежедневное взаимодействие с ровесниками, приписанными к одному учреждению, считалось очевидным. Эти люди регулярно задаются вопросом, не лишают ли они своих детей чего-то важного. Во-вторых, вопрос: *«А как же социализация?»* – самый популярный о семейном образовании со стороны. За полтора века всеобщего школьного образования общество так привыкло, что дети должны готовиться ко взрослой жизни в коллективе себе подобных, что совершенно не рассматривает другие способы освоения социальных ценностей, норм и правил. Кофигуративность в социализации детей на семейном образовании присутствует в разных формах. С экономической и организационной позиций проведение некоторых занятий в групповом формате более эффективно, удобно, выгодно. Дети взаимодействуют в рамках учебных групп, состоящих из мотивированных детей со схожим социальным опытом, размер которых существенно меньше школьных классов. Подобные группы собираются для совместного освоения естественно-научных дисциплин или иностранных языков как в очном, так и в онлайн-форматах, в них стимулируется активное общение и взаимное обучение. *«Он ходит на физику и на английский с тремя мальчиками, которые тоже на семейном. Им так интереснее»* (женщина, 3 детей, опыт СО 7 лет); *«По пятницам у него читательский клуб. Они там обсуждают, что прочитали, и пишут сочинения»* (женщина, 2 детей, один на СО, опыт СО 4 года); *«Они три раза в неделю занимаются в онлайн-школе: делают проекты с*

ребятами из других стран, у кого какая погода сейчас, например» (женщина, 4 детей, опыт СО 15 лет). Подобные практики наиболее распространены в крупных и средних по численности городах. У всех респондентов дети посещают различные учреждения дополнительного образования, совмещая от двух до пяти направлений. Среди них есть увлеченные музыканты, танцоры, художники, которые одновременно посещают кружки по авиамоделированию, радиотехнике, столярному делу, театральному искусству. В этих социальных группах присутствует и общение по интересам, и командная работа, и соперничество. *«В музыкальную школу у нас все дети ходят. Вот младшая еще авиамоделированием и робототехникой третий год занимается»* (женщина, 4 детей, опыт СО 15 лет); *«Ох, в радиокружке у него полная социализация – там ребята постарше, иногда его хорошо одергивают»* (женщина, 2 детей, один на СО, опыт СО 4 года); *«Старший ходил на оркестр и в хор. Были, конечно, опасения, как он будет в колледже после семейного, но все хорошо...»* (женщина, 3 детей, опыт СО 6 лет).

Общение со сверстниками в неформальной сфере у детей на семейном образовании возможно даже больше, чем у школьников. Многие респонденты отметили, что свободного времени стало больше после перехода на семейное обучение. *«У девочек по средам выходной, так получилось, а все друзья в школе, приходится им придумывать, чем заняться»* (женщина, 4 детей, опыт СО 15 лет, город с населением 19000); *«В деревне все вместе играют, только прибегают спрашивают, во что им еще поиграть»* (женщина, 3 детей, опыт СО 5 лет, поселок с населением 3000). В небольших населенных пунктах сохраняются привычные практики детского взаимодействия: дети вместе гуляют, играют на улице. В крупных населенных пунктах возможность свободного перемещения и общения детей практически утрачена. Родители детей на семейном образовании собираются в семейные клубы, где организуются настольные игры, отмечаются праздники, проводятся совместные экскурсии и посещения развлекательных центров. Общение детей сохраняется, но осуществляется под контролем взрослых, что лишает его спонтанности. *«До пандемии мы собирались и играли вместе в настольные игры, ходили в лазертаг»* (женщина, 2 детей, один на СО, опыт СО 4 года, город-миллионник); *«Мы снимаем большой дом, там дети вместе играют в настольные игры, занимаются физкультурой, проводим творческие мастер-классы»* (женщина, 1 ребенок, опыт СО 2 года, южный город с населением 300000); *«У нас свое пространство, мы собираемся раз в неделю, игра-*

ем, праздники отмечаем, окружающий мир вместе проходим» (женщина, 3 детей, опыт СО 6 лет, город с населением 600000).

Префигуративное распространение информации, несмотря на руководящую роль родителей в организации семейного образования, также происходит. Наиболее значимое в этом процессе – не обучение цифровым технологиям и использованию новых гаджетов, а освоение новых ценностей и социальных практик. У детей на семейном образовании времени на общение с родителями (как правило, матерями) выделяется значительно больше, чем у школьников. И у детей, и у родителей появляется возможность поделиться содержательной информацией о том, с чем они сталкиваются. *«Семейное образование – это то, что мы вместе сидим и разговариваем...»* (женщина, 3 детей, опыт СО 6 лет). Многие респонденты отметили, что одна из ценностей семейного образования – это самоопределение детей, возможности которого некоторые из них были лишены: *«Я никогда не знала, кем я хочу стать, что мне интересно, а они уже знают и я начинаю чем-то интересоваться»* (бабушка, 2 детей, опыт СО 3 года); *«Важно, чтобы они поняли, что они хотят...»* (женщина, 4 детей, опыт СО 15 лет). Родители отмечают у детей большую свободу и готовность к взаимодействию с другими людьми. *«Он уверен, что ему помогут. И я так делать стала»*, – о навыке обращения за помощью мама двенадцатилетнего мальчика (2 детей, один на СО 4 года). Возможность самостоятельно выбирать формат и содержание занятий формирует личную мотивацию и ориентацию на практику в учебной деятельности: *«Вот это он не для аттестации учит, сразу знает, зачем ему это, сидит, разбирается...»* (женщина, 2 детей, опыт СО 8 лет); *«Если это связано с металлом, он сам ищет информацию, художника нашел...»* (женщина, 3 детей, опыт СО 6 лет). Вместе со своими детьми, изучая школьную программу не в первый, а иногда даже не во второй раз, взрослые обнаруживают, что знания из нее можно сразу использовать для решения жизненных задач: *«Он у нас садоводством увлекается, а в третьем классе как раз темы про типы почвы, про климатические пояса – в общем искали подходящий сорт брюссельской капусты»* (женщина, 3 детей, опыт СО 4 года); *«Он русский язык не любит, поэтому пишет тесты по нему в компьютерной программе, чтобы интереснее было»* (женщина, 3 детей, опыт СО 6 лет). Социализация детей на семейном образовании разнообразна, но все же реализуется в русле ориентаций семьи и может игнорировать существенные аспекты жизни общества.

Выводы

Исследование показало, что причины, побудившие родителей выбрать семейное образование, разнообразны и обусловлены и личными, и институциональными факторами. Ситуация, когда издержки на поддержание социального института значительно превышают выгоды, стимулирует появление новых социальных практик, которые замещают устаревшие институты и берут на себя выполнение их функций. Семейное образование становится «кризисной» практикой, которая реализует обучение детей в период дисфункциональности института образования. Здесь важно отметить, что практики семейного и альтернативного образования осуществляют только явные функции образования и социализации в малых группах, оставляя за бортом поддержание преемственности и общности социокультурного пространства.

Интересно, что учебные, воспитательные практики, реализуемые в семейном образовании, по форме, содержанию и инструментам аналогичны тому, что формально предлагает институт образования. Можно предположить, что основная часть «семейников» готова вернуться в институт при условии его реформирования в соответствии с нормами и ценностями современного общества.

Очевидно, изучаемая социальная группа обладает определенным культурным капиталом, ресурсами (временными и материальными) для организации обучения своих детей, но этого недостаточно для обучения в «хороших» государственных или частных школах. В условиях дефицита ресурсов семейное образование – единственная доступная им возможность дать детям хорошее образование. В этих практиках отражена постфигуративная составляющая: стремясь стабилизировать свое положение, семья частично возвращает себе функции, переданные в прошлом институту образования. В то же время это задает новый вектор социального расслоения и неравенства: избыточная индивидуализация в образовании не способствует повышению уровня солидарности в обществе. Демография и социальные характеристики семей, перешедших на «хоумскулинг», требуют дальнейшего изучения. Анализ социальных характеристик этих семей позволит типологизировать причины перехода на семейное образование и выявить существующие проблемы в этой сфере.

Список литературы

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (по-

следняя редакция). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 10.03.2021).

2. Минпросвещения: резкого увеличения числа детей на семейном обучении не произошло [Электронный ресурс] // ТАСС – 2020.14.09. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/9455381> (дата обращения: 10.03.2021).

3. Ray B.D. Research facts on homeschooling [Электронный ресурс] // National Home Education Research Institute. 15.01.2021. 3 р. Режим доступа: <http://www.nheri.org/research/research-facts-on-homeschooling.html> (дата обращения: 10.03.2021).

4. Поливанова К.Н., Любичкая К.А. Семейное образование в России и за рубежом // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 72–80.

5. Теннис Ф. Общность и общество. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002. 448 с.

6. Education in a new society: renewing the sociology of education / Ed. by Jal Mehta and Scott Davies. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2018. 464 p.

7. Коллинз Р. Массовое образование как жертва технологического развития // Сайт «Полит.ру» [Электронный ресурс]. 2010. 8 окт. Режим доступа: <https://polit.ru/article/2010/10/08/rk/> (дата обращения: 10.03.2021).

8. Институциональное доверие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5/> (дата обращения: 10.03.2021).

9. Доверие институтам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 10.03.2021).

10. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 429 с.

11. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: Азбука-Аттикус, 2014. 279 с.

12. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

13. Прогнозируемые потери для школьного образования из-за пандемии COVID-19: оценки и поиск способов компенсации [Авт. коллектив: Косарецкий С.Г. и др.]; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 40 с. (Современная аналитика образования. № 8 (38)) [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https://ioe.hse.ru/data/2020/06/29/1610606638/%D0%A1%D0%90%D0%9E%20\(38\)_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf](https://ioe.hse.ru/data/2020/06/29/1610606638/%D0%A1%D0%90%D0%9E%20(38)_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9.pdf) (дата обращения: 10.03.2021).

FAMILY EDUCATION AS A CRISIS SOCIAL PRACTICE

M.V. Pridatchenko, N.V. Shalyutina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In modern society, education is increasingly losing touch with learning, fulfilling only the ritual function of association. Contributions to the educational process do not pay off and the participants do not meet their expectations. Under these conditions, social actors take on the explicit functions of the educational institution. In recent years, the number of families who have chosen family education for their children has been growing in Russia. Analysis of the development of the educational institution through the prism of postfigurative, configurative and prefigurative types of culture interaction shows that excessive postfigurative education, contrary to the prefigurative trend, leads to the implementation of irrelevant curricula that limits the development of society. At the same time, there is a lack of solidarity in society to improve the quality of education. The expansion of the education market has deprived school education of its uniqueness. Family education is a crisis practice because of a dysfunctional educational institution and a lack of funds for social actors. Actors turn to family education to preserve their own identity under conditions of instability and uncertainty. It is important to note that family education fulfils only the explicit functions of the educational institution, losing the maintenance of social continuity and community, setting a new trend of social stratification.

Keywords: educational institution, postfigurative, configurative and prefigurative types of culture, family education.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_2_120

К ВОПРОСУ ТИПОЛОГИЗАЦИИ КОМПЛАЕНС-СИСТЕМ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОМПАНИЯХ

© 2021 г.

Ю.С. Буреева

Буреева Юлия Станиславовна, заместитель декана факультета повышения квалификации
и профессиональной переподготовки
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
julia_bureeva@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 24.12.2020**Статья принята к публикации 15.04.2021*

Выявляются типологические признаки системы комплаенс в современных бизнес-структурах в аспекте превентивной защиты бизнеса и его персон от различных рисков. Изучен зарубежный опыт применения инструментов комплаенс, а также адаптивные виды в российском экономическом пространстве. Методологию исследования составил системный подход, позволяющий изучить инструменты комплаенс как социальную систему, и сравнительно-типологический анализ, направленный на выявление подходов к определению понятия. Автор указывает на необходимость теоретического уточнения понятия в целях оптимизации целей, методов и инструментов комплаенс в практическом применении на российских предприятиях и производствах.

Ключевые слова: комплаенс, типология комплаенс, опыт российских компаний, социальная ответственность бизнеса.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена инновационным характером изучаемого объекта. Комплаенс (англ. compliance – «соответствие», буквально – «повиновение») является относительно новым понятием в отечественном научно-практическом лексиконе. Применительно к сферам деятельности организаций комплаенс подразумевает направленность действий персонала в соответствии с установленными внутренними и (или) внешними правилами, требованиями, порядками; в том числе включает систему контроля за данными действиями. Единого, применяемого ко всем научным специальностям и сферам профессиональной деятельности, определения понятия «комплаенс» не существует. Базельским комитетом по банковскому надзору комплаенс-риск определяется как «риск применения юридических санкций или санкций регулирующих органов, существенного финансового убытка или потери репутации банком в результате несоблюдения им норм, касающихся банковской деятельности» [1].

В российскую предпринимательскую деятельность инструментарий комплаенс был интегрирован после того, как отечественный рынок включился в мировую экономику. Возникновению комплаенс-контроля в Российской Федерации способствовала ситуация глобальных реформ в 1990 г. и связанные с ними многочисленные инциденты экономических нарушений.

Практическая значимость работы заключается в системном рассмотрении актуальных видов комплаенс-контроля в современной российской практике.

Теоретико-методологические подходы

Методология исследования основана на системном подходе, который способствует изучению комплаенс как социальной системы (целеполагание, виды и инструментарий). Данный подход способствует комплексному рассмотрению видов комплаенс-контроля в современных российских организациях. Также в данном исследовании использован сравнительно-типологический анализ, направленный на выявление подходов к определению понятия «комплаенс» в российской нормативно-правовой и профессиональной, академической среде.

Первым нормативно-правовым положением в Российской Федерации, в котором упоминался комплекс инициатив, близких по смыслу «комплаенс», является Указание ЦБ РФ от 07.07.1999 г. № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях» [2]. А уже в 2012 г. в России образовалась самостоятельная отечественная Национальная ассоциация комплаенс. Комплаенс-контроль внедряется в культуру ведения бизнеса как со стороны государства в виде норм и законов, так и в рамках саморегулирования

рыночных субъектов. Во многом внедрение этой системы обусловлено активной работой с зарубежными партнёрами.

Вскоре эффективность комплаенс была признана и государственными структурами, что способствовало его закреплению в российском законодательстве. В 2013 г. организации обязали принимать меры по предупреждению коррупции (ст. 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции») [3]. В феврале 2020 г. принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации Федеральный закон № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» (так называемый законопроект «об антимонопольном комплаенс») [4]. В его понятийном аппарате антимонопольный комплаенс трактуется как «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства». В настоящее время Министерством экономического развития Российской Федерации разработаны и рекомендованы Международные стандарты ответственного ведения бизнеса ОЭСР. Данные рекомендации в том числе уточняют теоретические границы определения и целеполагание комплаенс: «комплекс инициатив, направленный на предупреждение противоречащих закону действий сотрудников компании и внедрение корпоративной бизнес-этики, основанной на соблюдении буквы закона» [5].

Растущий интерес к комплаенс можно наблюдать не только со стороны профессионального, но и академического сообщества. Сегодня комплаенс подвергается многостороннему анализу и осмыслению, особенно в области медицины. В экономической социологии теория комплаенс рассматривается пока в различных, не связанных между собой аспектах, и прежде всего как основная черта нового этапа развития социально ответственного бизнеса в современной России (работы О.П. Горьковой, А.В. Петрова [6], О.Р. Скопенко [7]). Отметим, что понятие комплаенс уточняется и дополняется своими формулировками и инструментами в зависимости от применения в профессиональной сфере деятельности (медицина, транспорт, промышленность и так далее).

Результаты и их обсуждение

Длительный опыт функционирования комплаенс-систем имеется в США, Великобритании и Германии. В США возникновение комплаенс-системы приходится на 1950–1960 гг. В этот период начала формироваться корпоративная культура управления – владельцы компаний

и акционеры стали практиковать передачу управления нанятым менеджерам, тем самым утратили владение информацией об истинном положении дел компании и, соответственно, контроль над бизнесом.

В 1972 г. разразился Уотергейтский скандал, в ходе которого обнаружились факты коррупции на высшем уровне государственной системы США. Резонансное событие стало причиной внесения значительных изменений в американское законодательство и распространения комплаенс-контроля в государственных службах и различных сферах бизнеса. В 1977 г. в США принят FCPA – Закон о коррупции за рубежом. В середине 2000-х гг. комплаенс стал обязательным направлением деятельности любой компании США.

Комплаенс-контроль в Великобритании получил развитие после критики ОЭСР британских законов. В апреле 2010 г. был принят Закон о взятках (UK Bribery Act) [8]. В целом британское регулирование заимствовало правоприменительную практику американского FCPA, которая распространяется не только на работников, которые являются непосредственными нарушителями, но также на взаимодействующих агентов, посредников и контрагентов.

На процесс становления комплаенс-регулирования в Германии повлияли законы Великобритании и США. Так, понимание и применение «комплаенс» немецкие законодатели переняли из американского Закона Сарбейнза–Оксли (Sarbanes-Oxley Act). Сегодня в Германии сферу комплаенс регулирует несколько нормативно-правовых положений: Международный закон Германии о противодействии взяткам и защите конкуренции (Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen, GWB) [9]; Закон о противодействии недобросовестной конкуренции (Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb, UWG) [10].

Во многих зарубежных академических исследованиях подчеркивается этическая сторона комплаенс-контроля [11].

Практический опыт как международного, так и российского уровня доказывает, что грамотно выстроенная система комплаенс в организации служит надежной защитой от правовых, финансовых нарушений, от коррупции. По сведениям, предоставленным Национальной ассоциацией комплаенс в России, сегодня «существует около 140 видов комплаенса» [12]. Активное внедрение комплаенс на предприятиях еще раз констатирует его эффективность для бизнеса.

Сущность комплаенс-системы заключается в ее подвижности и возможности адаптации под влиянием внешних и внутренних факторов. Отметим, что большое значение имеют националь-

ный менталитет, привычки и система ценностей. Таким образом, в формировании модели комплаенс участвуют различные факторы и обстоятельства. Универсальной модели комплаенс нет.

Кроме того, само по себе понятие комплаенс рассматривается в качестве дополнения к различным сферам деятельности: комплаенс-контроль, комплаенс-менеджеры, антимонопольный комплаенс и так далее. В коммерческих организациях комплаенс в основном рассматривается как система снижения рисков по определенным направлениям.

Несмотря на разнообразие сфер применения, отечественная Национальная ассоциация комплаенс выделяет наиболее универсальные и распространенные типы комплаенс для крупного бизнеса [12]:

- антикоррупционный комплаенс;
- налоговый комплаенс;
- трудовой комплаенс;
- банковский комплаенс;
- санкционный комплаенс;
- уголовно-правовой комплаенс;
- антимонопольный комплаенс.

Выделим цели и задачи каждого из перечисленных видов, приведем примеры из российской практики.

Главная цель антикоррупционного комплаенс – превентивные меры по пресечению возможных злоупотреблений собственными менеджерами, так, чтобы принимаемые ими решения ни прямо (в виде невыгодной сделки), ни косвенно (в виде незаконных операций, которые могут повлечь санкции со стороны государства) не шли во вред компании. Показательной является деятельность ПАО «ВымпелКом». Организация успешно внедрила десять направлений антикоррупционного комплаенс, это было подтверждено различными видами независимых аудитов.

Санкционный комплаенс предполагает разработку системы мероприятий, направленных на то, чтобы, во-первых, не противоречить российскому закону, во-вторых, блокировать нежелательных контрагентов, попавших под санкции. Данное направление комплаенса активно и продолжительно практикуется банковскими организациями. Например, «Ак Барс Банк» развивает санкционный комплаенс с 2016 г.

Налоговый комплаенс – по сути инициативный налоговый аудит. К нему все чаще прибегают руководители компаний с целью разработки альтернативных сценариев сделок, переоформления, их корректировки, чтобы это повлекло меньше налоговых последствий или не повлекло налоговых рисков.

Трудовой комплаенс целесообразно внедрять только в организациях со штатом сотрудников более 200 человек.

В последнее время набирает популярность такая услуга, как кадровый аудит, в ходе которого определяются основные допущенные компанией нарушения кадрового делопроизводства.

Банковский комплаенс в России закреплен в положении Центробанка «Об организации внутреннего контроля в кредитных организациях и банковских группах». Он достаточно развит и имеет три вектора комплаенс. Первый – валютный контроль. Второй реализуется в контексте Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [13]. Третий – банк, будучи коммерческой организацией, находится под действием регулятора, следовательно, должен следить, чтобы бизнес действовал правильно. Все перечисленные направления банковского комплаенс являются действующими в ПАО «Сбербанк», ПАО «ВТБ», АО «Газпромбанк».

Уголовно-правовой комплаенс предполагает анализ бизнес-процессов с точки зрения признаков хищения.

Антимонопольный комплаенс подразумевает соблюдение требований антимонопольного законодательства. В России с 2016–2017 гг. многие крупные компании стали внедрять антимонопольный комплаенс на добровольной основе, среди них: ПАО «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»», ПАО «СИБУР Холдинг», ООО «Автодор–Платные Дороги», МТС, «М.Видео», ПАО «НК «Роснефть».

Кроме того, в России существуют организации, использующие системный подход к структуризации комплаенс-функции, например финансовая корпорация «Уралсиб».

Заключение

В России система комплаенс-контроля пока распространена не в полной мере, но положительная динамика применения становится уже заметной. Применение комплаенс распространяется не только среди крупных компаний. Расширяется внутренняя система проверок на добровольной основе в компаниях различных сфер бизнеса. Представляют интерес превентивные защитные меры и принципы внедрения комплаенс в бизнес-структуру, разработанные Национальной юридической сетью. Их цель провозглашается как «снижение катастрофических и критических рисков на 96 процентов, перевод работы организации в зону допустимых

рисков в кратчайшие сроки» [14]. Данные меры представляют оптимальное сочетание международного опыта и российской специфики. В целом можно сделать вывод, что для российских компаний выстраивание комплаенс-функции является все более популярным и эффективным явлением в системе предпринимательской деятельности и представляет интерес и перспективы для дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Рекомендация Базельского комитета по банковскому надзору «Совершенствование корпоративного управления в кредитных организациях» // Правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/581945/> (дата обращения: 20.11.2020).
2. Указание ЦБ РФ от 07.07.1999г. № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях» (утратило силу в 2003 г.) // Правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/580532/> (дата обращения: 20.11.2020).
3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (с изменениями и дополнениями). Статья 13.3. Обязанность организаций принимать меры по предупреждению коррупции // Правовая система «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12164203/> (дата обращения: 20.11.2020).
4. Федеральный закон от 1 марта 2020 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // Правовая система «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/73684041/> (дата обращения: 20.11.2020).
5. Международные стандарты ответственного ведения бизнеса ОЭСР. Рекомендации для российских компаний. М.: Минэкономразвития РФ, 2002. 55 с. URL: <https://media.rspp.ru/document/1/d/5/d587e7df7>

a4fba7205fa72d761e1ac5e.pdf (дата обращения: 20.11.2020).

6. Горьковая О.П., Петров А.В. Социально ответственный бизнес и реализация целей устойчивого развития в России как возможность снижения комплаенс-рисков // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-otvetstvennyy-biznes-i-realizatsiya-tseley-ustoychivogo-razvitiya-v-rossii-kak-vozmozhnost-snizheniya-komplaens-riskov> (дата обращения: 02.12.2020).
7. Скопенко О.Р. Проблемы и перспективы реализации системы «комплаенс-контроля» в современном российском бизнесе // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=40866826> (дата обращения: 01.12.2020).
8. Государственные услуги и информация UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/bribery-act-2010-guidance> (дата обращения: 20.11.2020).
9. Gesetz gegen Wettbewerbsbeschränkungen, GWB. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gwb/> (дата обращения: 20.11.2020).
10. Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb, UWG. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/uwg_2004 (дата обращения: 20.11.2020).
11. Tyler T.R., Dienhart J.W., Thomas T. The ethical commitment to compliance: Building value-based cultures // California Management Review. 2008. Vol. 50. № 2. P. 31–51. DOI: 10.2307/41166434.
12. Национальная Ассоциация комплаенс. Актуальные виды комплаенса в 2020 году. URL: <https://www.compliance.su/> (дата обращения: 01.12.2020).
13. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/12123862/> (дата обращения: 20.11.2020).
14. Национальная юридическая сеть. URL: <https://www.legal-network.ru/uslugi/compliance-kompleksnay-a-sistema> (дата обращения: 01.12.2020).

ON TYPOLOGY OF COMPLIANCE SYSTEMS IN RUSSIAN COMPANIES

Y.S. Bureeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The study highlights the typological characteristics of the compliance system in modern business structures with a particular focus on the application of such systems for the preventive protection of business and its staff from various risks. The author studied foreign experience of the application of compliance tools, as well as adaptive types in the Russian economic environment. The methodology of the research was based on a systematic approach, which was used to study compliance tools as a social system, and a comparative-typological analysis aimed at identifying approaches to the definition of the concept. The author points out lack of theoretical clarification of the concept, which has to be made up in order to optimize the objectives, methods and tools of compliance for their effective practical application at Russian enterprises and production facilities.

Keywords: compliance, compliance typology, experience of Russian companies, social responsibility of business.

УДК 316.1

DOI 10.52452/18115942_2021_2_124

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ ВЕРУЮЩИХ И НЕВЕРУЮЩИХ СТУДЕНТОВ

© 2021 г.

Д.Е. Ивашечкина

Ивашечкина Дарья Евгеньевна, аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
dashaivash@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 28.01.2021**Статья принята к публикации 12.04.2021*

Представлены результаты авторского исследования образа семьи у верующих и неверующих студентов Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Выявлены четыре группы религиозности на основе самоидентификации студентов: «православные» (34%), «верящие без религии» (17%), «агностики» (22%) и «атеисты» (19%). С опорой на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), исследование религиозности россиян Я.М. Рощиной, региональное исследование студенческой религиозности Г.С. Широкаловой, О.К. Шиманской, А.В. Аникиной, а также на инструментарий исследований специфики религиозных воззрений К.Р. Гафиятуллиной и В.В. Форсовой предпринята попытка анализа семейных ценностей студентов ННГУ в соответствии с их религиозными воззрениями с помощью факторного анализа и кластерного анализа методом *k*-средних. В результате выявлено три кластера студентов, различающихся отношением к традиционным и эгалитарным брачно-семейным нормам.

Ключевые слова: студенты, молодёжь, семейные ценности, религиозные убеждения, брачно-семейные установки.

Введение

Трансформация института семьи в России рассматривается исследователями с точки зрения уменьшения размера семьи и процесса нуклеаризации. По итогам Всероссийской переписи 2010 г., широкий круг родственников включают только 10% всех домохозяйств. Значительная доля (15%) представлена домохозяйствами, включающими только мать или только отца с детьми. Более половины составили домохозяйства супружеской пары с детьми или без них [1].

Уменьшается число заключаемых браков. Коэффициент брачности снизился к 2019 г. до 6.5‰, тогда как в 2009 г. он составил 8.4‰ [2].

Наряду с широко обсуждаемым процессом трансформации брачно-семейных установок современного общества отмечается и изменение роли и места религии в жизни россиян, оценивается вероятность её влияния на семейные ценности.

На основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE), проводящегося ежегодно с 1994 г. на всей территории России, Я.М. Рощина в 2016 г. представила анализ религиозности россиян. Автор указывает, что количество россиян, идентифицирующих себя с верующими, ежегодно растёт, однако это не соотносится со следованием религиозным обрядам, а отношение россиян к религиозным ценностям доста-

точно неоднозначно. Респонденты указывают, что обратились к вере под влиянием старших родственников или из-за жизненных обстоятельств (более половины православных стали верующими, когда повзрослели) [3].

Данные того же мониторинга 2017 г. показывают, что 32% респондентов считают себя верующими, 43% – скорее верующими, скорее неверующими – 13%, неверующими – 6%, атеистами себя считают только 3% опрошенных. Среди молодёжи от 18 до 25 лет 28% считают себя верующими, 36% скорее верующими, скорее неверующими – 15%, неверующими – 10%, атеистами – 6% [4].

Результаты социологического опроса, проведённого в 2016 г. среди студентов нижегородских вузов ($N=1332$), демонстрируют, что большинство из них относят себя к православным (73% девушек и 65.8% юношей). Атеизм распространён среди 5.7% девушек и 10% юношей. Треть респондентов отметили, что их семья религиозна [5].

Представляется актуальным исследование семейных ценностей студентов в зависимости от их религиозных взглядов на фоне повышения роли религии в современной России.

Гипотезу исследования составило предположение, что семейно-брачные установки современных студентов связаны с их религиозными убеждениями.

Методология

Основываясь на положении Т. Парсонса об обусловленности поддержания ценностных ориентаций индивида взаимодействием культурной подсистемы с обществом посредством религии, представляем возможным рассмотрение религиозных установок в их взаимосвязи с общей системой ценностей [6].

В период с декабря 2018 г. по апрель 2019 г. было проведено авторское социологическое исследование ценностных установок студентов ННГУ. Метод исследования – анкетный опрос.

ННГУ является крупнейшим классическим вузом Приволжского федерального округа, в котором проходят обучение по различным направлениям студенты не только Нижегородской области, но и других регионов России, что позволяет более полно изучить представления учащейся молодёжи об исследуемой проблеме.

Анкетирование проводилось с учетом результатов пилотного исследования ценностных и религиозных установок студентов ННГУ с декабря 2016 г. по апрель 2017 г. [7].

Процедура формирования выборки – двухступенчатая: квотная по полу и районированная по направлению обучения (I группа специальностей: естественно-научные и технические; II группа: общественные и гуманитарные специальности).

Объём выборки при 95% доверительном интервале составляет 350 чел., из которых 84 юноши и 49 девушек из первой группы; 82 юноши и 135 девушек из второй группы.

В связи с организационными трудностями в процессе анкетирования полностью соблюсти квоты не удалось. В результате было опрошено 310 студентов бакалавриата очной формы обучения (35% юноши и 65% девушки), 39% которых составили студенты естественно-научных и технических направлений (из них 34% юноши и 66% девушки), и 61% – гуманитарных и общественных (из них 35% юноши и 65% девушки). Статистически значимой разницы в ответах студентов представленных направлений подготовки выявлено не было, поэтому дальнейший анализ включает сравнение мнений юношей и девушек.

Студентов первого курса представлено 29%, как и студентов третьего курса, второго – 17%, четвертого – 24%.

Половина опрошенных студентов из Нижнего Новгорода, около трети – из города или села в Нижегородской области (27%), 5% студентов приехали из другого областного центра, а 16% – из города или села в другой области.

Результаты

Больше трети студентов (34%) относят себя к православным верующим. К агностикам относят себя 22%. Атеизм распространён среди 19% студентов, вера без религии – среди 17%, ислам, так же как и буддизм и протестантизм, распространён среди 1% студентов. На основе религиозной самоидентификации студентов были выделены четыре наиболее многочисленные группы студентов: «православные», «верящие без религии», «агностики» и «атеисты» ($N = 286$).

К православным относим студентов, которые назвали себя таковыми, без опоры на степень их воцерковлённости (соблюдение канон, знание догматики).

Верят без религии студенты, которые не могут отнести себя к определённой конфессии, но при этом верят в «высшие силы».

В исследовании была выявлена группа агностиков – студенты не могут с уверенностью утверждать как существование Бога, так и его отсутствие. В пилотном исследовании 2016 – 2017 гг. такой группы не было представлено в вариантах ответов закрытого вопроса о вероисповедании, однако примерно 3% респондентов назвали себя агностиками, вписав этот ответ самостоятельно. При включении такого варианта ответа в инструментарий исследования 2018 – 2019 гг. доля студентов, относящих себя к агностикам, значительно увеличилась и составила 22%.

Так как организационные трудности не позволили представить репрезентативное количественное соотношение юношей и девушек в выборке, для сравнения студентов по полу была проведена процедура взвешивания. В результате было выявлено, что процент девушек среди православных студентов вдвое выше процента юношей и составляет 44%. Треть юношей и пятая часть девушек относят себя к агностикам. К атеистам себя причисляют 19% девушек и 25% юношей. Вере без религии подвержены 22% юношей и 17% девушек (табл. 1.1).

Результаты опроса, проведённого в 2016 г. под руководством Г.С. Широкаловой среди студентов нижегородских вузов, также демонстрируют преобладание девушек среди православных верующих [5].

26% студентов верят с детства, а четверть неверующих стали таковыми, когда повзрослели. Пятая часть – не верит с детства.

Более половины семей респондентов в основном придерживаются религиозных взглядов (53%), четверть – безразличны как к религиозной вере, так и к атеизму.

Ожидаемо, среди православных студентов, в сравнении со студентами других религиозных

Таблица 1.1

Вероисповедание студентов [7], %

Вероисповедание	Юноши	Девушки
Православие	22	44
Вера без религии	22	17
Агностицизм	31	20
Атеизм	25	19

Разница статистически значима при $\chi^2 < 0.05$.

Таблица 1.2

Вероисповедание студентов [7], %

Вероисповедание	Все
Православие	34
Вера без религии	17
Агностицизм	22
Атеизм	19

Таблица 2

Религиозные взгляды семей респондентов [9], %

Члены семьи придерживаются...	Православные	«Верят без религии»	Агностики	Атеисты
в основном религиозных взглядов	69	43	43	45
в основном атеистических взглядов	1	4	4	8
безразличны как к религиозной вере, так и к атеизму	10	33	36	32
Затруднились ответить ¹	20	19	16	13

Разница статистически значима при $\chi^2 < 0.05$.

Таблица 3

Причины выбора религиозной позиции (возможны несколько вариантов ответа) [9], %

На выбор религиозной позиции повлияли...	Православные	«Верят без религии»	Агностики	Атеисты
семья, родственники	85	43	34	13
друзья	4	15	24	13
жизненная ситуация (потеря близких, проблемы со здоровьем, проблемы в общении с окружающими и др.)	27	26	16	13
утрата жизненных ориентиров, интереса к жизни ²	5	17	15	7

Разница статистически значима при $\chi^2 < 0.05$.

групп, значительно выше процент тех, чьи родственники придерживаются религиозных взглядов (69%), и вдвое ниже процент тех, чьи семьи безразличны как к религиозной вере, так и к атеизму (табл. 2).

В качестве причин, повлиявших на выбор религиозной позиции, 85% православных указали влияние семьи или родственников, что при низкой степени воцерковленности респондентов может обуславливаться отождествлением религии с культурными и семейными традициями. Среди «верящих без религии» таковых 43%, среди агностиков – 34%, среди атеистов – 13%. Сложная жизненная ситуация стала одним из определяющих факторов выбора религиозной позиции почти для четверти православных и четверти «верящих без религии» (табл. 3).

Исходя из представленного распределения респондентов по группам верований/неверия,

представляет интерес анализ ответов на вопросы, касающиеся семейных ценностей и планов о создании семьи.

Студентам были заданы вопросы, сколько детей должно быть в идеальной, на их взгляд, семье, а также сколько детей планируют они сами.

Четверть православных студентов считают, что идеальная семья – это семья с тремя и более детьми. Этот вариант ответа не получил такого распространения среди других групп студентов. Чуть меньше половины агностиков и атеистов хотели бы двоих детей, среди «верящих без религии» двоих детей выбрали 55%, а среди православных – 62%. Около трети «верящих без религии» и агностиков затруднились с ответом на этот вопрос, среди атеистов таковых 18%, среди православных – только 9% (табл. 4.1).

То же касается и ответов о количестве детей, которые студенты хотели бы видеть в своей бу-

Таблица 4.1

Количество детей в идеальной семье [7], %

Количество детей	Православные	«Верят без религии»	Агностики	Атеисты
Ни одного	0	4	6	5
Один	5	3	7	22
Двое	62	55	48	43
Трое и больше	25	9	15	12
Затруднились ответить	9	28	24	18

*Разница статистически значима при $\chi^2 < 0.05$.

Таблица 4.2

Планируемое количество детей в собственной семье [7], %

Количество детей	Православные	«Верят без религии»	Агностики	Атеисты
Ни одного	0	21	15	25
Один	5	7	9	17
Двое	54	37	48	32
Трое и больше	18	6	6	3
Затруднились ответить	23	28	22	23

Разница статистически значима при $\chi^2 < 0.05$.

Таблица 5

Мнения студентов о том, чьей обязанностью в семье является ведение домашнего хозяйства [7], %

Обязанности	Православные	«Верят без религии»	Агностики	Атеисты
Обязанность мужа	0	0	0	0
Обязанность жены	7	2	0	7
В большей степени – обязанность мужа, но и жена должна участвовать	4	2	3	2
В большей степени – обязанность жены, но и муж должен участвовать	43	24	24	10
Муж и жена должны участвовать в равной мере	47	70	70	82
Затруднились ответить	0	2	3	0

Разница статистически значима при $\chi^2 < 0.05$.

дущей семье. Процент тех, кто планирует троих и больше детей, выше среди православных студентов (18%), при этом среди них нет тех, кто не планирует детей вообще, тогда как этот вариант ответа выбрали четверть атеистов, 21% «верящих без религии» и 15% агностиков. Большинство студентов в каждой группе планируют двоих детей в собственной семье. Около трети «верящих без религии» и четверть студентов в других группах затруднились с ответом на заданный вопрос (табл. 4.2).

В большинстве своём студенты полагают, что обязанности по ведению домашнего хозяйства муж и жена должны делить между собой поровну. Однако если в группах «верящих без религии», агностиков и атеистов согласных с этим большинство, то среди православных таковых менее половины (47%), 43% утверждают, что ведение домашнего хозяйства в большей степени обязанность жены, но муж должен принимать участие (табл. 5).

Существенные различия между группами верующих в ответах на вопрос о разделении обязанностей по воспитанию детей не выявле-

ны, однако взвешенные по полу значения переменных демонстрируют статистически значимую разницу в ответах юношей и девушек.

Абсолютное большинство девушек полагают, что муж и жена должны заниматься воспитанием детей в равной мере. Согласных с этим юношей 77%. Чуть меньше 10% из них считают, что воспитывать детей в большей мере должен муж, и такое же количество студентов утверждают, что заниматься воспитанием ребёнка должна в большей степени жена.

Обобщая, стоит отметить преимущественно эгалитарные взгляды студентов на семью и брак. Несколько отлична позиция тех, кто отождествляет себя с православными верующими.

Студентам предлагалось оценить степень своего согласия с утверждениями, использованными в исследовании 1997 – 1999 гг. В.В. Форсовой и Г.М. Денисовским. Авторы сравнивали особенности семейных ценностей венчанных и невенчанных супружеских пар, заключивших брак в период с 1990 г. по 1997 г. в г. Москве и в г. Череповце [8]³.

Таблица 6

Согласие студентов с утверждениями (1 – скорее/совершенно не согласны; 2 – и да, и нет, затруднились ответить; 3 – скорее/совершенно согласны), %

Утверждения		Православные	«Верят без религии»	Агностики	Атеисты
«Основа семейного счастья – это готовность супругов жертвовать личными интересами ради другого» [8]	1	14	29	15	36
	2	22	28	39	28
	3	64	43	36	36
«Семейное счастье строится самими супругами, никем и ничем больше» [8]	1	2	6	5	8
	2	9	11	11	10
	3	90	83	84	83
«Религия играет важную роль в моей жизни» [7]	1	36	78	91	95
	2	38	17	9	5
	3	26	6	0	0
«Я по возможности соблюдаю все предписания (в соответствии с вероисповеданием)» [7]	1	62	79	93	94
	2	31	15	6	5
	3	7	6	1	2
«Я верю в судьбу» [7]	1	18	32	33	49
	2	27	28	34	27
	3	55	41	32	24
«Я верю в приметы» [7]	1	46	55	63	78
	2	26	30	28	15
	3	29	15	9	7
«Я верю в гадания» [7]	1	65	68	76	89
	2	23	22	16	10
	3	13	9	7	2
«Я верю в реинкарнацию» [7]	1	45	29	56	67
	2	35	24	27	20
	3	21	47	16	11

Разница статистически значима при $\chi^2 < 0.05$.

В целом, все группы студентов согласны с утверждением, что «семейное счастье строится самими супругами, никем и ничем больше» [8].

Согласных с тем, что «основа семейного счастья – это готовность супругов жертвовать личными интересами ради другого» [8], намного больше среди православных (64%) и «верящих без религии» (43%), тогда как с этим согласны 36% агностиков и столько же атеистов (табл. 6).

Для выявления особенностей религиозного мировоззрения студентам также было предложено высказать согласие или несогласие с несколькими утверждениями (см. табл. 6).

По утверждению только четверти православных студентов, религия в их жизни играет важную роль. Более половины православных студентов не соблюдают предписания в соответствии с вероисповеданием. Более половины из них верят в судьбу, треть – в приметы, 13% – в гадания, более 20% верят в реинкарнацию.

«Верящие без религии» тоже подвержены вере в судьбу (41%) и в приметы (15%). Почти

половина из них верит в реинкарнацию, что намного больше, чем в других группах (47%).

Агностики и атеисты подвержены суевериям в меньшей степени (табл. 6).

Далее следовали утверждения о допустимости и недопустимости тех или иных норм и установок брачно-семейного поведения. Статистически значимая разница зафиксирована при оценке допустимости гомосексуальных связей, использования средств контрацепции для регулирования рождения детей и аборт по медицинским показаниям.

Православные студенты в меньшей степени одобряют гомосексуализм (22%), студенты остальных групп относятся к этому лояльнее. Среди атеистов процент считающих гомосексуальные связи допустимыми намного выше других групп (62%).

Более 80% православных и «верящих без религии» и более 90% агностиков и атеистов допускают использование средств контрацепции для регулирования рождения детей.

Таблица 7

Согласие студентов с утверждениями (1 – скорее/совершенно не согласны; 2 – и да, и нет, затруднились ответить; 3 – скорее/совершенно согласны), %

Утверждения		Православные	«Верят без религии»	Агностики	Атеисты	Все
Гомосексуальные связи*	1	63	35	27	31	42
	2	13	21	18	7	16
	3	22	44	55	62	42
Использование средств контрацепции для регулирования рождения детей*	1	5	6	1	3	4
	2	11	9	7	3	8
	3	84	85	91	93	87
Аборт по медицинским показаниям*	1	11	9	4	6	9
	2	23	17	12	5	16
	3	67	73	84	88	76
Аборт по собственному желанию	1	54	24	17	12	31
	2	22	17	21	10	19
	3	24	59	61	78	51

*Разница статистически значима при $\chi^2 < 0.05$.

Аборт по медицинским показаниям допускают практически 90% агностиков и атеистов и 73% «верящих без религии». Среди православных таковых меньше – 67%.

Статистически значимых различий в степени согласия и несогласия с утверждением о допустимости абортов по собственному желанию среди представленных групп выявлено не было. В целом, половина всех студентов считают аборты по собственному желанию допустимыми, треть с этим не согласны, 19% затруднились ответить (табл. 7).

Для проведения факторного анализа в качестве переменных было выделено 17 вопросов анкеты, выражающих степень согласия или степень допустимости суждений, касающихся брачно-семейных установок:

1. «Только уповая на Бога и Его помощь, можно достичь счастья в семейной жизни.

2. Основа семейного счастья – это готовность супругов жертвовать личными интересами ради другого.

3. Залог семейного счастья – духовное единство, единомыслие супругов.

4. Семейное счастье строится самими супругами, никем и ничем больше.

5. Основа семейного счастья – сохранение каждым из супругов своих личных интересов в браке.

6. Залог семейного счастья – это взаимная, чувственная страсть супругов» [8].

7. Добрачные сексуальные связи для мужчины.

8. Добрачные сексуальные связи для женщины.

9. Супружеские измены для мужчины.

10. Супружеские измены для женщины.

11. Сожительство.

12. Невенчаный брак/не освященный в церкви (в соответствии с вероисповеданием).

13. Развод.

14. Гомосексуальные связи.

15. Использование средств контрацепции для регулирования рождения детей.

16. Аборт по медицинским показаниям.

17. Аборт по собственному желанию.

Методом главных компонентов была получена двухфакторная модель, объясняющая способность которой составила 42%, мера адекватности выборки Кайзера–Майера–Олкина равняется 0.787.

В первый фактор («прагматизм в брачно-семейных установках») вошли суждения о допустимости невенчанного брака, абортов, разводов, добрачных сексуальных связей, гомосексуальных связей, сожительств и использования средств контрацепции для регулирования рождения детей с положительными факторными нагрузками и суждения о жертвенности супругов в браке, о важности обращения к Богу для обретения семейного счастья – с отрицательными.

Во второй фактор («доверительные отношения между супругами») вошли суждения о взаимоотношениях супругов с положительными факторными нагрузками и о допустимости супружеских измен для мужчин и женщин – с отрицательными.

Суждение «Основа семейного счастья – сохранение каждым из супругов своих личных интересов в браке» не вошло ни в один из факторов (табл. 8).

На основе полученных факторов была проведена кластеризация объектов методом k-средних с установкой начальных центров кла-

Таблица 8

Повёрнутая матрица компонентов		
Суждения о брачно-семейных установках	Компонент	
	1	2
Невенчанный брак / не освящённый в церкви (в соответствии с вероисповеданием)	.774	-.023
Аборт по собственному желанию	.765	-.157
Развод	.760	-.205
Добрачные сексуальные связи для женщины	.745	-.030
Добрачные сексуальные связи для мужчины	.745	.113
Аборт по медицинским показаниям	.677	.028
Гомосексуальные связи	.667	-.084
«Только уповая на Бога и Его помощь можно достичь счастья в семейной жизни» [8]	-.620	-.002
Сожительство	.618	.062
Использование средств контрацепции для регулирования рождения детей	.584	.057
«Основа семейного счастья – это готовность супругов жертвовать личными интересами ради другого» [8]	-.405	.210
«Основа семейного счастья – сохранение каждым из супругов своих личных интересов в браке» [8]	.236	.212
Супружеские измены для мужчины	.069	-.774
Супружеские измены для женщины	.081	-.766
«Залог семейного счастья – это взаимная, чувственная страсть супругов» [8]	-.029	.553
«Залог семейного счастья – духовное единство, единомыслие супругов» [8]	-.211	.456
«Семейное счастье строится самими супругами, никем и ничем больше» [8]	.189	.455

Метод выделения факторов: метод главных компонентов.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.^a

^a. Вращение сошлось за 3 итерации.

Таблица 9.1

Число наблюдений в каждом кластере		
Кластер	Либералы	97
	Традиционалисты	84
	Верующие	22
	Индивидуалисты	16
	Неопределившиеся	69
Валидные		288
Пропущенные		22

Таблица 9.2

Конечные центры кластеров		
Кластер	Фактор «прагматизм в брачно-семейных установках»	Фактор «доверительные отношения между супругами»
Либералы	.78911	.59425
Традиционалисты	-.89078	.58878
Верующие	-1.67222	-1.28942
Индивидуалисты	.70035	-2.36744
Неопределившиеся	.34588	-.59209

стеров. В результате было получено 5 кластеров, каждый из которых получил название, представленное в табл. 9.1, 9.2.

Из-за небольшого количества наблюдений, составивших кластеры «верующие» и «индивидуалисты», представляется целесообразным рассмотреть подробнее характеристики остальных кластеров.

Ожидаемо, что кластер «традиционалистов» в большинстве своём составляют православные студенты, их здесь 65%.

Среди «либералов» чуть больше трети атеистов, 27% агностиков, 22% православных и 20% «верящих без религии».

В кластере «неопределившиеся» треть православных и примерно столько же агностиков, 21% «верят без религии» и 17% атеистов (табл. 10.1).

Большая часть юношей оказалась в кластере «либералов» (43%), треть в «традиционалистах» и около трети – в «неопределившихся». Чуть меньше 40% девушек в кластере «либералов», 35% – в «традиционалистах» и 28% – в «неопределившихся» (табл. 10.2).

Абсолютное большинство «традиционалистов» планируют создать семью, так же как и 64% «неопределившихся». Среди «либералов» этот процент ниже – 59%, четверть из них ещё не задумывались об этом (табл. 11).

Таблица 10.1

Характеристика кластеров, %			
Религиозные взгляды	Либералы	Традиционалисты	Неопределившиеся
Православные	22	65	30
«Верят без религии»	20	16	21
Агностики	27	11	32
Атеисты	32	8	17

Таблица 10.2

Характеристика кластеров, %		
	Мужчины	Женщины
Либералы	43	37
Традиционалисты	30	35
Неопределившиеся	27	28

Таблица 11

Планы студентов о создании семьи [7], %			
Планы создания семьи	Либералы	Традиционалисты	Неопределившиеся
Уже создали	4	2	1
Планируют	59	88	64
Не планируют	11	1	13
Ещё не задумывались	26	7	22

Таблица 12

Религиозные взгляды семей респондентов [9], %			
Ваша семья придерживается...	Либералы	Традиционалисты	Неопределившиеся
в основном религиозных взглядов	51	70	41
в основном атеистических взглядов	4	1	3
Безразличны как к религиозной вере, так и к атеизму	27	13	39
Затруднились ответить	19	15	17

Таблица 13

Религиозные взгляды респондентов, %			
Взгляды	Либералы	Традиционалисты	Неопределившиеся
Не верят с детства	30	10	22
Стали неверующими, когда повзрослели	34	11	33
Верят с детства	9	54	17
Стали верующими, когда повзрослели	5	1	6
Затруднились ответить	22	25	22

Более 50% представителей кластера «либералы» утверждают, что их семья придерживается в основном религиозных взглядов, среди «традиционалистов» таких 70%, среди «неопределившихся» – 41%. Около трети «либералов», 39% «неопределившихся» и 13% «традиционалистов» полагают, что члены их семей безразличны как к религиозной вере, так и к атеизму (табл. 12).

Что касается особенностей религиозных взглядов самих респондентов, то треть кластера «либералы» не верят с детства, чуть больше трети стали неверующими, когда повзрослели. Более половины «традиционалистов» являются с детства верующими. Треть «неопределившихся» стали неверующими, когда повзрослели; больше 20% не верят с детства, а 17%, напротив, – верят с

детства (табл. 13). Такое распределение ответов ожидаемо в связи с представленным ранее религиозным составом каждого кластера.

Результаты кластерного анализа позволяют определить зависимость между брачно-семейными установками студентов и их религиозными взглядами, которые, в свою очередь, могут быть обусловлены религиозной позицией членов семьи респондентов, как, например, в кластере «традиционалистов».

Таким образом, при исследовании конфессиональной принадлежности студентов ННГУ было выяснено, что 34% из них относятся к православным, примерно пятая часть – к агностикам, 17% – к «верящим без религии» и 19% – к атеистам. Большую часть православных студентов составили девушки.

Взгляды религиозной части студентов зачастую синкретичны и противоречивы. Следование религиозной догматике не распространено даже среди той части студентов, которая относит себя к верующим. Среди православных студентов ННГУ зафиксирована большая доля тех, кто отчасти верит и в мистическое. Доля воцерковленных православных оказалась крайне мала.

Процедура кластерного анализа способствовала выделению трёх кластеров в зависимости от отношения к традиционным и эгалитарным семейным ценностям. В кластере «традиционалистов» больше православных студентов, а в кластере «либералов» – атеистов.

Стоит подчеркнуть, что православные студенты чаще студентов других групп показывают большее стремление к созданию семьи, рождению детей, классическому распределению семейных обязанностей между мужем и женой. Это позволяет говорить о соответствии взглядов этой части студентов с основами семейных ценностей православия. Атеисты же и агностики менее восприимчивы к традиционным семейным ценностям.

Гипотеза исследования, что брачно-семейные установки студентов соотносятся с их религиозными убеждениями, подтвердилась.

Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых учёных – кандидатов наук, проект № МК-641.2021.2 «Дискурсивные практики немодального родительства: общественное мнение и государственная политика».

Примечания

1. Здесь приведены суждения, включённые в инструментарий с опорой на исследование К.Р. Гафиятуллиной, проведённое в 2014 – 2017 гг. [9].

2. Здесь приведены суждения, включённые в инструментарий с опорой на исследование К.Р. Гафиятуллиной, проведённое в 2014 – 2017 гг. [9].

3. Здесь и далее приведены суждения, включённые в инструментарий с опорой на исследование право-

славных и семейных ценностей В.В. Форсовой и Г.М. Денисовского, проведённое в 1997 – 1999 гг. [8].

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения–2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (дата обращения: 15.09.2020).
2. Браки и разводы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/12781>. (дата обращения: 15.09.2020).
3. Рощина Я.М. Роль религии в жизни россиян // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE). Вып. 8: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П.М. Козырева. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. С. 100–112.
4. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.crc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).
5. Широкалова Г.С., Шиманская О.К., Аникина А.В. Существуют ли гендерные особенности религиозности студенческой молодежи? // СОЦИС. 2016. № 6. С. 77–83.
6. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
7. Кутявина Е.Е., Ивашечкина Д.Е. Место религии в системе ценностей студентов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. №1. С. 87–93.
8. Форсова В.В. Православие и семья (опыт эмпирического анализа) // Актуальные проблемы семей в России / Ред. Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 131–148.
9. Гафиятуллина К.Р. Влияние религиозных ориентаций на повседневное поведение студенческой молодежи: социологический анализ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2018. 19 с.

FAMILY VALUES OF RELIGIOUS AND IRRELIGIOUS STUDENTS

D.E. Ivashchikina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article presents the results of the author's research of the family image of religious and irreligious students of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. On the basis of students' self-identification, four groups of religiosity were identified: «Orthodox» (34%), «Believers without religion» (17%), «Agnostics» (22%) and «Atheists» (19%). Based on the data of the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population issued by National Research University Higher School of Economics (RLMS HSE), the study of the religiousness of Russians by Ya.M. Roshchina, the regional study of student religiousness by G.S. Shirokalova, O.K. Shimanskaya, A.V. Anikina, as well as the tools for research into the specifics of religious beliefs by K.R. Gafiyatullina and V.V. Forsova, an attempt was made to analyze the family values of Novosibirsk State University students in accordance with their religious beliefs through factor analysis and cluster analysis using the k-average method. As a result 3 clusters of students were revealed depending on their attitude to traditional and egalitarian marriage and family attitudes.

Keywords: students, youth, family values, religious beliefs, marriage and family attitudes.

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2021_2_133

СЕМЕЙНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТАТУСНО-РОЛЕВОГО ПОДХОДА

© 2021 г.

Е.С. Рябинская

Рябинская Елена Сергеевна, аспирантка кафедры общей социологии и социальной работы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Ryabinskaya95@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 01.02.2021**Статья принята к публикации 12.04.2021*

Трансформации, происходящие в сфере брачно-семейных отношений, меняют не только структуру семьи, но и мир внутрисемейного взаимодействия. Изменение положения мужчин и женщин в семейном пространстве актуализирует проблему изучения мужских и женских ролей в современной семье с точки зрения статусно-ролевого подхода. С этой целью в статье рассматриваются основные категории и положения статусно-ролевой теории, представляются результаты эмпирических исследований, проведенных с участием автора в Нижнем Новгороде и Нижегородской области в 2020 г. методом анкетного опроса, и официальные статистические данные Нижегородстата.

Структурируется набор статусных ролей студенческой молодежи, выделяется доминирующий социальный статус. Выявляется ориентация молодых людей на супружеский тип семьи. Определяется оптимальный возраст перехода мужчин и женщин в статус супруга и родителя. Анализируется распределение семейных обязанностей между партнерами. Выявляется ориентация молодых людей на эгалитарный тип семьи. Подчеркивается разный темп эгалитаризации семейных отношений в представлениях юношей и девушек. Акцентируется внимание на роли отца и возможности мужчины взять отпуск по уходу за ребенком. Сравнивается отношение к данному вопросу молодых людей и женщин старшего возраста.

Ключевые слова: статусно-ролевой подход, супружество, родительство, отцовство, распределение семейных обязанностей, инструментальные и экспрессивные функции, эгалитаризм, традиционализм.

Введение

Трансформации, происходящие в сфере брачно-семейных отношений в России на протяжении второй половины XX – начала XXI века, затронули не только структурные характеристики семьи, отражающиеся в динамике демографических показателей, но и систему ролевого взаимодействия в семье, изменения в которой проявляются в вариативности образцов семейного, брачного, родительского поведения и могут стать источником новых проблем и противоречий [1, с. 56–58]. Сегодня позиции мужчины и женщины во внутрисемейном взаимодействии меняются. Происходит трансформация супружеских, детско-родительских, sibлинговых, межпоколенных отношений. Это определенным образом сказывается на социальных отношениях вообще, так как изменение положения в социальной структуре общества и изменение статусно-ролевой позиции в семейном пространстве взаимосвязаны. Исходя из этого, целью статьи является изучение мужских и женских ролей в современной семье с точки зрения статусно-ролевого подхода.

Методология

Одно из центральных мест в системе современного социологического знания занимают проблемы человека и личности, исследование социально-типических характеристик личности, выраженных в системе статусов, позиций, ролей и диспозиций.

Р. Мертон в работе «Социальная теория и социальная структура» (1957 г.) отмечал, что «...для описания и анализа социальной структуры фундаментальное значение имеют два понятия – социального статуса и социальной роли» [2, с. 538]. Он раскрывает данные категории, опираясь на работу Р. Линтона «Наука о человеке» (1936 г.), после выхода которой понятия статуса и роли стали регулярно использоваться для анализа социальных структур: социальный статус – «...положение в социальной системе, занимаемое определенными индивидами...», социальная роль – «...поведение, в котором реализуются ожидания, связанные с этим положением» [2, с. 538].

В научной справочной литературе определения социального статуса выдержаны в том же духе. Например, «положение, занимаемое ин-

дивидом <...> в обществе или в отдельной его подсистеме и определяемое по ряду специфических для данного общества (подсистемы) признаков (экономических, национальных, возрастных и др.)» [3, с. 591–592]. Содержание понятия раскрывается через социальную роль: «совокупность прав и обязанностей индивида или социальной группы, связанная с выполнением ими определенной социальной роли» [4, с. 343]. Социальный статус – позиция индивида в социальной структуре, которой соответствуют определенные права и обязанности, поведенческие ожидания, определяемые спецификой конкретного общества.

Общепринята классификация статусов на приписанные/предписанные/аскриптивные и приобретенные/достигаемые/достигнутые. Предписанный статус человек получает автоматически, при рождении или в течение жизни благодаря внешним, не контролируемым человеком факторам, вне зависимости от его личных усилий (пол, национальность, социальное происхождение). Статусы не равны. Большое значение имеет стартовая позиция индивида, поскольку она во многом определяет его взгляд на общество, условия социализации, возможности и перспективы, дальнейшее поведение. Достижимый статус человек приобретает по своему выбору, благодаря собственным усилиям и достижениям в той или иной области, при помощи тех или иных социальных лифтов (образование, профессиональная квалификация, семейное положение). Основной/доминирующий статус превалирует над другими и имеет особое значение для формирования и развития социальной идентичности личности. Соотношение социального статуса человека и господствующей в данном обществе системы ценностей позволяет определить уровень его социального престижа. Люди с одинаковыми статусами имеют схожие оценки социальной действительности, ведут похожий образ жизни [5, с. 360–361; 6, с. 199; 3, с. 591].

Т. Парсонс в работе «Система современных обществ» (1971 г.) писал, что структуру социальных систем, образующихся в результате социального взаимодействия, можно анализировать с помощью переменных ценностей, норм, коллективов и ролей, каждая из которых выполняет свою функцию [7, с. 18]. Роль выполняет адаптивную функцию: «С ее помощью определяется класс индивидов, которые посредством взаимных ожиданий включаются в тот или иной коллектив» [7, с. 19].

В социологической литературе можно найти следующие определения социальной роли: «динамический аспект реализации того или иного статуса» [8, с. 168–169]; «совокупность соци-

ально определяемых атрибутов и ожиданий, связанных с определенной социальной позицией» [9, с. 399]; «совокупность норм, определяющих поведение действующих в социальной системе индивидов» [4, с. 307]. Социальная роль – совокупность действий индивида, основанных на определенных нормативных требованиях и ожиданиях, соответствующих занимаемой индивидом позиции в социальной структуре общества.

Одним из видов социальных ролей являются семейные роли, которые, в свою очередь, включают роли, связанные с супружеской подсистемой (муж, жена), детско-родительской (отец, мать, сын, дочь), sibлинговой (брат, сестра), межпоколенной (дедушка, бабушка, внук, внучка). Существуют и замещающие семейные роли (опекун, отчим, мачеха).

Согласно Т. Парсонсу (Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process, 1955), во всех социальных системах, в том числе в семье, происходит дифференциация ролей по половому признаку. Поскольку женщина вынашивает и вскармливает ребенка в силу своих биологических особенностей, то есть исполняет экспрессивные функции, мужчина вынужден реализовывать себя в инструментальном направлении. Такому распределению ролей способствуют разграничение частной и публичной сфер жизни общества, в результате которого реализация инструментальной функции возлагается на мужчину; и нуклеаризация семьи, вследствие которой женщина вынуждена самостоятельно исполнять экспрессивные функции [10, с. 100–101]. Но сегодня мир внутрисемейного взаимодействия меняется, и однозначно говорить о разделении ролей на мужские и женские нельзя.

Понятия статуса и роли неразрывно связаны. Р. Линтон отмечал, что любой индивид обладает множеством статусов, каждому из которых соответствует своя особая роль. Однако Р. Мертон настаивал на том, что отдельный статус одновременно связан с несколькими ролями [2, с. 538–539]. Социолог проводит различие между двумя понятиями: множественность ролей, обозначающая «...комплекс ролей, связанных не с одним социальным статусом, но с различными статусами (часто в различных институциональных сферах), занимаемыми тем или иным индивидом» [2, с. 539–540], и набор ролей, под которым он понимает «...полный комплект ролевых отношений, которыми люди обладают вследствие того, что занимают определенный социальный статус» [2, с. 539]. Таким образом, по Р. Мертону, каждый индивид обладает набором статусов, в свою очередь, каждый

из этих статусов обладает набором ролей. Т. Парсонс писал: «Какая-то отдельно взятая роль <...> никогда не составляет отличительную особенность конкретного индивида. Отец является особенным отцом только для своих детей, с точки же зрения ролевой структуры своего общества, он всего лишь один из категории отцов. Одновременно он также участвует во множестве других видов взаимодействия, например, выполняет свою роль в профессиональной структуре» [7, с. 19]. «Фундаментальной чертой всех человеческих обществ является ролевой плюрализм, участие одних и тех же людей в ряде коллективов» [9, с. 25].

Р. Мертон (1957 г.) и Т. Парсонс (1971 г.) трагивали проблему ролевого конфликта. Р. Мертон обращал внимание на различие между ролевыми ожиданиями взаимодействующих индивидов, занимающих разные статусные позиции: «...каждый человек, занимающий определенный статус, имеет ролевых партнеров, которые занимают самые различные места в социальной структуре. В результате ценности и моральные ожидания этих партнеров в какой-то мере отличаются от ожиданий и ценностей носителей того статуса, о котором идет речь» [2, с. 541]. Т. Парсонс писал: «Непосредственной проблемой для большинства индивидов является проблема выбора и уравнивания своих обязательств в случаях конфликта конкурирующих между собой лояльностей. Например, нормальный взрослый мужчина в обществах современного типа одновременно является работником и членом семьи. И хотя требования, предъявляемые этими двумя ролями, часто находятся в конфликте, большинство мужчин жизненно заинтересованы в сохранении лояльности обеим ролям» [7, с. 26].

В этой связи Р. Мертон исследовал социальные механизмы, влияющие на стабильность ролевого набора: 1) «различная интенсивность вживания в роль со стороны партнеров по ролевому набору» [2, с. 542]; 2) разная степень власти у членов ролевого набора [2, с. 543]; 3) «изоляция ролевой деятельности от наблюдемости со стороны членов ролевого набора» («носитель того или иного статуса не вступает в постоянное взаимодействие со всеми своими партнерами по ролевому набору») [2, с. 545]; 4) «создание хороших условий для наблюдения за носителями какого-либо статуса со стороны членов ролевого набора, предъявляющих к ним противоречивые требования» [2, с. 548]; 5) «социальная поддержка со стороны носителей близких социальных статусов, испытывающих аналогичные затруднения в своих попыт-

ках справиться с дезинтегрированным ролевым набором» [2, с. 548]; 6) «сокращение ролевого набора и распад ролевых отношений» [2, с. 552] (крайний способ разрешения ролевого конфликта). Р. Мертон отмечал, что в некоторых случаях действие этих механизмов оказывается недостаточным, в связи с чем носитель статуса не может эффективно исполнять свои роли [2, с. 553].

Со ссылкой на работу У. Томаса и Ф. Знанецкого «The Polish Peasant in Europe and America» (1927 г.) социолог упоминал еще один способ ослабления ролевого конфликта – конвенционализация и сегментация ролей, то есть закрепление набора ролевых требований за разными ситуациями [2, с. 226].

О схожей стратегии пишет Дж. Масионис (2004 г.). Он предлагает «...исполнять роли, связанные с одним статусом, в определенное время и в определенном месте, а роли, соответствующие другому статусу, – в совершенно иной обстановке. Знакомым примером этой схемы является решение «оставить проблемы на работе» перед тем, как отправиться домой, к семье» [6, с. 202].

Помимо конфликта между несколькими разными ролями, может возникнуть конфликт между различными аспектами одной и той же роли – ролевая напряженность [11, с. 78].

Отношения между статусами и ролями можно охарактеризовать и с помощью понятий противоречивости статуса и статусной кристаллизации/статусного соответствия и несоответствия, ролевой дистанции, статусного перехода/обряда перехода. Г. Ленский («Status crystallization: a non-vertical dimension of social status», 1954) предложил термины «противоречивость статуса», то есть ситуация несоответствия различных статусов индивида, и «статусная кристаллизация», обозначающая их согласованность [9, с. 470]. И. Гоффман («Представление себя другим в повседневной жизни», 1959) ввел понятие ролевой дистанции – субъективного отделения индивида от роли, которую он исполняет, позволяющее провести различие между ожиданиями в отношении роли, исполнением роли и приверженностью индивида данной роли [8, с. 168; 9, с. 401]. А. ван Геннеп («Обряды перехода», 1909) впервые использовал термин «обряд перехода» – совокупность действий, сопровождающих переход индивида из одного статуса в другой [12], например церемония бракосочетания означает переход мужчины из статуса неженатого в статус женатого.

Анализ статусно-ролевого подхода позволяет сконцентрировать внимание на тех его аспектах, которые раскрывают содержание мужских и женских ролей в современной семье.

Таблица 1

Оценка степени значимости различных сторон жизни, средний балл*

Жизненные приоритеты	Средний балл
Иметь стабильные отношения с партнером, супругом	9.0
Иметь возможность жить интересно, получать удовольствие от жизни, путешествовать	9.0
Добиться чего-либо в профессиональной деятельности	8.2
Иметь детей	7.3
Работать, даже если нет материальной необходимости	7.0

* По 10-балльной шкале от 1 – «совсем не важно» до 10 – «очень важно».

Таблица 2

Возраст рождения ребенка, %

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
18–20	0	1
21–24	12	41
25–29	66	51
30 и более	21	7

Таблица 3

Возраст вступления в брак, %

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
18–20	0	3
21–24	25	54
25–29	64	38
30 и более	12	4

Результаты исследований

По данным исследования «Представления студентов о семье»¹, проведенного в 2020 г. методом анкетного опроса студентов 1–6-х курсов общественных/гуманитарных и естественных/технических специальностей очной и заочной форм обучения ННГУ им. Н.И. Лобачевского ($N=362$, 70% девушек, 30% юношей, $\Delta \approx 5\%$), наибольшую значимость в структуре жизненных приоритетов студенческой молодежи имеют стабильные отношения с партнером/супругом и возможность жить интересно/получать удовольствие от жизни (средний балл – 9.0). Большинство молодых людей оценили данные позиции наивысшим баллом – 10 (61% и 60% соответственно). Далее следует желание добиться чего-либо в профессиональной деятельности (средний балл – 8.2). Большинство юношей и девушек (83%) оценили этот показатель от 7 до 10. Менее важными оказались дети и работа как самоцель (средний балл – 7.3 и 7.0 соответственно) (табл. 1). Поскольку значимость супружества (во всех его формах) и желание жить в свое удовольствие оцениваются студентами одинаково высоко, а ценность детей снижается, можно предположить, что они (студенты) ориентируются на супружеский тип семьи, характеризующийся, по С.И. Голоду, автоматизацией брачности, сексуальности и прокреации, отказом партнеров подчинять свои интересы интересам детей, супружеской автономией, возможностью самореализации вне института семьи [13, с. 177–187]. Для молодых людей важно быть, в первую очередь, хорошим супру-

гом, затем – профессионалом своего дела и только потом – родителем. Гендерных различий в данном вопросе выявлено не было. Полученные результаты позволяют выстроить иерархию социальных статусов, выделить доминирующий статус в статусном наборе учащихся и подтверждают выводы исследователей о разделении субинститутов супружества и родительства [13; 14; 1].

По мнению студентов, оптимальный возраст рождения первого ребенка и у мужчин (66%), и у женщин (51%) составляет 25–29 лет. Однако довольно большая доля молодых людей (41%) определяет начало данного возрастного интервала для женщин с 21 года. Юношей и девушек, считающих возраст от 21 до 24 лет подходящим для отцовства, в три раза меньше (12%), при этом в три раза больше убежденных в том, что переход мужчины в статус родителя должен происходить после 30 лет (21% против 7%). То есть границы данного возрастного интервала могут быть расширены: для женщин – от 21 до 29 лет (92%), для мужчин – от 25 лет и старше (87%) (табл. 2). Таким образом, становление женщины матерью в более раннем возрасте, чем мужчины отцом, является допустимым и приемлемым.

Предпочтительный возраст вступления в брак для мужчин составляет 25–29 лет (64%) и совпадает с оптимальным возрастом рождения первого ребенка. При этом женщина, по мнению половины опрошенных молодых людей, должна выходить замуж раньше – в 21–24 года (54%). Однако 38% студентов считают интервал от 25 до 29 лет более подходящим (табл. 3).

Таблица 4

Возраст вступления в брак, %*					
Возраст, лет	2000	2010	2015	2017	2019
Мужчины					
до 18	0	0	0	0	0
18–24	53	35	23	21	20
25–34	30	45	53	53	50
35 и более	16	20	24	27	30
Женщины					
до 18	4	1	1	0	0
18–24	64	50	36	34	32
25–34	20	35	44	44	42
35 и более	12	14	19	21	25

* Рассчитано по данным Нижегородстата [15].

Возраст, в котором, по мнению молодых людей, мужчины должны вступать в брак, соответствует реальному состоянию брачности в Нижегородской области, по данным Нижегородстата: 76% юношей и девушек считают, что приобретение мужчиной статуса супруга должно происходить после 25 лет; в 2019 г. 80% мужчин регистрировали свои отношения именно в этом возрасте. С брачным возрастом женщины иная ситуация: по мнению 57% студентов, женщина должна вступать в брак в 18–24 года, однако по состоянию на 2019 г. доля женщин, зарегистрировавших отношения в этом возрасте, составила лишь 32%; 67% женщин вышли замуж после 25 лет (табл. 3, табл. 4).

По официальным статистическим данным Нижегородской области, четко прослеживается тенденция откладывания регистрации брака: с 2000 года число браков, заключенных в возрасте 18–24 лет, сократилось почти в три раза среди мужчин (53% в 2000 г., 20% в 2019 г.) и в два раза среди женщин (64% в 2000 г., 32% в 2019 г.); в возрасте 25–34 лет – выросло в полтора раза среди мужчин (30% в 2000 г., 50% в 2019 г.) и два раза среди женщин (20% в 2000 г., 42% в 2019 г.); а в возрасте 35 лет и старше – увеличилось в два раза среди обоих полов (16% в 2000 г., 30% в 2019 г. – у мужчин; 12% в 2000 г., 25% в 2019 г. – у женщин). Повышение брачного возраста мужчин и женщин идет с приблизительно одинаковой скоростью (табл. 4).

Ответы студентов о должном распределении обязанностей в семье свидетельствуют о расположении молодых людей к эгалитарной модели семьи. По мнению юношей и девушек, организация семейного досуга (84%), покупки (80%), уборка (73%), готовка (71%), решение финансовых вопросов, в том числе оплата коммунальных услуг (66%), присмотр и уход за детьми (61%), помощь в подготовке уроков и проверке домашнего задания (78%), организация совместного с ребенком досуга (89%) должны осуществляться совместными усилия-

ми мужчины и женщины. При этом молодые люди выделяют семейные обязанности, являющиеся традиционно «мужскими» и «женскими»: ремонт (81%) и стирка (60%) соответственно.

Несмотря на общую тенденцию к эгалитаризации семейных отношений, во взглядах юношей и девушек на некоторые из перечисленных видов работ была выявлена статистически значимая разница. Девушки чаще поддерживают мнение, что оба супруга должны участвовать в процессе приготовления пищи (72% против 63%). Это относится и к различного рода покупкам (84% против 63%). Однако около трети юношей считают, что покупки в семье должен совершать мужчина (29%). Девушек, придерживающихся данной позиции, почти в три раза меньше (11%). Решением финансовых вопросов должен заниматься мужчина, по мнению 36% юношей (против 24% девушек). Девушки в большей степени настаивают на равном участии обоих партнеров в управлении бюджетом (67% против 61%). Одинаковая включенность супругов в организацию совместного времяпрепровождения семьи и помощь ребенку в выполнении домашнего задания в большей мере находит свое отражение во взглядах девушек (85% против 77%, 80% против 69% соответственно). Юноши в два с половиной раза чаще отвечают, что это является задачей мужчины (15% против 6%, 10% против 4%). Девушки более эгалитарны, они чаще выступают за равенство в распределении семейных обязанностей. Юноши в большей степени склонны приписывать мужчине единоличное выполнение большого числа работ. Можно предположить, что это является своеобразным элементом патриархальности, желанием, стремлением мужчины быть в семье главным.

Таким образом, элементы традиционного распределения семейных обязанностей сохраняются, но жесткого разделения работы на «мужскую» и «женскую» уже нет. Мужчины и

Таблица 5

Отношение студентов к возможности отца взять отпуск по уходу за ребенком, %

Варианты ответа	Все
Отрицательно, это обязанность матери	8
Положительно, если этого требуют обстоятельства	46
Положительно, независимо от обстоятельств	34
Затрудняюсь ответить	12

Таблица 6

Отношение женщин к возможности отца взять отпуск по уходу за ребенком, %

Варианты ответа	Возраст, лет					
	Все	18–20	21–25	26–30	31–35	36–40
Отрицательно, это обязанность матери	24	16	14	26	28	26
Положительно, если этого требуют обстоятельства	41	35	44	42	39	42
Положительно, независимо от обстоятельств	20	33	28	17	19	17
Затрудняюсь ответить	15	15	14	15	14	16

женщины должны умело сочетать инструментальные и экспрессивные роли.

К законному праву мужчины взять отпуск по уходу за ребенком после его рождения студенческая молодежь относится, в целом, положительно: 46% юношей и девушек рассматривают такую возможность только при определенных обстоятельствах, например более высоком уровне дохода матери, а 34% поддерживают данную инициативу независимо от ситуации в семье. Отрицательно относятся к отцовскому отпуску лишь 8% юношей и девушек, поскольку считают это обязанностью матери (табл. 5). Однако, по данным исследования «Семья и рождаемость»², проведенного в 2020 г. в Нижегородской области методом анкетного опроса женщин в возрасте 18–40 лет ($N=1807$, $\Delta \approx 2\%$), этот показатель втрое выше (24%). Негативное отношение к возможности отца оформить оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком чаще выражают женщины старшего возраста: 21–25 лет – 14%, 26–30 лет – 26%, 31–35 лет – 28%. Несмотря на это, большая часть опрошенных согласны с мнением, что при определенных условиях отцовский отпуск является хорошей возможностью для семьи (41%). Безоговорочно поддерживают данное право мужчины вдвое меньше женщин (20%) (табл. 6).

В случае досрочного выхода женщины из отпуска по уходу за ребенком семьи прибегают к помощи третьих лиц. По данным опроса, 49% женщин устраивали маленького ребенка в ясли, 45% обращались за помощью к бабушкам и дедушкам, лишь 2% женщин ответили, что вместо них отпуск по уходу за ребенком брал отец, еще в 2% случаев ребенку нанимали няню. Таким образом, практика показывает, что отцы уходят в оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком крайне редко.

Заключение

Вклад в развитие статусно-ролевого подхода, его основных категорий и положений внесли многие социологи и антропологи, перечень имен которых не ограничивается данной работой. Следует подчеркнуть значение в социологии основополагающих и взаимосвязанных понятий социального статуса и социальной роли. Роль обуславливает деятельность индивида, регулирует его поведение в рамках установленных повторяющихся образцов, позволяет эффективно функционировать в обществе.

В работе проанализированы основные категории и положения статусно-ролевого подхода на примере института семьи и его субинститутов. Результаты выборочных эмпирических исследований на основе этого подхода и официальные статистические данные позволяют сделать следующие выводы.

Доминирование статуса супруга над статусом родителя в статусном наборе студенческой молодежи свидетельствует об ориентации молодых людей на супружеский тип семьи, разделение субинститутов супружества и родительства.

Оптимальный возраст вступления в брак и рождения ребенка для мужчин и женщин не совпадает. По мнению студентов, переход мужчины в статус супруга и родителя должен происходить в 25–29 лет, женщина должна стать женой в 21–24 года, а матерью – в 25–29 лет. Отмечается тенденция откладывания регистрации брака на примере статистических данных по Нижегородской области.

Во взглядах юношей и девушек на распределение семейных обязанностей прослеживается эгалитаризм с элементами традиционализма, что предполагает умелое сочетание мужчиной и женщиной инструментальных и экспрессивных ролей, иначе это может стать причиной ролевых конфликтов.

Отношение к статусу отца, находящегося в оплачиваемом отпуске по уходу за ребенком, неоднозначно. В большей мере он находит поддержку во взглядах молодого поколения. Женщины старшего возраста относятся к нему с большим недоверием. В реальной практике мужчина редко использует такую возможность.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90077 «Роль мужчины в современной российской семье».

Примечания

1. Исследование было проведено по инициативе семейного центра «Лада» под руководством заведующего кафедрой общей социологии и социальной работы С.А. Судына и доцента Н.Ю. Егоровой, при участии старшего преподавателя А.Л. Янак и социологов Д.Е. Ивашечкиной и Е.С. Рябинской. Целью исследования было выявление представлений студенческой молодежи о семье и семейных отношениях.

2. Исследование было проведено по инициативе Министерства социальной политики Нижегородской области под руководством заведующего кафедрой общей социологии и социальной работы С.А. Судына, при участии профессора Г.Л. Воронина, доцента Н.Ю. Егоровой, доцента Е.Е. Кутявиной, старшего преподавателя А.В. Курамшева, социологов Д.Е. Ивашечкиной и Е.С. Рябинской. Целью исследования было выявление представлений о детях, их значимости в жизни женщин, трудностях, связанных с их рождением, воспитанием и уходом.

Список литературы

1. Саралиева З.Х., Блонин В.А., Егорова Н.Ю. и др. Жизненные миры современной семьи: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.

3. Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Национальный общественно-научный фонд. Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. 863 с.

4. Социологический энциклопедический словарь / Редактор-координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1998. 488 с.

5. Тезаурус социологии: темат. слов.-справ. / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.

6. Масионис Дж. Социология / Пер. с англ.: З. Замчук, С. Комаров, А. Смирнов. 9-е изд. СПб. [и др.]: Питер, 2004. 752 с.

7. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

8. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П – Я): Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999. 528 с.

9. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / Пер. с англ. И.Г. Ясавеева, под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2004. 620 с.

10. Парсонс Т. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой // Человек. Общество. Управление. 2006. № 2. С. 95–103.

11. Смелзер Н. Социология: Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.

12. Смирнов М.Ю. Социология религии. Словарь. URL: <https://voluntary.ru/termin/obrad-perehoda.html>. (дата обращения: 15.01.2021).

13. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 272 с.

14. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.

15. Статистический ежегодник. Нижегородская область, 2020: Стат. сб. / Нижегородстат. Нижний Новгород, 2020. 284 с. URL: <https://nizhstat.gks.ru/publicationcollection/document/41619>. (дата обращения: 15.01.2021).

FAMILY RESPONSIBILITIES THROUGH A STATUS-ROLE APPROACH

E.S. Ryabinskaya

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Transformations in the sphere of marriage and family relations change not only the family structure but also the world of intrafamily interaction. Changes in the position of men and women in the family environment underline the importance of studying male and female roles in a modern family in terms of a status-role approach.

The article reviews basic categories and statements of a status-role theory, presents the results of an empirical research with the author's participation done in Nizhny Novgorod and Nizhny Novgorod region in 2020 by questionnaire survey and the use of official statistical data provided by Nizhegorodstat.

The paper describes the status structure of student youth and discovers the dominant social status. It also examines the intention of young people to choose marital type of family and the optimal age for men and women to become spouses and parents. The author analyses distribution of family responsibilities between partners. It is revealed that young people tend to choose an egalitarian type of family. Egalitarianization of family relations has a different pace as young males and females perceive it. Attention is also given to the role of father and his ability to go on a paternity leave. The paper compares attitudes of young people and older women to this issue.

Keywords: status-role approach, marriage, parenthood, fatherhood, distribution of family responsibilities, instrumental and expressive functions, egalitarianism, traditionalism.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 37.01(092)+37.034

DOI 10.52452/18115942_2021_2_140

«ВЫ ЛЮБИМЫЙ УЧИТЕЛЬ, ВЫ ВЕЛИКИЙ АВТОРИТЕТ...»: ПИСЬМА В.А. ВОЛКОВИЧ С.Ф. ПЛАТОНОВУ (АВГУСТ 1909 – ИЮЛЬ 1929 гг.)

© 2021 г.

В.В. Митрофанов

Митрофанов Виктор Владимирович, д.и.н.; доц.; профессор кафедры теории и истории государства и права Университета при Межпарламентской ассамблее при ЕврАзЕС
viktor-n1962@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.02.2021

Статья принята к публикации 15.04.2021

Среди многочисленных корреспондентов академика С.Ф. Платонова имеются лица, которые малоизвестны в наше время. Среди них крупный педагог В.А. Волкович, стоявшая у истоков внедрения практической педагогики и психологии в учебный процесс педагогического института. Сведений о ней немного, однако выявленные письма, адресованные С.Ф. Платонову, позволяют в значительной степени ликвидировать многочисленные пробелы в её научно-педагогической деятельности. В годы революций и Гражданской войны она оказалась на Северном Кавказе, где активно включилась в организаторскую и просветительскую работу. Совместно с авторитетными учёными, волей судьбы оказавшимися в этих местах, она участвовала в создании ряда учебных заведений, читала лекции, возглавляла советские учреждения. Составленная для С.Ф. Платонова автобиография позволяет во многом исправить имевшиеся неточности и существенно дополнить неизвестные страницы её жизненного и творческого пути. Информация, содержащаяся в письмах, рисует во всем многообразии трудное и трагическое время первых лет советской власти. Воспоминания о совместной работе с С.Ф. Платоновым В.А. Волкович характеризует как золотую пору, а директора называет любимым учителем и выдающимся патриотом.

Ключевые слова: В.А. Волкович, С.Ф. Платонов, Гражданская война, научная биография, воспоминания, педагогическая и просветительская деятельность.

Введение

Жизнь и профессиональная деятельность крупного отечественного педагога и психолога Веры Акинфиевны Волкович во многом остаётся неизвестной и редко упоминается в научных трудах. А ведь В.А. Волкович стояла у истоков внедрения новых гуманитарных наук в учебный процесс педагогического института, участвовала в создании прообразов психолого-педагогических лабораторий, где наблюдения за ребенком начинались с детского сада. Ликвидировать многие белые пятна в этой области позволяют архивные материалы, прежде всего эпистолярные, которые отложились в личном фонде академика С.Ф. Платонова [1].

Результаты исследования

Первая публикация адресованных С.Ф. Платонову писем В.А. Волкович [2] за 1903–1909 гг.

представляла собой попытку обратиться к такому важному историческому источнику, который не привлекался исследователями для изучения её биографии.

Сведения, содержащиеся в опубликованных письмах, позволили исправить ряд имевшихся неточностей, например, время начала работы в Женском педагогическом институте (ЖПИ), назвать лицо, пригласившее её. Впервые стало известно, что С.Ф. Платонов хотел видеть В.А. Волкович начальницей института, но смелые условия, поставленные перед директором, и понимание им важности и необходимости внедрения педагогики и психологии в учебный процесс стали главными аргументами приглашения её вместе с З.К. Столица на педагогическую работу. При всемерной поддержке директора в ЖПИ был организован психолого-педагогический кабинет, впоследствии получивший имя П.Е. Кеппена, созданы прообразы психолого-педагогических лабораторий, функции которых

выполняли детский сад, воскресная школа, гимназия, психолого-педагогический кабинет и еженедельный психологический кружок. Такая организация позволила постепенно выстроить непрерывную систему психолого-педагогических наблюдений, преподавания и проведения практических занятий. Перечисленные начинания подготовили почву для открытия на базе ЖПИ нового факультета – педагогического, что, однако, не было реализовано ввиду позиции Ведомства по учреждениям императрицы Марии.

Предлагаемая к публикации вторая часть корреспонденции (21 письмо) содержит сведения о профессиональной и творческой деятельности В.А. Волкович за целых 20 лет – с 1909 г. по 1929 г. Письма распределяются по годам следующим образом: 1909 г. – 3; 1910 г. – 1; 1912 г. – 1; 1914 г. – 1; 1915 г. – 1; 1916 г. – 2; 1917 г. – 2; 1918 г. – 1; 1920 г. – 1; 1926 г. – 1; 1927 г. – 3; 1928 г. – 2; 1929 г. – 2 [1, д. 2552, л. 1–46]. Здесь же находится одно письмо, написанное З.К. Столица. Они позволяют установить местонахождение автора в конкретное время: Женева, Гунгербург, Петроград, Кисловодск, Москва.

Письма насыщены чрезвычайно важной информацией, редкими фактами участия отечественных ученых в международных конгрессах в Женеве (1909 г.), в Гааге (1910 г.), в Брюсселе (1912 г.). На форумах произошло признание первых российских ученых-практиков в области педагогики и психологии европейской научной общественностью. Об этом свидетельствует, например, факт избрания подруг в бюро одного из Конгрессов. Опыт работы психолого-педагогического кабинета при ЖПИ, который был представлен В.А. Волкович в Брюсселе, получил одобрение Французской Академии наук.

Среди русских ученых, присутствовавших на конгрессе, были А.И. Введенский [3, с. 58–65] – внесший крупный вклад в развитие практической психологии, Г.И. Челпанов [4, с. 4–17] – известный последователь неокантианства, становление которого проходило под воздействием европейских авторитетов Э. Дюбуа-Реймона, Э. Геринга и Э. Кёнига, К. Штумпфа, В. Вундта и др. Их имена упомянуты в письмах В.А. Волкович. Примечательно, что она подготовит и черновой вариант поздравительной телеграммы в честь 25-летия научно-педагогической деятельности Г.И. Челпанова от имени ЖПИ.

В.А. Волкович была знакома с сестрами Девель. Н.М. Девель, прожившая короткую жизнь, скончалась в грозные годы Гражданской войны в Ростове-на-Дону. Она известна рядом искусствоведческих работ [5; 6]. Еще более известна её сестра Т.М. Девель – специалист по западно-европейскому Средневековью, по сути, первый

в СССР фотоархивист, отдавший любимому делу десятки лет кропотливой работы.

Становится известен парадоксальный факт научной биографии В.А. Волкович. Несмотря на широкое признание теоретических и практических разработок [7], являясь автором известных монографий [8; 9], она находилась в «бесправном положении» [1, д. 2552, л. 16] ввиду отсутствия ученой степени. Попытка разрешения этой проблемы отражена в письме от 25 мая 1916 г. Здесь можно вспомнить подобный случай с учеником С.Ф. Платонова П.Г. Любимовым, когда магистерская диссертация не только была завершена, но и опубликована в журнальном варианте, потом и отдельной книгой, а «экзамены еще не сданы» [10, с. 222]. К этому вопросу она вернется и через 10 лет. Пока точно не выяснено, когда столь длительная эпопея с ученой степенью завершилась и В.А. Волкович, с большим опозданием, уже в советское время, стала кандидатом педагогических наук.

Летом 1917 г. В.А. Волкович поехала на лечение в Кисловодск, где продолжавшаяся быстро меняться политическая обстановка задержала её на несколько лет. Корреспонденция, направлявшаяся С.Ф. Платонову, не только позволяет дополнить редкими сведениями картину её жизни, но и раскрывает малоизвестные страницы развития науки и образования на Северном Кавказе в период Гражданской войны.

В это время В.А. Волкович заведовала Народным университетом (в другом письме должность называется – «ректор» [1, д. 2552, л. 26]), возглавляла Рабпрос, вела лекторскую работу. Непредсказуемая ситуация в столичных городах, прежде всего закрытие учебных заведений и голод, вынуждали преподавателей искать места поспокойнее. Здесь она встретила А.П. Нечаева, академика В.А. Стеклова, профессора из Харькова Н.Н. Евдокимова, К.К. Мазинга и других, всего около 40 человек. Эта когорта ученых пыталась активно работать, открывая новые учебные заведения. Творческая деятельность приносила определённое удовлетворение, но материальные и бытовые условия были не лучшими, особенно страдали от голода и болезней. Поэтому, вспоминая свою прежнюю работу в ЖПИ, В.А. Волкович называла её «золотой порой» [1, д. 2552, л. 26], «лучшей страницей жизни» [1, д. 2552, л. 34]. Во время суровых испытаний жизнь жестоко обошлась с её родными: она потеряла 10 самых близких членов семьи. В это же время В.А. Волкович рассталась на несколько лет и со своей близкой подругой и соратницей З.К. Столица, уехавшей к матери.

Несмотря на оторванность от Петрограда, нарушение работы почты, до В.А. Волкович

доходили скудные сведения о деятельности С.Ф. Платонова, которого она считала своим учителем. Ей стало известно, что он сотрудничал с Лигой русской культуры, и это вызвало горячий отклик с ее стороны, который выразился в желании включиться в работу организации. Её знакомые, безразличные к своей родине люди, выражали желание через нее записаться в эту партию.

Еще летом 1916 г. С.Ф. Платонов передал полномочия по ЖПИ своему ученику С.В. Рождественскому. В.А. Волкович, находясь в Кисловодске, продолжала официально состоять в числе сотрудников института. Однако её просьбы игнорировались, поэтому она обращалась с ними к первому директору института, сетуя на новое руководство.

После письма, датированного 6 ноября 1921 г., наступил продолжительный перерыв до 1926 г., когда В.А. Волкович, находясь уже в Москве (пока не известно, когда произошло это возвращение), вновь подняла вопрос своего официального, хотя и формального признания как научного работника. Заметим, что В.П. Соломин называл В.А. Волкович и З.К. Столица «будущими профессорами ЛГПИ» [11, с. 6], при этом не делая ссылки на источник и не указывая время назначения. Хотя признание В.А. Волкович и З.К. Столица со стороны органов власти, курировавших быт научных работников, произошло, — об этом свидетельствуют путевки, которые они получали по линии ЦКУБУ.

В.А. Волкович просила С.Ф. Платонова написать отзыв о ее работе в ЖПИ. Большую ценность представляет составленная, по сути, научная *curriculum vitae*, где перечислены основные вехи научной биографии, назван ряд неизвестных публикаций и рецензий, в том числе в иностранных изданиях. Стоит заметить, что с подобными запросами к С.Ф. Платонову обращались из разных городов: Е.В. Гогель из Вятки [12, с. 22], С.Н. Введенский из Воронежа, В.О. Эйнгорн из Нижнего Новгорода [13, с. 207], А.А. Савич из Перми, ряд выдающихся краеведов, например, И.Н. Суворов из Вологды, А.И. Маркевич из Крыма, А.Я. Садовский из Нижнего Новгорода и др. Краткие отзывы, составленные С.Ф. Платоновым, представляют ценное приобретение историографии, они характеризуют профессиональные и научные достижения конкретного представителя науки, культуры, краеведения, они же помогали снимать и многие вопросы. Стоит продолжить поиск и отзыва о В.А. Волкович.

В 1920-е гг. в Москве произошло воссоединение (жили в одном доме) двух замечательных подруг и многолетних соратников по научной работе В.А. Волкович и З.К. Столица. Правда,

пока не установлено точное время этого значимого для них события. Их плодотворная совместная работа в ЖПИ, участие в международных конгрессах [14], публикации [15] являются ярким образцом человеческой дружбы.

Стало известно, что в феврале 1927 г. произошла случайная и последняя встреча В.А. Волкович с С.Ф. Платоновым в Москве. До этого они не виделись целых 10 лет. В августе этого же года С.Ф. Платонов заходил к В.А. Волкович, но её не оказалось дома.

Ряд писем наполнен воспоминаниями о работе в ЖПИ, роли С.Ф. Платонова в профессиональном становлении В.А. Волкович, даны ему замечательные оценки, не встречавшиеся до сих пор.

Последнее письмо датировано 12 июля 1929 г. У С.Ф. Платонова вскоре после этого начались серьезные неприятности, которые закончились арестом, ссылкой и безвременной кончиной в Самаре. Дальнейшая судьба же В.А. Волкович остается пока неизвестной, кроме упоминания о том, что она умерла в 1962 г. в Кирове.

Заключение

Публикуемый эпистолярный источник насыщен неизвестной ранее информацией о жизни авторитетного организатора педагогической и психологической науки, обосновавшего основные положения философии школы, автора замечательных книг о выдающихся представителях российской педагогики. Письма раскрывают, хотя и не в полной мере, деятельность В.А. Волкович после 1917 г. Думается, что публикация её писем будет способствовать дальнейшему поиску подобных материалов и переосмыслению её вклада в российско-советскую педагогическую науку, систему нравственного воспитания.

Тексты приведены к современным правилам графики и орфографии. Нумерация писем двойная: первая цифра указывает на № в деле, вторая общее их количество, сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Список литературы

1. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551, Д. 2552.
2. Митрофанов В.В. «...Я думала о лучшей постановке педагогического образования...»: письма В. Волкович С.Ф. Платонову (1903–1909 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 1 (61). С. 137–148.
3. Нижников С.А. К специфике русского неокантианства: Заметки о философии веры А.И. Введенского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 1998. № 1. С. 58–65.

4. Ждан А.Н. Георгий Иванович Челпанов // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1994. № 2. С. 4–17.

5. Девель Н.М. Царицыно. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1910. 31 с.

6. Девель Н.М. Старая Ладога и её каменное городище. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. 26 с.

7. Волкович В.А. Педагогика – наука перед судом ее противников. М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1909. 47 с.

8. Волкович В.А. Друг человечества. Н.И. Пиров. СПб.: Изд-во О. Богдановой, 1910. 160 с.

9. Волкович В.А. Национальный воспитатель Константин Дмитриевич Ушинский. СПб.–М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1913. 235 с.

10. Митрофанов В.В. Об «одной из самых любимых исторических тем» С.Ф. Платонова (С.Ф. Платонов и П.Г. Любомиров о Нижегородском ополчении времени Смуты) // Клио. 2006. № 1. С. 219–226.

11. Соломин В.П. Интеграция психологии и педагогики как традиция психолого-педагогической школы университета (к 215-летию РГПУ им. А.И. Герцена) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. Вып. 142. С. 5–14.

12. Митрофанов В.В. «...Прибегать к Вам в трудных случаях библиотечной жизни»: Письма Е.В. Гогель С.Ф. Платонову (вступ. ст. подгот. коммент.) // Герценка: Вятские записки. Киров: Кировская типография, 2016. Вып. 29. С. 13–40.

13. Митрофанов В.В. Учительская, краеведческая и архивная деятельность историка В.О. Эйнгорна // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2019. № 4(56). С. 201–208.

14. Волкович В.А., Столица З.К. Второй международной конгресс по нравственному воспитанию // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. Февраль. С. 221–250; март (продолжение). С. 36–57.

15. Столица З.К., Волкович В.А. Будущее в наших руках: Задачи общественного воспитания и основные принципы школы. СПб.: М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, 1909. 69 с.

Приложение

№ 1 (20)

Валуйки. Платонову. 22/ VI 1909 г. Из Geneve 336 trois geneve Stolitz, Volcovirch inconu¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л.

№ 2 (21)

Телеграмма.

Малая Посадская, 26. Платоновым. 17/IX 1910 г. Сердечно поздравляем дорогих именинниц² шлём лучшие пожелания. Полного счастья. Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 10.

№ 3 (22)

10/ VIII нов. ст. 1909 г.

Женева.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Сердечно обе благодарим Вас за Ваше письмо и за полную готовность Вашу прийти к нам на помощь. Вы нас очень утешили.

До сих пор из Ведомства, кроме телеграммы Сурина, мы ничего не получили и находились в полной неизвестности относительно обещанной князем Голицыным³ командировки.

Обо всём случившемся напомним Вам подробнее. По Вашему указанию мы подали Вам докладную записку, которую, как Вы сообщили нам ещё в Петербурге, Вы направили сейчас же в Ведомство.

В педагогическом Институте, в Вашем присутствии, мы спросили кн. Голицына о результате своей докладной записки, на что князь ответил, что вполне сочувствует нашей поездке и в ответ на новый вопрос с нашей стороны посоветовал не возвращаться из Афин в Петербург, а продолжить путь в Женеву, прибавил: «Вам нечего беспокоиться, у Вас такой хороший ходатай, как Сергей Фёдорович», после чего продолжал: «представленный Вами отчёт о поездке в Париж мне очень понравился, прочёл с большим удовольствием, многому сам поучился; прекрасно написано!

Накануне нашего отъезда Зинаида Константиновна⁴ заходила в Ведомство к Фурнье⁵ сообщить ему наш адрес в Афинах и условилась с ним, что, если командировка не состоится до 9-го июня, ответ из Ведомства будет прислан по другому адресу, о котором мы поставим его в известность, что и было выполнено нами после Афин.

Всё, казалось, прекрасно устроилось и было окончательно предпрешено.

В Афинах мы были спокойны и думали, что если не в Афинах, то далее на пути мы получим деньги из Ведомства. Если бы у нас была хоть капля сомнения, мы, конечно, начали бы хлопотать в Афинах же при Вашем добром содействии, а если бы получили отказ, то предпочли бы вернуться с экскурсией в Россию, что по чувству было нам приятнее и не ввело бы нас в расходы, значительно превысившие наш скромный бюджет. И только обещание кн. Голицына наряду с перспективой пользы для дела, повлекли нас прямо через Италию в Женеву с тем, чтобы там в ожидании Конгресса на месте изучить постановку психологического-педагогического кабинета и собрать ценные сведения для устройства предполагаемого психолого-педа[огического] кабинета в Институте.

Мы так были уверены, глубокоуважаемый Сергей Фёдорович, в исполнении обещанного, что действительно не запаслись в достаточном количестве деньгами.

Вот почему по мере того, как время проходило и на наше письмо к Фурнье мы не получали ответа, мы начали очень тревожиться. К сожалению, мы имели неосторожность отправить письмо Фурнье не заказным и не знаем, получил ли он его, т.к. ответа никакого не последовало.

Наконец, мы решили послать телеграмму с оплаченным ответом Фурнье в Ведомство такого содержания: «Sommes nous délégués au congrès Rien reçu?»⁶ и получили от Сурина⁷ такой ответ: «Je faut s'adresser à Platonoff»⁸. Сейчас же решили телеграфировать Вам, чтобы узнать, в чём дело. Но отсюда к Вам телеграфировать нельзя было. Вот почему мы послали телеграмму в Петербург с просьбой оттуда Вам телеграфировать.

Простите, глубокоуважаемый Сергей Фёдорович, что мы обеспокоили Вас своей телеграммой во время Вашего отпуска. Знаем сами, как неприятно, к[ог]да беспокоят работой тогда, к[ог]да хочется отрешиться и отдохнуть от зимних забот и дел. Только крайность заставила нас на это решиться.

К счастью, нам удалось раздобыть себе заимообразно денег, так что в этом отношении мы обеспечены. Сердечно и глубоко благодарим Вас за Вашу доброту. Мы надеемся, что Вы не откажете по возвращении в Петербург и представлении нами отчёта /20-го августа мы рассчитываем быть в Петербурге/ исходатайствовать нам субсидию.

Конгресс только что окончился и дал нам много ценных сведений.

Постановка психолого-педагогического образования на Западе, вопреки уверениям Ал.Ив. Введенского⁹, твёрдо и ясно установлена научными авторитетами.

На съезде был моск[овский] проф[ессор] Челпанов¹⁰, который много беседовал с нами, помогал в изучении выставок, приборов, знакомил с представителями философских наук и т.д.

К счастью, наши взгляды на вопросы с точки зрения лучшей постановки психолого-педа[гогической] и философской подготовки для учителей вполне сходятся со взглядами проф[ессора] Челпанова.

Ещё раз горячо обе благодарим Вас за Ваше сердечное отношение и просим принять наш искренний сердечный привет и выражения глубокого расположения к Вам и всей Вашей семье.

Всего, всего хорошего!

Глубоко Вам преданные Вера Волкович и Зинаида Столица.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 1–6 об.

№ 4 (23)

22/ VIII [1]909 г.

Гунгербург. Эстл[яндская] губ[ерния]
Речная 5.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович.

Вернувшись из-за границы, мы проехали в Гунгербург, где заняты составлением отчёта о выводах из работы Конгресса в применении к предполагаемой организации психолого-педагогического кабинета при Педагогическом Институте. Вероятно, мы кончим его не ранее, как к 1-му сентября.

По окончании работы мы сейчас же приедем в Петербург и представим свою работу Ведомству и Педагогическому Институту.

Искренно желаем Вам и всей Вашей семье всего светлого и лучшего в начинающемся учебном году.

Душой Вам преданные Вера Волкович и Зинаида Столица.

NS. Как глубоко потрясло нас известие о переносе Н.М. Девель¹¹. Трудно мириться с такими ужасами!

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 7–8.

№ 5 (24)

St. Lunaire¹²

31 июня рус. ст. 1912 г.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Очень сожалею, что мне не удалось лично побеседовать с Вами об Институтских делах до Вашего отъезда¹³. Я думала, что Вы дольше пробудете в Петербурге.

С Анфисой Дмитриевной Присёлковой¹⁴ я говорила относительно Л.В. Костылевой¹⁵, о к[ото]рой она дала прекрасный отзыв. Полный отчёт о пробных уроках Костылевой Анфиса Дмитриевна хотела осенью доставить Вам с указанием особых, по её мнению, педагогических способностей Костылевой.

Анфиса Дмитриевна тоже думает, что для Костылевой (а я прибавлю и для Пузановой) полезно поработать ещё в Ин[ститу]те. Кроме педагогической жилки, Костылева и Пузанова прекрасные по существу люди, что тоже для педагога очень верно.

Я думаю, что это дело терпит до осени и я со своими сведениями не запоздала.

Сейчас я с Зинаидой Константиновной в местечке St. Lunaire, возле Dinard, на берегу Атлант[ического] океана, где хотелось покупаться, но холод и дождь мешают этому, не дают насладиться летом. Отсюда едем на международный Конгресс по нравственному воспитанию в Гаагу, где заседания продолжатся до 15 августа русс[кого] ст[илия], но т[ак] к[ак] Зинаиду Константиновну и меня включили в бюро Конгресса, придётся пробыть там дольше и по всем вероятностям мне не удастся приехать к началу занятий в Константиновской гимназии.

На всякий случай сообщаю свой адрес до 17 авг. р. ст.: Hollande, La Haye, Bureau congrès international d'éducation morale¹⁶.

Ещё хочу напомнить Вам, глубокоуважаемый Сергей Фёдорович, об одном деле: весной Вы дали свое согласие – сами – за слушательниц официально подарить Её Высочеству Татьяну Константиновну¹⁷ за пожертвованные вещи для лотереи.

Вы просили меня тогда же дать Вам приблизительный текст того, что хотели бы слуш[атель]ницы сказать Её Высочеству.

Получив этот текст от слуш[ательни]ц, я Вас уже не видела.

Согласно Вашему желанию, прилагаю приблизительный текст, который Вы, конечно, измените соответственно необходимости и Вашему желанию.

Как поживают Ваши? От души шлём обе Вам, глубокоуважаемой Надежде Николаевне и всей Вашей семье самый сердечный привет.

Нет ли нового чего-нибудь в нашем Институте?

Будьте здоровы! Искренно дай Вам Бог самого лучшего!

Всегда глубоко Вам преданная. Вера Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 11–12.

№ 6 (25)

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Члены Психо-Педагогического Кабинета имени Павла Егоровича Кеппена просили меня передать Вам деньги с просьбой не отказать устроить две кровати имени Павла Егоровича Кеппена¹⁸ в лазарете при Императорском Женском Педагогическом Институте для раненых воинов.

Искренно преданная Вам Вера Волкович

1914 г., 16 октября Петроград.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 13.

№ 7 (26)

Глубокоуважаемый и добрейший Сергей Фёдорович,

Бесконечно благодарю за всё и возвращаю 40 коп. – свой долг Вам. Дай Бог Вам всего самого лучшего и счастливого.

Всегда преданная Вам Вера Волкович. 12/XI [1]915 г. Петроград.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 14.

№ 8 (27)

23 мая 1916 г. Птг.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Посылаем Вам изменённую программу предполагаемого журнала для Детского чтения и протокол нашего весеннего заседания. М[ожет] б[ыть] Вы ознакомитесь с тем и другим, а завтра к 11 ч. мы зайдём, чтобы побеседовать с Вами ещё лично.

Искренно желаю Вам всего лучшего.

Глубоко преданная Вам Вера Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 15.

№ 9 (28)

25-V– [1]916 г. Птг.

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Ввиду того, что на наше ходатайство у Г-на Министра Народного Просвещения графа П.Н. Игнатьева¹⁹ о разрешении быть допущенными по высочайшему повелению к магистерскому экзамену, минуя государственный, на основании нашей долготелней научно-педагогической работы, учёных трудов и научных заграничных командировок, граф Игнатьев, признавая нашу просьбу вполне справедливой, обещал вывести нас из создавшегося не по нашей вине бесправного положения и хотел поговорить по этому поводу с Вами; мы, не получая до сих пор никакого ответа, решаемся беспокоить Вас просьбой поговорить о нашем деле с графом Игнатьевым. Хотелось бы пред летом знать ответ и сообразно решить распорядиться своим временем. Не откажите помочь нам возможно скорее.

Уважающие Вас В. Волкович и З. Столица.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 16.

№ 10 (29)

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович,

Посылаю Вам примерный текст телеграммы Г.И. Челпанову по поводу его 25-летн[его] юбилея²⁰ и годового праздника в Моск[овском] Псих[ологическом] Ин[ститу]те 23-го марта. Лучше телеграмму послать заблаговременно ввиду их запаздывания.

Искренно Вам преданная В. Волкович /см., на след. стр.²¹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 17.

№ 11 (30)

8 июля 1917 г. Кисловодск, Тиберда, дача Утяковой.

Дорогой Сергей Фёдорович,

Хочется Вам послать сердечный привет с Кавказа и всей Вашей милой семье. С удовольствием прочла в газетах, что Вы образовали партию Защиты русской культуры²². Пора, пора подумать о родине, а то

за устройством, или вернее расстройством дел русских, забыта святая историческая Русь. Кому же, как не Вам – нашему русскому историку – спасти её. Я люблю свою родину и в дни её славы, и в дни её слабости, и в дни её даже позора и верю, верю, что она, ещё не жившая полностью жизнью, не может умереть так зря, глупо, как ей грозят сейчас. Если будут вставать такие, как Вы, если они скажут свое веское слово без боязни твёрдо и властно с требованиями, а не просьбами, то исцеление будет. А требовать Вы, дорогой Сергей Фёдорович, можете: за Вами все и имя Ваше порукой послужит для легковёрных. Запишите нас, т.е. Зин[аиду] Кон[стантиновну] и меня в члены Вашего общества. М[ожет] б[ыть] чем-нибудь и пригодимся. Работы везде теперь непочатый край и всем дело найдётся, особенно чернорабочие, от к[ото]рого мы не отказываемся. Есть ли у Вас устав и прокламации? Можно было бы и здесь, на водах, распространить сведения об этой партии. В газетах было очень кратко, недостаточно. По газетам знаем, что в Петрограде опять анархия. Вот почему теперь, более чем когда-либо, необходима организация благомыслящих всех, всех без различия звания и имени. Голос такой организованной России будет в Учредительном собрании нужен и необходим. В число Ваших членов записывается уже помощник делопроизводителя Красного креста Северного Кавказа Ольга Эдуардовна Орловская, а также заведующий канцелярией, уполномоченного Кр[асного] Креста Владимир Петрович Григорьев и они хотели бы распространять здесь о партии, но надо Вам прислать сюда по адресу: Кисловодск, Управление Красного Креста Ольге Эдуардовне Орловской всё, что Вы посылаете в провинцию для пропаганды. Дай Бог Вам силы, здоровья в новом деле. Храни Вас Бог и всю семью. В успехе дела не сомневаюсь.

Зин[аида] Кон[стантиновна] шлёт Вам и всей семье сердечный привет²³.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 20–21 об.

№ 12 (31)

Кисловодск. Кольцовская, 11.

8/21 мая 1918 г.

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Вы, верю, помните, что мы осенью беспокоили Вас своей просьбой в связи с хлопотами в Педагогическом Институте о материальной поддержке ввиду того, что с октября месяца мы лишены содержания. Нам тогда была обещана единовременная субсидия, но потом Сергей Васил[ьевич]²⁴ написал, что принужден отказать в ней за неимением средств у Педаг[огического] Инст[итута]. Мы ответили ему письменно просьбой, чтобы Педаг[огический] Инстит[ут] вспомнил о нас, когда эти средства явятся. Кажется, такой момент более или менее наступил, и мы возобновляем свою просьбу. Не откажите опять замолвить о нас словечко. Ехать лично о чём бы то ни было хлопотать теперь ведь нет никакой возможности.

Вам и всем Вашим шлём самый сердечный привет. З. Столица и В. Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 22–22 об.

№ 13 (32)

6/ XI [1]920 г. Курсовая, 8

Дорогой Сергей Фёдорович и дорогая Надежда Николаевна, как давно и как жестко разлучила судь-

ба с дорогим Петроградом меня и Зин[аиду] Кон[стантиновну], а также и с делом, так хорошо налаженным в Пед[агогическом] Ин[ститу]те. Виделась в Ростове с Вашей дочерью Надеждой Сергеевной, и она тоже о Вас почти ничего не знала, правда это было несколько месяцев назад. Работаю я здесь в Народ[ном] Ун[иверсите]те в качестве заведующей Ун[иверсите]том. При современном отсутствии топлива, учеб[ных] пособ[ий], хор[ошего] питания чрезвычайно трудно вести дело так, как бы хотелось. Мои лекции здесь очень любят и по количеству посещающих я занимаю первое место. Но всё-таки удовлетворения нет, т.к. для себя лично в научном отношении ничего не получаешь в нашем захолустье. Зин[аида] Конст[антиновна] уехала к матери в станицу Псебай Куб[анской] области и из-за разрухи транспорта застряла вот уже почти год. За это время я потеряла свою сестру близнеца Надежду Акинф[иевну] от сыпного тифа. Сын её Дима погиб, а Петя неизвестно где сейчас. Так много бесконечного горя. Педагог[ический] Ин[ститу]т за всю нашу с Зин[аидой] Кон[стантиновной] работу, видимо, расплатился полным игнорированием нас. Бог ему судья! Сердечный привет и глубокое расположение всей семье. Преданная Вам В. Волкович.

Если бы предложили в Пет[ербурге] что-нибудь подходящее, я бы приехала туда, имущество всё пропало, 3 года не знаем²⁵.

Если можете, подействуйте получению книг по психол[огии] и филос[офии] от проф[ессора] Введенского для Ростов[ского] ун[иверсите]та²⁶.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 23–23 об.

Карандашная помета С.Ф. Платонова: «Волкович?»

Профессору Сергею Фёдоровичу Платонову.

От Завед[ующего] Кисловодского Народного Университета²⁷.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 24.

№ 14 (33)

21/VIII – [19]26 г. г. Москва

Дорогие Сергей Федорович, Надежда Николаевна и все дети, которые с Вами. Мысленно вхожу, как всегда это делала на Малой Посадской, к Вам и чувствую себя как в родной семье. Так бы хотела осуществить это на деле, но возможности нет. Целых 10 почти лет я была настолько оторвана от центра, что даже не знала почти ни о ком и лишена была возможности общения, даже письменного. Надежду Сергеевну раз встретила на жизненном перепутье. Как мы друг другу обрадовались и, конечно, только и разговору было у нас о Вас всех. Я хочу, чтобы Вы знали, что не было ни одного момента в моей жизни за этот исторический период жизни, чтобы я не вспоминала всех Вас и всегда с глубокой любовью, преданностью и тёплым чувством благодарной памяти.

С отъездом из Петербурга я много пережила тяжёлого, я схоронила 10 человек своих родных: отца, мать, двух сестёр (бедняжка Надя умерла от сыпного тифа на 11-й день, приехав ко мне повидаться), двух братьев, два зятя, два племянника, умер Влад[имир] Петр[ович] Тризна, сын его Петя и сын Дима (Вы их

всех знаете) и многие ещё умерли, к[ото]рые были близкими.

Полоса, в к[ото]рой я была охваченна Гражданской войной, много заставила пострадать: голод, холод. Работала я как председатель Союза Рабпроса, как ректор Народного Университета в г. Кисловодске²⁸, как лектор его и многих других просветит[ельских] учреждений на Сев[ерном] Кавказе (Учит[ельские] курсы, Дошк[ольные] курсы, Тромчека, Нар. Консерватория и пр.). Совместно работал там, но в качестве завед[ующего] отделом народ[ного] образования, наш Александр Павлович Нечаев²⁹ – географ, к[ото]рый умер там от сыпного тифа. Работал у нас в Нар[одном] Ун[иверситете] Академик Стеклов³⁰ (читал 4-2-х часов[ые] лекции), читала Озаровская³¹, академик из Харькова Евдокимов³², ордин[арный] проф[ессор] Романов Каз[анского] Ун[иверсите]та, орд[инарный] проф[ессор] Саханов – Одесс[кий] Ун[иверсите]т, Карл Карлович Мазинг³³ был деканом математического отделения повыш[енного] типа. Одним словом, мы работали год в количестве 40 человек (много ординатуры, экстрорд[инатуры], приват-доцентов и пр.), дело шло великолепно. За недостатком средств пришлось закрыть. Затем мне пришлось работать завед[ующей] отделом пропаганды и просвещения в Рабоче-Крест[ьянской] инспекции в г. Георгиевске в губернском масштабе. Когда я хотела по вызову Наркомпроса выехать в Москву, меня не пустили, грозили подвалом. Академик – Вице-президент Стеклов – хорошо знал мою работу там, в г. Кисловодске. Как много ушло годов тяжёлой борьбы за хлеб и как жаль оборвавшейся золотой поры – работы с Вами, Сергей Фёдорович, в Пед[агогическом] Ин[ститу]те. Это лучшая страница жизни – так дружно развивалась у нас всех под Вашим руководством новая педагогическая жизнь. Ведь кабинеты /к[ото]рые сейчас в ВУЗах имеют такое почётное место/ Ваш исторический и наш психо-педагогический от 1-ой книги и шкафа маленького в 3-м этаже до огромных шкафов, к[ото]рым уже не было места в пед[агогическом] кабинете – наши были первые кабинеты.

А работа приёмки книг, сортировка, каталоги, сбор показат[ельных] приборов по психологии, показат[ельные] детск[ие] игрушки, игры, литература, а Выставка – изучение детской психики по картинам, собранным Леве, к[ото]рую я организовала со слушательницами, на к[ото]рую отовсюду приходили смотреть – разве всем этим мы не предвляли то, что сейчас получило уже права гражданства. А курс педагогики, к[ото]рый удалось благодаря Вашемудействию провести в число изучаемых наук Пед[агогического] Ин[ститу]та. А семинарии, к[ото]рые каждый вторник для всех желающих по психо-педагогике я организовала благодаря Вашему покровительству. Ведь на них работали по 10 лет подряд, т.е. всё время существования при мне, некоторые из слуш[ательни]ц, будучи уже преподавательницами.

Не откажите, дорогой Сергей Федорович, дать и мне отзыв о моей работе научной и педагогической

за время от курсов В[ысших] Ж[енских] до 1917 года, к[ото]рую Вы всю так близко знаете.

Настал момент доказывать свидетельскими показаниями авторитетных лиц о проделанной работе по ту сторону Революции³⁴. Не откажите дать мне такое удостоверение с засвидетельствованной подписью Вашей на предмет получения пенсии научного работника. С 1921 года я внесена в число членов ЦКУБУ³⁵, т.е. числюсь научным работником.

Я бы попросила Вас начать с Высш[их] Ж[енских] Курсов, где я делала у Вас доклад «вопрос о подрядных, о ссуде и пожилых», к[ото]рый Вы тогда так похвалили. Я как сейчас помню этот момент и радость после доклада. Затем я писала доклад проф[ессору] Введенскому, очень отметил два доклада: «вопрос о свободе воли у Спинозы и Канта», «у Конта и Шопенгауэра».

Была на два года оставлена при курсах у Введенского, составляла лекции, экзаменовала слушательниц.

С 1902 года до 1907 года включ[ительно] работала в жур[нале] «Вопросы философии и педагогики» с кн[иги] 62 до 88 кн. 1907 г. «Обзор журналов. Периодические статьи по иностр[анной] литературе», за что была избрана в Действ[ительные] члены спец[иального] Философского Общества. С 1906 г. приглашена в Педаг[огический] Ин[ститу]т, где читала лекции по истории русск[ой] педагогики /курса еще печатного не было, все приходилось разраб[атывать] самой/ и вела практич[еские] занятия со слушательницами. Экзаменовала их – отметка в аттестат шла. С 1907 г. на правах профессора читала лекции психологии, вела семинарий, организовывала психо-педагогический кабинет. Школа создавалась, ученицы выступали в печати (Ж[урнал] М[инистерства] Нар[одного] Пр[освещения] 1914 г.). Вы знаете, как относились ко мне слушательницы /аудитория всегда была полная/ и с других курсов слушали. Не откажите указать, что меня выбрало Кронштадск[ое] педаг[огическое] совещ[ание] в Председатели педаг[огического] совета 9 клас[сной] гимназии. Но я отказалась добровольно, п[отому] ч[то] хотела углублять свою научную работу.

За это время работала в средн[их] учеб[ных] завед[ениях], где читала псих[ологию] и педагогику и везде вела практич[еские] зан[ятия] (педаг[огические] курсы при ин[ститу]тах Елиз[аветы] Алес[еевны] и педаг[огических] курсах при Мариинск[ой] гимназии у 5-ти учеников).

Меня всюду в сред[ние] учеб[ные] зав[едения] приглашали, приходилось отказываться за неимен[ием] времени.

Меня делегировали в Вед[омство] быв[шее] имп[ератри]цы Марии по реформе школы. Ко мне на практич[еские] занятия Вы приводили, я помню, какого-то учёного француза. Постановка практич[еских] занятий у меня, как Вы говорили, была образцовая, п[отому] ч[то] базировались на проявлении коллективной активности, а доклады д[олжны] были делать максимум ¼ часа – так укладывать работу, след[овательно], проводился принцип НОТа. Все новые методы иностранной литературы всегда прорабатывались и делались научные продвижения в этой области на принципах коллектив-

ной разработки с привлечением к этой работе со стороны специалистов и науч[ных] работников, а также и среди профессоров Пед[агогического] Ин[ститу]та.

Работала 2 летних семестра в Берлинском и Гёдельбургском ун[иверсите]тах после окончания Высш[их] Женск[их] Курсов.

Принимала участие в 4-х межд[ународных] Конгрессах по народному образованию, психологии и Педагогике в 1908, 9, 10 и 12 годах в городах Париже, Женеве, Гааге и Брюсселе.

С 1903–1910 г. читала публичные лекции по курсу Введ[ение] в философию и Позитивистская философия Конта и его последователей – в помощь самообразованию при гимназии Гедда³⁶.

Печатные труды монографии о Н.И. Пирогове, о К.Д. Ушинском /глава из соч[инения] об Ушинском «Взаимоотношение Пирогова и Ушинского» переведена на немец[кий] язык/ «Воспитательное знач[ение] детской книги».

В рецензии немецкой в Риге Zeitschrift³⁷ было напечатано, что Ушинский мною написан für Jahrhundert³⁸.

Мои исслед[ования] в детском саду совместно с З.К. Столица о выводах, к[ото]рые по применению метода тестов к вопросу изучения одарённости детей я докладывала на съезде по эспер[иментальной] педагогике в Петерб[урге], были отмечены во 2-м томе соч[инений] проф[ессора] Меймана³⁹ «Экспер[иментальная] педагогика».

Академик Франц[ии] Мутон⁴⁰ отметил мою методолог[ическую] разработку вопроса нравств[енного] воспитания на межд[ународном] Конгрессе в Гааге в 1912 г. См.: Compte-rendu Конгресса и Журнал 1913 г. «Memoires sur leducation morale, presents au 2-me Congres international dedication moral tenu a la Haye du 22-27 aout 1912⁴¹».

«Введение в психологию нации» моя работа в Журн. Мин. Нар. Просв. 1916 г. рассматривает необходимость обучения коллективно[го] характера и выясняет роль универсального, как целевой установки (след[овательно], интернационального).

Докладные наши записки в Конференции Пед[агогического] Ин[ститу]та не раз указывали, какая большая за 10 лет научная работа шла в психопед[агогическом] кабинете. В результате этих работ явились и научные труды, и оценка их в межд[ународном] масштабе. Вся работа протоколировалась и всё это осталось в психо-пед[агогическом] кабинете, к[ото]рый, говорят, куда-то переведён. Неужели материалы погибнут все?!

Академия Наук мне /через Моисееву/ прислала для рецензии полное собр[ание] соч[инений] Пирогова Н.И. новое издание; была моя рецензия напечатана. Затем, от них же я получила для рецензии о Детских сказках русской и иностр[анной] литературы – было напечатано. Кажется, то и другое было напечатано в Ж[урнале] М[инистерства] Нар[одного] Просвещ[ения] – 1915/16 года.

Да, я еще забыла, что мною проредактирована большая работа – перевод с немец[кого] соч[инение] проф. Барта⁴² «Элементы воспитания и обучения», где участвовал целый ряд специалистов отдельных наук – соч[инение] это в 2-х томах. Я бы хотела, что-

бы Вы подчеркнули мою научную и педагогическую работу за всё это время от 1900 г. до 1917 года (т.е. с оставления на курсах), а также, что эта работа имела свою школу, а не шла по трафарету.

Если будете добры, не откажите прислать мне такой отзыв свой.

Живу я здесь в одном доме с Зин[аидой] Конст[антиновной] сейчас, но отвыкла от севера и на здоровье отражается переход из тепла в холод, от солнца к постоянной сырой погоде. Разница жить там, где 9 месяцев лето и 3 зима или обратно. Там легкие мои зарубцевались, а здесь опять начала кашлять. Слышала, что Вы ездили за границу доставлять Онегинскую библиотеку. Как, довольны своей поездкой? Как Ваши дети? Слышала, что Миша – ученый и все же чрезвычайно милый и приветливый. Когда Зин[аида] Конст[антиновна] мне рассказала, как приветливо он её встретил, у меня слёзы появились – так я вспоминала его малышом и всех Вас... Помните всегда, что я Вас всех, всех очень люблю и не могу никогда забыть, как много хорошего, неоценимого я от Вас всех получила, особенно, конечно, от Вас, дорогой Сергей Фёдорович, и от дорогой Надежды Николаевны. Сердечный привет шлю и жду письма, а не только удостоверение. Преданная Вам всем сердцем и любящая Вас Вера Волкович.

Зин[аида] Конст[антиновна] ещё вопрос о пенсии не разрешился. Наркомпрос ходатайствует.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 25–32 об.

Ленинград. Заказное. Академия Наук. Васильевский остров.

Академику Сергею Фёдоровичу Платонову.

Адрес отправителя]: Москва, Малый Кисловский пер. д. 9. Кв. 2. В.А. Волкович⁴³.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 33.

№ 15 (34)

13/II – [19]27. г. Москва.

Как рада и счастлива была я, дорогой Сергей Фёдорович, так неожиданно случайно увидеть Вас. Я была потрясена нахлынувшими на меня воспоминаниями прошлого – самой светлой и лучшей страницы жизни. Целый день я ходила, как после чего-то чрезвычайно случившегося. Вы не можете, думается мне, даже представить, какая это была радость – радость, которая ошеломляет.

Мне уже казалось, что моя карта жизни бита, но встреча с Вами и Ваш бодрый вид влил силу и энергию снова жить, бороться, как раньше и стыдно стало за унылость, вялость этого года – года перепутья жизни. Не забудьте, дорогой Сергей Фёдорович, что Вы обещали при новом посещении Москвы, побывать на Кисловской Малой. Мы все Вас ждём и ждём с нетерпением.

День встречи с Вами – целое событие и всем своим я рассказала об этой встрече. Я еще раз зашла в столовую, но Вас уже не было: мне хотелось дать Вам почувствовать, как безмерно я Вам благодарна за Ваше отношение, как ценю я Вас и просто люблю, как и всю Вашу семью. Я не из экспансивных вообще, но мое отношение к Вам исключительное: Вы любимый учитель, Вы великий авторитет, Вы заме-

чательный человек, Вы единственный были начальником из начальников: администратор, широко дававший свободу творчеству своим подчинённым, Вы пример для всех в неутомимой работе и всегда добрый, весёлый; Вы удивительный в семье во всех отношениях. Много, много, много было бы ещё сказать о Вас и всё-таки этого было бы мало, ни до, ни после таких, как Сергей Фёдорович Платонов, я не встречала на жизненном пути, а перевидано мной немало, особенно за время от 1914 года. Пусть это письмо передаст Вам хоть немного из того, что я чувствую, хочу Вам сказать и сказала бы, если бы не ошеломление встречи и неожиданность её. С Валентиной Ивановой Ясинской мы часто вспоминали Вас, она окончила ВУЗ вместе с Вашей Наташей, кажется в Иваново-Вознесенске. Никогда, никогда во всё самые тяжкие моменты жизни, я не забывала Вас: настолько глубокий след в жизни оставило знакомство с Вами на разных этапах этой жизни. Позвольте сердечно позвать Вашу руку и надеяться, что не за горами наша новая будет встреча в домашней обстановке.

Всего лучшего, счастливого желаю Вам, Вашей всей семье. Искренно любящая Вас и преданная Вам глубоко Вера Волкович.

Когда думаете снова быть в Москве?

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 34–35 об.

№ 16 (35)

19/VIII – [19]27. г. Москва

Дорогой Сергей Фёдорович, как грустно, как обидно было, что Вы заходили к нам тогда, когда мы обе были на даче. Племянница Зинаиды Константиновны, с к[ото]рой Вы говорили, сообщила нам, что Вы напишите, когда будете в Москве опять и что Вы остановились в общежитии ЦКУБУ. Приехав в город, я сейчас же отправилась туда, но мне сказали, что Вы у них не останавливались, а где – сообщить они не смогли. Мы ждали письма, надеялись, но не получили. Почему? Хочется верить, что осенью нам удастся повидаться и насладиться Вашим обществом и беседой. У нас есть Ваш поклонник, как ученого, выросший среди нас, почитающих Вас – это племянник Зин[аиды] Конст[антиновны], к[ото]рый сейчас окончил девятилетку с квалификацией.

А теперь позвольте, дорогой Сергей Фёдорович, выразить Вам глубокую, бесконечную благодарность за всё, что Вы мне сделали, а сделали это Вы и только Вы, начиная с первых шагов моей самостоятельной жизни и до сего времени. Я это чувствую всем своим существом. Наконец, я получила академическую пенсию по ставке профессора, назначенную мне с 1-го июня /а получила я это на днях только/. Великое Вам спасибо за то, что учили, за то, что руководили, за то, что раскрывали возможности работы и за то, что оформили всё.

Вы давали прежде жить, Вы дали это и теперь. Если бы Вы только могли почувствовать всю глубину моей к Вам признательности и просто любви к Вам. Так хочется с Вами повидаться и хоть ещё раз в жизни с Вами поработать при каких-нибудь условиях.

Послезавтра я уезжаю полечиться на Кавказ: надорвала сердце; Зин[аида] Конст[антиновна] уже туда уехала, а меня задержала выдача пенсии.

Мой адрес там: г. Кисловодск, Красноармейская ул. д. 8.

Была бы счастлива получить от Вас весточку и узнать о всех Вас, дорогой и близкой мне семье.

Глубоко благодарная и искренно любящая Вас Вера Волкович.

Зин[аида] Конст[антиновна] просила, уезжая, очень сердечно приветствовать Вас со всей семьёй.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 36–37 об.

№ 17 (36)

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Фёдорович, бесконечно, сердечно и глубоко признательна Вам за присланный отзыв. Вы знаете, когда я его прочла, я до слёз была тронута и взволнована даже: воспоминания о нашей сплошь праздничной, совместной научно-педагогической работе рой за роем потянулись передо мною.

Как хорошо, как творчески работалось с Вами и под Вашим руководством! Вы никогда не давали чувствовать, что Вы начальник. Вы всегда всем давали простор в работе и свободный выход творческим начинаниям. Вы были какой-то удивительный начальник и совсем новый педагог. Не я одна так чувствовала, я знаю, все так к Вам относились: и профессора, и студентки. А какое уважение все испытывали к Вам.

А праздник в Пед[агогическом] Ин[ститу]те 25-летия Вашей научной работы! Это был единый порыв всех не приукрашенной ничем любви к Вам. И много, много воспоминаний о наших интересных Конференциях, Ваши остроумные стихи на них. Разве всё это не осуществление в практике жизни диалектического метода.

Вы, действительно, никогда не теряли перспективы. Простите, дорогой Сергей Фёдорович, вылилось, п[отому] ч[то] хотелось, как говорят в Кисловодске, принять нарзанную ванну.

К Вам лично, глубокоуважаемый Сергей Фёдорович, и к Вашей всей семье у меня всегда было, есть и будет отношение, как к родным. Хотелось бы с Вами со всеми увидеться.

Мы с Зинаидой Константиновной будем очень, очень счастливы, если Вы к нам зайдёте, будучи в Москве.

Не минуите нас, доставьте радость.

Мало данных, чтобы мы попали теперь в Ленинград.

Ещё раз сердечно, от преданной души благодарю Вас. Позвольте признательно крепко пожать Вашу руку.

Искренно и глубоко преданная Вам Вера Волкович.

Дорогой Надежде Николаевне, всей Вашей семье я и Зинаида Конст[антиновна] и Вам ещё раз обе шлём тёплый привет и лучшие пожелания, конечно, и здоровья.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 38–39 об.

№ 18 (37)

15/IV – [19]28 г. Москва.

Дорогой Сергей Фёдорович, я и Зинаида Константиновна шлём Вам и Надежде Николаевне со всей Вашей семьёй сердечный привет, поздравления и лучшие пожелания искренно и глубоко. Хочется

знать, как Вы живёте и как у Вас все? Не думаете ли Вы весной быть в Москве? Верно май ещё мы будем в Москве и Бог даст в этот раз, если Вы приедете, мы будем счастливее и Вас увидим. Так хотелось бы в это верить!

Жизнь наша благодаря Вам, дорогой Сергей Фёдорович, имеет определённую материальную базу, как теперь принято говорить, а поэтому есть относительное спокойствие. Горячее, глубокое Вам за это спасибо. Вот жаль, что нельзя работать так, как бы хотел. Жизнь с её постоянными осложнениями так треплет, так много тратится энергии, а рефлекс цели при этом нарушается, как когда-то говорил физиолог Павлов. Это досадно. Сейчас закончила для печати рецензию на книгу Ал. Петр. Нечаева⁴⁴ «Психология школьного коллектива»⁴⁵. С Ал. Петр. мы видимся. Он по-прежнему жизнерадостен и большой энтузиаст.

Зинаида Конст[антиновна] работает в Румянцевском музее по-прежнему, а я не имею постоянного приработка и ввиду того, что сестра осталась безработной и мне приходится ей высылать для поддержки, случайные же заработки так неаккуратно высылают, подчас довольно трудно.

Какая хорошая, радостная и полная светлых надежд была жизнь, когда работали с Вами. Приятно вспомнить. Если бы когда-нибудь это повторилось: работать в таком контакте с Вами. Как всё при Вашем руководстве творчески росло и развивалось!

Если будет у Вас минута свободная, черкните о себе, о Ваших всех. Где и как работаете?

Знаете, дорогой Сергей Фёдорович, что мы Вас преданно любим, всегда помним, часто очень вспоминаем и для нас всегда большое событие весточка от Вас или о Вас.

Сердечный привет всем Вашим; будьте здоровы и позвольте ещё рас Вам пожелать радости и полного благополучия.

Искренно Вам преданные Вера Волкович и Зинаида Столица.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 40–42.

№ 19 (38)

13/V – [19]28 г. Москва.

Дорогой Сергей Фёдорович, сердечно благодарю за открытку. Как судьба опять против нас сложилась: мы думали с З[инаидой] К[онстантиновной] провести лето в Москве, во всяком случае весну и неожиданно нас назначили в Дом отдыха в г. Кисловодск (а сначала отказали) и З[инаида] К[онстантиновна] уже уехала туда 11-го, а я выезжаю 17-го на 1 ½ месяца обе. Раз у Вас и у Надежды Николаевны сердце сдало, Вам необходимо полечиться в Кисловодске нарзан[ными] ваннами. Вот было бы хорошо нам там встретиться, раз не удастся встретиться в Москве. Там Дом отдыха ЦКУБУ великолепный, не говоря о воздухе Кисловодска. Сердечный привет Вам, Надежде Николаевне и всему дому. Искренно преданная Вам В. Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 43.

№ 20 (39)

23/I [19]29 г.

Дорогой Сергей Фёдорович!

Вера Акинфиевна и я шлём Вам наилучшие свои пожелания в Новом, 29-м году. Одновременно посы-

лаю Вам маленькую статью в сборнике «Сказка и ребёнок» и очень жалею, что не могу представить на Ваш суд свою основную работу за эти годы, оставшуюся ненапечатанной. Если лучше будет обстоять дело с бумагой, может быть и удастся еще что-нибудь реализовать в печати, т.к. теперь не служу и, следовательно, располагаю временем. // л. 43 об. Поэтому, когда будете в Москве, черкните, если это Вас не затруднит, свой адрес, чтобы я могла Вас разыскать и повидать. Нам обеим с Верой Акинф[иевной] очень этого хотелось бы. Сейчас очень нас заполонил и отвлекает от работы квартирный вопрос – большое место всех москвичей, но мы очень надеемся на то, что максимум через месяц всё у нас в этом отношении придёт в норму и будем тогда чувствовать себя по возможности недурно. По газетам всегда следим за Вашим // л. 44 участием в делах Академии и были встревожены, прочитав о Вашей болезни. Надеюсь, теперь всё прошло, и Вы с новыми силами опять за работой.

Часто вспоминаем Вас как превосходного начальника – руководителя, по истине старшего товарища, но вместе с тем мудрого и хорошо знающего дело и людей и обращение с людьми. Хотелось бы послушать Вас в дружеской беседе, очень было бы приятно. Примите наш сердечный привет и пожелание всего, всего доброго. Глубоко уважающие
З. Столица и В. Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2552. Л. 43–44.

№ 21 (40)

Открытое письмо

12/VII – [19]29 г. Москва.

Дорогой Сергей Фёдорович, а время проходит, летит и всё нам не удаётся с Вами повидаться. Так досадно, так обидно. Как Вы живёте, как здоровье и где будете проводить лето? 23-го июня я с Зин[аидой] Констант[иновой] едем в санаторий ЦЕКУБУ в Теберду до 24 авг., а затем поедем на месяц в Kisловодск, чтобы взять немного нарзан[ных] ванн. Кто побывает в Kisловодске, тот всегда зиму проводит без болезней. На днях здесь видела случайно Мих. Мих. Соловьёва⁴⁶, и мы вдвоём с ним так хвалились и восхищались Вами. Чувствовали Вы это на расстоянии? Сердечно жму Вашу руку. Истинно преданная Вам и любящая Вас В. Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 45.

Визитка: Вера Акинфиевна Волкович.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2551. Л. 46.

Примечания к приложению

1. 336 три женеvских. Столица Волкович неизвестны (фр.)

2. Речь идёт о дне рождения Веры Сергеевны и именинах Надежды Сергеевны.

3. Голицын Дмитрий Петрович (1860–1928) – князь, русский государственный деятель, писатель, общественный деятель. С 1906 г. товарищ главноуправляющего, а с 1 января 1910 г. главноуправляющий Собственной его императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии.

4. Речь идёт о Столица.

5. Фурнье Павел Петрович (1864–1943) – действительный статский советник, бухгалтер Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии.

6. Являемся ли мы делегатами съезда? (фр.).

7. Сурин Аполлон Ефимович (186? –?) – с 19 февраля 1885 г. в ведомстве Императрицы Марии в должности старшего чиновника (Памятная книжка ведомств учреждений Императрицы Марии. 1898. СПб.: Типография М.Д. Ломковского, 1898. С. XXXIV).

8. Я должен связаться с Платоновым (фр.).

9. Введенский Александр Иванович (1856–1925) – русский философ-идеалист и психолог, крупнейший представитель русского неокантианства.

10. Челпанов Георгий Иванович (1862–1936) – русский философ, логик и психолог, автор учебника логики. В 1893–1894 и 1897–1898 гг. в Германии Челпанов слушал лекции по физиологии у Э. Дюбуа-Реймона, Э. Геринга и Э. Кёнига, по психологии – у К. Штумпфа и В. Вундта, занимался экспериментальной психологией в Психологическом институте Вундта в Лейпциге и в Институте физиологической оптики в Берлине.

11. Девель Нина Модестовна, дочь полковника Девеля, преподаватель русского языка, сотрудница журнала «Исторический вестник», умерла от сыпного тифа во время революции в Ростове-на-Дону. Речь идёт об убийстве матери разбойниками на даче у Спасской платформы.

12. Святой Лунный.

13. В письме от 5 мая 1912 г. И.А. Иванову С.Ф. Платонов писал, что «едем мы в Крым с крымским беспересадочным поездом... а в 9 ½ ч. утра 31-го мая будет в Твери» (Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт; сост. В.Г. Бухерт. М.: Наука, 2003. Т. 1. С. 166).

14. Присёлкова Анфиса Дмитриевна – училась в институте императрицы Марии 21.08.1887–29.05.1894.

15. Л.В. Костылева – слушательница ЖПИ.

16. Голландия, Гаага, Бюро международного конгресса нравственного воспитания – фр.

17. Татьяна Константиновна (1890–1979) – русская княжна императорской крови, дочь великого князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикиевны, правнучка императора Николая I.

18. Кеппен Павел Егорович (1846–1911) – адъютант великого князя Константина Николаевича, генерал от артиллерии, управляющий делами великого князя Константина Константиновича, один из учредителей ЖПИ.

19. Игнатъев Павел Николаевич (1870–1945) – граф, министр народного просвещения (1915–1916/1917).

20. В январе 1891 г. он начал преподавательскую деятельность, следовательно, письмо нужно датировать декабрём 1916 г.

21. Далее в папке находится текст начала письма И.А. Иванова за 3–4 июня 1917 г., которое должно находиться в ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2992. Часть письма И.А. Иванова опубликована (Митрофанов В.В. Письма И.А. Иванова С.Ф. Платонову (1917 – июнь 1918) (вступ. ст. публик. коммент.) //

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 32. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2020. С. 98–143, С. 122–123). Письмо это значит «без начала». Естественно, нумерация листов идёт по порядку (Л. 18–19 об.), а тексты Волкович на этих листах отсутствуют.

22. В мае 1917 г. С.Ф. Платонов неожиданно вступает в Лигу русской культуры П.Б. Струве (Лига русской культуры. Пг., 1917. С. 4–5).

23. Это предложение написано на л. 20 об. сверху основного текста.

24. Рождественский Сергей Васильевич (1868–1934) – историк, архивист. Директор Женского педагогического института (с 19 июля 1916 г., после преобразования в I Высший педагогический институт до декабря 1920 г. ректор), академик АН СССР (с 1925 г.).

25. Это предложение написано на полях справа.

26. Это предложение написано на полях слева.

27. Текст на конверте.

28. Здесь и далее подчеркнуто синим карандашом С.Ф. Платоновым.

29. Нечаев Александр Павлович (1866–1921) – писатель. В 1887–1890 гг. занимался в Петроградском университете, сначала на историко-филологическом и юридическом, позднее на физико-математическом факультете. Окончил курс в Юрьевском университете, где занимался химией и минералогией.

30. Стеклов Владимир Андреевич (1863–1926) – русский математик и механик, академик (1912), вице-президент АН СССР (1919–1926). Организатор и первый директор Физико-математического института РАН, названного после смерти В.А. Стеклова его именем.

31. Озаровская Ольга Эрастовна (1874 – 12 июня (по другой версии, июля) 1933) – исполнительница северных народных сказок, собирательница фольклора.

32. Евдокимов Николай Николаевич (1868–1941) – российский и советский астроном, с 1914 г. профессор Харьковского университета, в 1917–1937 гг. директор Харьковской обсерватории.

33. Мазинг Карл Карлович (1849–1926) – русский и советский учёный, русский инженер, математик и общественный русский деятель; инициатор профессионально-технического образования в России. В годы Гражданской войны он организовал Народный

университет в Кисловодске (1918–1919) и в Ростове-на-Дону (1919–1921). Вернувшись в 1922 г. в Москву, преподавал на рабфаке Горной академии, заведовал учебной частью, а также создавал новые курсы и готовил учебник по математике для рабочих. Был редактором технического журнала «Вестник инженеров».

34. Слово написано с большой буквы.

35. ЦКУБУ – Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР. Была создана по инициативе М. Горького в 1920 г. в Петрограде, в 1921 г. в Москве. Просуществовала до 1931 г.

36. Открыта в 1828 г. Тобо-Астафьевой под названием «Первоначальная школа для детей обоего пола». В 1881–1912 гг. её содержала и была начальницей Елизавета Михайловна Гедда (Двадцатипятилетие С.-Петербургской женской гимназии Е.М. Гедда (1881–1906). СПб., 1906; Празднование 25-летнего юбилея гимназии Е.М. Гедда. СПб., 1907).

37. Журнал (нем.).

38. На протяжении веков (нем.).

39. Мейман Эрнст (1862–1915) – немецкий психолог и педагог, один из основателей экспериментальной педагогики и педагогической психологии.

40. Д-р Дж. Че. Мутон был президентом Исполкома Конгресса.

41. Отчет Конгресса и Журнал 1913 г. «Воспоминания о нравственном воспитании», представленные на 2-м Международном конгрессе морального посвящения, проходившем в Айке с 22 по 27 августа 1912 года.

42. Барт (Barth) Эрнст Эмиль Пауль (1858–1922) – немецкий социолог и философ-идеалист.

43. Текст на конверте.

44. Нечаев Александр Петрович (1870–1948) – российский и советский психолог, один из основоположников экспериментальной педагогики. Доктор педагогических наук (1944) (Сакович И.А. Педагогические воззрения А.П. Нечаева. Дис. ... к.п.н. М., 2009. 150 с.).

45. Нечаев А.П. Психология школьного коллектива. М.: издание автора. 1928. 100 с.

46. Соловьёв Михаил Михайлович (1877–1942) – зоолог, историк науки, преподавал в Женском педагогическом институте.

«YOU ARE A FAVORITE TEACHER, YOU A GREAT AUTHORITY ...»: V.A. VOLKOVICH'S LETTERS TO S.F. PLATONOV (AUGUST 1909 - JULY 1929)

V.V. Mitrofanov

University at the Interparliamentary Assembly of the EurAaEC

Among the numerous correspondents of Academician S.F. Platonov there are surnames that are little known now. Among them is a prominent teacher V.A. Volkovich, who laid the foundations of putting practical pedagogy and psychology into the educational process at pedagogical institute. There is little information about her, the revealed letters addressed to S.F. Platonov make it possible in many respects to eliminate numerous gaps in her scientific and pedagogical activity. During the years of revolutions and the Civil War, she found herself in the North Caucasus, where she was actively involved in organizational and educational work. Together with authoritative scientists who, by the will of fate, found themselves in these places, she participated in the creation of a number of educational institutions, gave lectures, and headed Soviet institutions. Compiled for S.F. Platonov autobiography allows in many ways to correct the existing inaccuracies and significantly supplement the unknown pages of her life and creative path. The information contained in the letters depicts in all its diversity the difficult and tragic time of the first years of Soviet regime. The period of working together with S.F. Platonov V.A. Volkovich calls the golden time and the principal a favorite teacher and an outstanding patriot.

Keywords: V.A. Volkovich, S.F. Platonov, Civil War, scientific biography, memoirs, pedagogical and educational activities.

УДК 37.1

DOI 10.52452/18115942_2021_2_152

ПРОЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ-БИОЛОГОВ

© 2021 г.

**И.М. Швец, К.Д. Дятлова, Ю.В. Сеницына,
И.В. Стручкова, И.А. Колпаков**

Швец Ирина Михайловна – д.пед.н.; проф.; профессор кафедры биофизики
Института биологии и биомедицины
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
irina.shvets@hotmail.com

Дятлова Ксения Дмитриевна – д.пед.н.; доц.; профессор Центра исследований науки
и развития аспирантского образования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
xenia5204@mail.ru

Сеницына Юлия Витальевна – к.б.н.; доц.; доцент кафедры биохимии и биотехнологии
Института биологии и биомедицины
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jsin@inbox.ru

Стручкова Ирина Валерьевна – к.б.н.; доц.; доцент кафедры биохимии и биотехнологии
Института биологии и биомедицины
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
struchkova65@inbox.ru

Колпаков Илья Александрович – ведущий специалист по информационно-аналитической работе
Сектора контроля и мониторинга отдела качества, экспертизы
и мониторинга учебного процесса управления образовательных программ
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kolpakov@unn.ru

Статья поступила в редакцию 21.01.2021

Статья принята к публикации 27.04.2021

Представлено теоретическое обоснование разработки и внедрения проектно-ориентированного обучения в высшем профессиональном образовании в связи с реализацией новых образовательных стандартов. Обозначены основные направления, цели, этапы организации проектного обучения для освоения исследовательской деятельности в области биологии. Обозначены основные особенности реализации проектно-ориентированного обучения при обучении студентов-биологов. Целью данной статьи является теоретическое обоснование возможности проектного обучения студентов, предусматривающего освоение отдельных действий и навыков исследовательской деятельности.

Ключевые слова: проектно-ориентированное обучение, проектный метод, исследовательские навыки, проектный метод при преподавании биологических дисциплин.

Введение

В XXI столетии усиливается реформирование образования как в организационной, так и в содержательной его составляющей. Перестройка, предложенная European Higher Education Area (ЕНЕА) в Болонской Конвенции (1999), включает переход от системы образования, основанной на преподавании, к системе, основанной на учении, что делает студента центром образовательного процесса. В России реформы образования поддерживаются рядом федеральных законов и доктринами: Национальной доктриной образования в Российской Федерации; Нацио-

нальный проектом «Образование» (2019–2024); Федеральными государственными образовательными стандартами высшего образования и др.

Основная задача современного университетского образования – подготовка научного работника, исследователя. Формирование исследовательских умений и навыков успешно выполняет проектно-ориентированное обучение.

Преимущества и проблемы проектно-ориентированного обучения

Проектно-ориентированное обучение – это педагогическая технология, предусматриваю-

щая применение актуализированных знаний; оно ориентировано на самообучение, включает обучающихся в процесс образовательной деятельности от разработки идеи до ее осуществления. Проект – способ поэтапной организации и описания деятельности, направленной на изучение или осуществление изменений в окружающей природной или социальной среде за ограниченное время и с использованием ограниченного ресурса. Использование проектного метода на современном этапе развития системы профессионального образования всё более активно выявляет и раскрывает потенциал данного метода. В частности, проектно-ориентированное обучение, в отличие от классических методов, усиливает мотивацию и удовлетворенность студентов и развивает их умения и навыки, увеличивающие их востребованность в деловой сфере [1]. Метод проектов комплексно реализует целый ряд педагогических принципов, актуальных сегодня. Среди этих принципов можно выделить следующие:

- самостоятельность студентов;
- сотрудничество студентов между собой, с преподавателями и работодателями;
- учёт индивидуальных особенностей студентов;
- актуализация субъектной позиции обучающихся;
- взаимосвязь педагогического процесса с реальным социальным и природным (особенно в биологическом и экологическом образовании) окружением.

В процессе проектно-ориентированного обучения студенты учатся совместно работать над поиском решения определенной проблемы. Освоение проектного метода в ходе учебы позволяет выпускнику вуза легче адаптироваться к реальной трудовой деятельности, поскольку проекты в настоящее время находят всё большее распространение в производственной и социальной сферах [2; 3].

Обучающиеся с применением проектного метода студенты имеют возможность индивидуализировать стиль учения, полнее использовать свои психологические и физиологические особенности и возможности. Индивидуальный подход при проектном обучении позволяет более эффективно выстроить работу с «нестандартными» студентами (лицами с ограниченными возможностями, с особенностями психики и др.) При этом каждый участник образовательного процесса может найти себе доступную и интересную роль в проекте, работать с комфортной для себя скоростью. Индивидуальный темп работы над проектом обеспечивает выход каждого обучаемого на свой уровень развития.

Метод проектов широко представлен в высшей школе: в бизнес-образовании, в гуманитарных и инженерно-технических дисциплинах [4–6]. В то же время о применении методологии проектно-ориентированного обучения в высшем биологическом образовании сообщают лишь единичные источники [7].

Проектная учебная деятельность и научная работа похожи по своей организации, целям, требуемым для их реализации компетенциям (табл. 1).

Последний этап (завершение проекта) в проектном обучении зачастую отсутствует в научной деятельности. Но именно полноценное завершение проекта позволяет максимально реализовать дидактическую и методическую функции этого метода. Эта фаза очень важна. Качественное её проведение позволяет обеспечить мотивацию студентов для продолжения проектного обучения.

Для качественной подготовки будущие биологи-исследователи должны неоднократно пройти все перечисленные этапы научной работы, в частности в рамках проектно-ориентированного обучения. Именно оно позволяет максимально приблизиться к реальным условиям. Традиционные же методы обучения (лекции, семинары) таким потенциалом не обладают. В ходе реализации проектов происходит освоение и совершенствование и личностных характеристик, и профессиональных умений студентов.

Достижение этих целей происходит путём решения развивающих и воспитательных задач проектного обучения.

1. Развивающие (исследовательские умения) задачи:

- научить студентов самостоятельно решать поставленные задачи исследования: вскрывать причины и объяснять суть изучаемого явления; определять пути, механизмы и способы выхода из создавшейся ситуации; учитывать влияние на ситуацию социальных, биологических, геохимических, антропологических, личностных и других факторов;
- научить учащихся предвидеть учебные проблемы, которые возникают на пути достижения цели проекта;
- сформировать у учащихся умение работать с информацией (вести поиск источников, анализ и обработку информации);
- сформировать у учащихся навыки проведения исследовательской работы, передачи и презентации полученных знаний и опыта, навыки работы и делового общения в группе;
- сформировать у учащихся навыки создавать, изобретать новые оригинальные стратегии поведения и деятельности.

Таблица 1

Сопоставление типичных этапов научной работы и выполнения учебного проекта

Этапы научной работы	Этапы проектного обучения
1. Получение информации (оценка актуальности проблемы)	1. Выбор темы проекта
2. Анализ информации, целеполагание	2. Сбор исходных данных и анализ существующего состояния исследуемой проблемы. Формулировка цели
3. Формулирование идей/гипотез	3. Планируемые результаты
4. Планирование работы; формулировка задач, которые следует решить; выбор средств и методов, адекватных поставленным целям; определение последовательности, сроков этапов работы и конкретных исполнителей	4. Планирование работы: задачи, основные требования, ограничения, критерии, уровень риска, окружение проекта, ресурсы, стандарты качества, структура проекта, основные работы. Назначение руководителя и формирование команды проекта; установление контактов и изучение целей, мотивации и требований участников
5. Проведение работы	5. Реализация проекта: организация работы группы, оперативное планирование, выполнение работ, функционирование системы контроля хода работ (мониторинг), рефлексия
6. Обработка результатов, их соотнесение с гипотезой	6. Обработка результатов
7. Отчет о проделанной работе (не как документ, а как процедура)	7. Презентация проекта – отображение результатов и представление проекта; оценка и самооценка выполненной работы
8. —	8. Завершение проекта: планирование процесса завершения, оценка процесса и результатов, подведение итогов, разрешение конфликтных ситуаций (если они имели место), накопление данных для последующих проектов, расформирование команды проекта

2. Воспитательные задачи, необходимые в подготовке исследователя:

- реализация межпредметных связей;
- ориентация на интересы учащихся;
- связь с реальной жизнью и с ситуацией в вузе и в обществе;
- соединение теории и практики;
- соединение когнитивной, эмоциональной и волевой сфер личности;
- организация общения студентов не только друг с другом, с преподавателем, но и с другими людьми; развитие культуры общения, формирование готовности к сотрудничеству в коллективе, к диалогу;
- повышение самооценки учащихся и мотивации к учению;
- обеспечение самопознания, формирования жизненной позиции, развития рефлексивной способности.

Организационная компонента научной деятельности предполагает, что научный сотрудник умеет:

- 1) просить (или, в отдельных случаях, предлагать) необходимые ресурсы для организации научной деятельности;
- 2) планировать свою деятельность и поступки, учитывая обстоятельства;
- 3) соглашаться или не соглашаться с мнением других людей;
- 4) принимать решения;
- 5) отчитываться о своей работе.

Студент обычно этого не умеет (по крайней мере, на необходимом в научной работе уровне). В отличие от традиционного образования, проектно-ориентированное обучение способствует формированию или развитию этих важных умений.

При использовании метода проектов возникают проблемы и ограничения двух типов: общие для преподавания всех предметов и частные – при преподавании биологических дисциплин.

Общие проблемы, сопровождающие проекты любого типа, неоднократно упоминались в литературе [8]. Наиболее часто обсуждаются следующие проблемы.

1. Проект трудно вписать в учебный план в условиях жесткого расписания других дисциплин, если университет в основном работает непроектными методами обучения. В связи с этим одним из первых шагов в сторону внедрения проектной методологии предлагается постепенное внедрение отдельных элементов проектной деятельности [7].

2. Смена роли педагога при обучении проектным методом требует от него более разносторонней подготовки и владения методологией проектного обучения. Необходимо, чтобы преподаватели освоили проектный метод не просто на уровне воспроизведения действий в проекте, а овладели методологией проектирования [9]. Преподаватель как руководитель коллективной научной работы должен внимательно изучать индивидуальные особенности всех студентов,

работающих в проекте, чтобы наилучшим образом использовать их возможности, и не ждать и не требовать от них того, чего они сделать не смогут. Преподаватель, организуя выполнение проекта, должен предупредить конфликтные ситуации в коллективе, спланировать и организовать атмосферу творчества и взаимопонимания. Если такие ситуации всё-таки возникают, желательно их рассматривать коллегиально. При совместном обсуждении необходимо предусмотреть, чтобы все участники смогли высказаться по спорному вопросу и найти компромиссное решение, удовлетворяющее всех. Преподаватель в проектной деятельности должен отслеживать не только усвоенные знания и умения, как в традиционном обучении, но и деятельность всех участников в проекте, ход и результаты выполнения проекта. Необходимо проверять, соответствует ли ход выполнения проекта плану; корректировать план или ход выполнения проекта при их несоответствии; оценивать, способствует ли план успешности достижения цели проекта, возможна ли адаптация плана при неучтённых изменениях условий выполнения проекта.

3. При использовании проектного метода встают этические проблемы. В первую очередь они касаются взаимоотношений преподавателя и студентов. В этих взаимоотношениях преподаватель может оказаться в чём-то некомпетентным, особенно при выполнении междисциплинарного проекта. Но, выступая в роли консультанта, преподаватель должен владеть методологией проектного обучения и организовывать встречи и консультации с необходимыми специалистами [10].

Перед преподавателем как организатором проектного обучения встают следующие задачи:

- сформировать коллектив исследователей на добровольной основе и обучить их методологии проектного обучения в области научного исследования;
- организовать и помочь спланировать весь комплекс научного исследования и определить функции каждого из участников коллектива;
- обеспечить контроль выполнения исследования;
- спланировать и организовать атмосферу творчества и взаимопонимания в коллективе.

Самое главное заключается в том, чтобы все участники проекта были увлечены исследовательской работой и чётко понимали свою роль, а также ответственно подходили к тому, на что указывает преподаватель.

4. При возрастании требований к педагогу растёт острота вопроса достойной оплаты труда. В большинстве случаев, в частности в рос-

сийской системе образования, даже успешное овладение преподавателем методологией проектного метода не поощряется материально, а часто подразумевается как работа волонтера. В связи с этим можно отметить низкий уровень мотивации преподавателей и персонала к использованию данной технологии.

5. Внедрению проектного метода сильно препятствует недостаточный уровень сформированности у студентов умений исследовательской деятельности, что приводит к снижению их мотивации к участию в проекте. Если студенты не способны анализировать литературу, формулировать проблемы, строить гипотезы, планировать и организовывать действия, согласовывать работу и прогнозировать результаты, то проект для них становится *terra incognita* и пугает своей кажущейся невыполнимостью.

6. Ещё одна проблема – нечёткость определения критериев оценки процесса и результатов работы каждого участника в групповом проекте. Возможны несколько подходов к оценке работы участников проекта:

- преподаватель или внешний эксперт оценивает достижение цели проекта, все участники получают равные баллы (безусловно, подобный подход дискредитирует саму идею индивидуализации обучения и самостоятельности и субъектной позиции обучающихся);
- итоговую оценку за проект выставляет преподаватель, отслеживая выполнение работы каждым учащимся в ходе проекта;
- преподаватель разрабатывает балльно-рейтинговую систему, учитывающую работу каждого участника на всех этапах проекта, и доводит её до студентов перед началом проекта;
- преподаватель разрабатывает балльно-рейтинговую систему совместно со студентами и корректирует её в ходе выполнения проекта;
- студенты (совместно с преподавателем или без него) проводят мониторинг деятельности каждого члена проектной группы и выставляют ему оценку по окончании проекта;
- каждый член группы по окончании проекта проводит самооценку своей деятельности и согласовывает её с другими членами группы и/или с преподавателем;
- преподаватель или внешний эксперт оценивает весь проект в целом, индивидуальные оценки студентов уточняются/корректируются на этапе рефлексии.

Современная экспериментальная биология, с одной стороны, является неистощимым источником привлекательных для студентов проблем, напрашивающихся на решение проектным методом. С другой стороны, сложность и разнообразие биологических систем вызывает к жизни проблемы реализации проектов, которые мы

назовем специфическими для биологического образования.

Так, классическое биологическое исследование требует использования живых объектов (клеток или тканей организма, целого организма или совокупностей организмов). Для сколько-нибудь длительного проекта эти живые объекты необходимо культивировать (обычно в специализированных помещениях), причем за ними потребуются регулярный контроль и уход. Вероятнее всего мы столкнемся с необходимостью ежедневного ухода. Для студентов, параллельно изучающих несколько учебных дисциплин, частая и регулярная работа по уходу за объектом может стать большой трудностью. С другой стороны, лаборатории университета или института, предназначенные для культивирования живых объектов, обычно имеют особый статус, а также могут использоваться персоналом в то время, когда студенты имеют возможность работать в них. Следует также учесть, что культивирование живых объектов всегда связано с определенным риском их гибели. Понятно, что незапланированная потеря объекта исследования фатальна для проекта.

Члены проекта и преподаватель могут столкнуться с биоэтическими проблемами. Зонной интереса, очень привлекательной для студентов-биологов, является биомедицина. Некоторые студенты отказываются от реализации интересных им проектов в области биомедицины, если встают перед необходимостью убивать лабораторных животных. Использование проектного метода позволяет разрешить данную проблему двумя путями с учетом биоэтического принципа 3R – Replacement («замена»), Reduction («сокращение»), Refinement («уточнение»):

- рассчитать минимальное количество экспериментальных животных и предложить выполнить эксперимент тем студентам из группы, которые хотят и умеют работать с экспериментальными животными;

- продумать и исполнить модельный эксперимент, то есть заменить экспериментальное животное моделью.

Следует также помнить, что биологические объекты и методики их исследования могут представлять определенную опасность для здоровья людей и окружающей среды. Преподаватель, реализующий проектно-ориентированное обучение в биологических дисциплинах, должен быть способен распознать эти опасности уже на этапе планирования и помочь студентам избежать их. Именно на преподавателе лежит обязанность контроля за неукоснительным соблюдением техники безопасности при работе с биологическими материалами.

Еще одной проблемой, специфичной для биологического образования, можно назвать высокую сложность и дороговизну выполнения многих экспериментальных методик. Овладение методиками, привлечение студентов, может быть весьма длительным процессом, что не всегда возможно в условиях ограниченного во времени студенческого проекта. Приборы и реактивы могут оказаться недоступны из-за их дороговизны, длительности поставки и ряда других причин.

Простейший путь решения описанной выше проблемы – упростить цель и структуру проекта для минимизации всех возможных проблем. Однако этот путь таит в себе опасность снижения уровня студенческих проектов с необходимого научно-исследовательского до примитивно-школьного, а в результате – к утере мотивации и потере интереса к проекту у студентов. В этом случае проектное обучение не достигнет главной цели – развития исследовательских навыков.

Выделяют три основных направления, по которым формулируются цели при организации учебной проектной деятельности [10].

Первое направление связано с ориентацией на конечный продукт. Конечным продуктом в этом случае могут быть реальные изделия, алгоритм изготовления которых уже известен: макет, иллюстрирующий строение биологического объекта, коллекция лекарственных растений конкретного региона, биомасса дрожжей определенного штамма и т.д. Продуктом может являться результат мониторинга (например, динамики концентрации вредных или иных веществ в окружающей среде, накопления продуктов метаболизма или лекарственной терапии в крови больного). Продуктом также может стать готовое решение проблемы (научной, социальной, бытовой, производственной и т.д.). Наконец, продуктом проектной деятельности может быть получение знаний (такие учебные проекты популярны в средней школе). Наиболее востребованными в биологическом образовании оказываются проекты по решению научных проблем и мониторинговые проекты. Они чаще всего организуются при выполнении выпускных квалификационных работ.

Второе направление целеполагания в организации проектного обучения ориентировано на личностный рост, а именно на изменение ряда характеристик обучающихся: уровня самостоятельности, уровней развития когнитивной, коммуникативной, рефлексивной сфер сознания и ряда других. Отслеживание данных характеристик очень важно и для выявления, и для развития исследовательских навыков обучающихся.

Третье направление целеполагания связано с развитием профессиональных навыков, в том числе исследовательских. В этом случае проектное обучение имеет ориентацию «на реальность», под которой понимают интеграцию тех изменений, которые происходят в участниках проекта при получении конкретного продукта через освоение определённого вида деятельности, востребованного сообществом.

Цели и этапы проектно-ориентированного обучения студентов-биологов

При обучении биолога-исследователя учебный проект должен служить достижению триединой цели:

- наличие конечного продукта – решение научной проблемы;
- рост личностных характеристик обучающихся – развитие когнитивной, мотивационной, коммуникативной, рефлексивной сфер;
- развитие профессиональных, прежде всего исследовательских, умений.

Эти три направления в целеполагании определяют те преимущества, что даёт проектный метод для освоения исследовательской деятельности и совершенствования исследовательских навыков обучающихся. В высшем профессиональном образовании для совершенствования исследовательских навыков обучающихся важны все три направления в целеполагании. Однако в традиционном обучении – это, как правило, индивидуальные исследовательские проекты. Мы же предлагаем внедрять элементы проектного метода с самого начала обучения студента, что позволяет на старших курсах организовать групповые исследовательские проекты.

При выполнении проектов первого направления (ориентированных на результат) для освоения исследовательской деятельности целесообразны будут проекты, обучающие работать с научной литературой. Готовым продуктом таких проектов будут рефераты, обзоры. К сожалению, в настоящее время после школы студенты принимают за норму бездумное копирование целых фрагментов текста из разных источников при подготовке рефератов. Для биолога-исследователя необходимо развитие навыков анализа и критического осмысления текста для последующей формулировки проблем для актуальных научных исследований.

Второе направление в целеполагании проектов предполагает отслеживание ряда личностных характеристик обучающихся. Развитие когнитивной сферы студентов весьма успешно происходит и при традиционном обучении, однако такие сферы, как мотивационная, коммуникативная, рефлексивная, при традиционном

обучении практически не затрагиваются. Развитие мотивационной сферы студентов будет более успешным, если в проекте им будут в большей степени предоставляться моменты выбора, а не «навязывания»: при определении темы проекта, при определении функциональных обязанностей каждого в проекте, при обсуждении хода и итогов проекта. Необходимо на протяжении всего хода проекта поддерживать интерес всех участников к нему.

В традиционном обучении в высшей школе групповая работа предусмотрена в весьма ограниченном объёме. Проектное обучение позволяет преодолеть данное ограничение. Коммуникации активно устанавливаются при организации групп в проекте на основе проявления личностного интереса в осуществлении той или иной функции в группе для выполнения проекта. Обучающиеся должны не просто заявить о том, что они могут сделать в проекте, а убедить всех, что они могут сделать это лучше остальных, и договориться со всеми о сроках и качестве проделанной работы. Устанавливается большая ответственность за проделанную работу – не подвести группу, а не только себя. Умение договариваться становится особенно необходимым при возникновении непредвиденных трудностей в ходе проекта, а они, как правило, случаются всегда. Умение найти общий язык, не затрагивая личностных особенностей коллег, не справившихся с трудностями, помочь им преодолеть возникшие трудности и, главное, при этом сохранить атмосферу взаимопомощи, не утратить интерес к исследованию является проявлением развития коммуникативной сферы участников.

В ходе развития коммуникативной сферы происходят изменения не только в умениях общаться, но и в социальных умениях и навыках сотрудничества. Социальные навыки сотрудничества направлены на организацию групп, установление определённых норм поведения, необходимых для эффективной совместной деятельности. Они, по существу, включают в себя и навыки общения. Исследователи выделяют четыре уровня социальных умений и навыков сотрудничества.

На первом уровне формируются социальные умения, необходимые для организации группы и совместной деятельности в ней (использовать элементарные правила общения в группе: поочередно высказываться, не перебивая друг друга; прикладывать усилия для достижения поставленной перед группой цели; контролировать себя в общении и др.).

Второй уровень предполагает формирование так называемых функциональных социальных

умений сотрудничества. К таким умениям относятся социальные умения и навыки, необходимые для управления деятельностью группы по выполнению задания и поддержанию межличностных отношений в группе (задавать вопросы, чтобы лучше понять задание; делиться мнениями и мыслями, задавать направление деятельности группы, поощрять и поддерживать всех членов группы вербально и невербально).

На третьем уровне становления навыков сотрудничества формируются формулирующие социальные навыки, которые помогают углублять понимание всех процессов в проекте. Именно эти навыки помогают более глубоко осознать проблему, что способствует более обоснованному принятию стратегий в её решении. Такие умения и навыки, специально направленные на умственную переработку материала, выражаются в умении подводить итоги, более точно делать обобщения при формулировках, связывать вновь изучаемый или получаемый в ходе эксперимента материал с уже известным, удостоверяться, всем ли понятны необходимые материалы и требования. Важно отследить проявление навыков этого уровня на заключительных этапах выполнения проекта.

Навыки сотрудничества последнего, четвёртого уровня называются побудительными социальными навыками, которые необходимы для стимулирования дальнейшей работы над проектом, понимания необходимости перегруппировки обязанностей и ролей внутри группы, понимания организации более эффективной работы в группе на основе более глубоких обоснований как для постановки проблемы, так и для поиска её решений. На данном уровне конфликтные ситуации разрешаются не только с учётом личностных установок участников проектного процесса, но и с возможностью использования более эффективного способа достижения цели проекта [11; 12].

Развитие рефлексивной сферы также предусмотрено в реализации проектной деятельности. Для этого организуется специальный рефлексивный этап, который является обязательным по окончании выполнения проекта. В ходе этого этапа каждый член группы осуществляет самооценку активности, собственного поведения, личностной результативности в усвоении новых знаний, формировании новых умений и навыков, а также общего вклада в результат всей группы. По этим же критериям он даёт оценку другим членам группы и обосновывает её. Особенно подчёркиваются положительные моменты каждого в выполнении проекта. Члены группы обмениваются мнениями по поводу того, что мешало справиться с заданием. В процессе об-

мена мнениями все участники должны сделать вывод о том, достигла ли группа поставленной цели, как результаты способствуют разрешению выявленной проблемы, насколько хорошо работала группа, как часто каждый член группы использовал требуемое исследовательское и социальное умение, что нужно сделать для совершенствования навыков исследования и навыков группового взаимодействия.

Для второго направления целеполагания проектной деятельности важно также отслеживание изменения уровня самостоятельности студентов. Уровень проявления студентом самостоятельности, как правило, находится в соответствии с уровнем освоения учебной деятельности. При освоении начального уровня учебной деятельности все действия учащегося находятся под полным контролем преподавателя. Так происходит освоение отдельных операций и действий проектной деятельности. На следующем уровне при усвоенных отдельных элементах проектной деятельности студент способен проявить активность в планировании своей учебной деятельности, но при консультировании с преподавателем и хотя бы частичном его контроле. На этом уровне как раз выполняются курсовые работы и курсовые проекты. Курсовые работы, как правило, индивидуальные, а курсовые проекты могут быть и групповыми. На творческом уровне проявления самостоятельности студент полностью овладевает учебной деятельностью, в том числе и проектной, и способен проводить исследование в ходе проекта самостоятельно при консультировании, но вне постоянного контроля преподавателя.

Как показывает опыт, при определённой системе организации проектной деятельности, все перечисленные выше сферы личностного развития участников – от мотивационной до рефлексивной – весьма эффективно развиваются, что способствует совершенствованию исследовательских навыков.

Третье направление в целеполагании проектной деятельности – по освоению определённых видов деятельности – непосредственно предполагает освоение какого-либо вида деятельности. Это могут быть проекты по освоению учебной, игровой, художественной, педагогической, какой-либо практической деятельности. Разные исследователи выделяют разное количество видов деятельности и по-разному их классифицируют. Для студентов естественнонаучных направлений, в том числе и по направлениям «Биология» и «Экология», наиболее востребованы проекты по освоению исследовательской деятельности.

Таблица 2

Вариант упорядочивания целей в проектном обучении в бакалавриате

Цели учебных проектов	По освоению связей между дисциплинами	По освоению связей между обучающимися	По ориентации на конечный продукт	По уровню самостоятельности	По ориентации на развитие личностных сфер	По освоению видов деятельности
I этап (I семестр)	Монодисциплинарные	Индивидуальные или малые группы	Конспекты лекций или глав учебников	Низкий (по инструкциям и под контролем)	Развитие когнитивной сферы	Освоение учебной деятельности
II этап (II семестр)	Монодисциплинарные	Индивидуальные или малые группы	Рефераты, обзоры по теме	Средний с использованием консультаций	Развитие когнитивной и коммуникативной сфер	Совершенствование учебной деятельности
III этап (III семестр)	Монодисциплинарные	Индивидуальные или малые группы	Отчет об освоении экспериментального метода	Средний с использованием консультаций	Развитие когнитивной и рефлексивной сфер	Освоение практической деятельности
IV этап (IV семестр)	Междисциплинарные	Групповые	Мониторинг показателя/показателей	Средний	Развитие всех личностных сфер	Освоение исследовательской деятельности
V этап (V–VI семестры)	Междисциплинарные	Групповые	Ориентация на решение научных проблем	Высокий	Развитие всех личностных сфер	Совершенствование исследовательской деятельности

Следить за реализацией целей всех направлений преподавателю бывает проблематично. Как правило, особенно на первых порах использования проектного метода, преследуются цели какого-то одного направления, а другие реализуются опосредованно.

Наиболее полно потенциал проектного метода проявляется при выстраивании цепи проектных заданий, каждое звено которой имеет свои собственные цели по каждому из трёх перечисленных выше направлений. Эта цепь представлена в табл. 2.

Последовательность в усложнении формы организации проектной деятельности в идеале должна определяться, в первую очередь, уровнями развития самостоятельности и личностных сфер обучающихся, а также освоением ими тех или иных видов деятельности. В этом случае студенты, продвигаясь по этой цепи проектов, будут постепенно совершенствовать свои исследовательские навыки. Однако следует отметить, что реализация полной цепи усложняющихся проектов в настоящее время встречается крайне редко. Чаще метод проектов используется от случая к случаю, в зависимости от освоенности этого метода конкретным педагогом, и определяется в основном содержанием преподаваемого учебного курса. Возможно, для других направлений подготовки студентов необхо-

дима другая последовательность целей организации проектов в учебном процессе, но необходимо отметить, что любое упорядочивание этих целей будет способствовать достижению более осмысленных результатов.

Заключение

Формирование и развитие исследовательских навыков студентов-биологов методами проектно-ориентированного обучения в полном объёме может быть достигнуто только при применении этой педагогической технологии, начиная с первого курса и до конца обучения, при использовании цепи усложняющихся проектов. Желательно, чтобы проектный метод использовался всеми (большинством) преподавателей при изучении различных курсов. Авторами данной статьи уже несколько лет реализуется с некоторыми модификациями цепь проектов при обучении студентов-биологов в Нижегородском государственном университете им. Лобачевского. Результаты внедрения проектно-ориентированного обучения будут изложены в следующей статье.

Список литературы

1. Гергерт Д.В., Артемьев Д.Г. Практика внедрения проектно-ориентированного обучения в вузе //

Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23 (4). С. 116–131.

2. Гансуар К.Д., Неретина Е.А., Корокошко Ю.В. Опыт проектно-ориентированного обучения и организации командной работы студентов вуза // Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 2. С. 22–30.

3. Zhylybay G., Magzhan S., Suinzhanova Z., Balabekov M., Adiyeva P. The effectiveness of using the project method in the teaching process // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 143. P. 621–624.

4. Lowney K.S. Ask teaching sociology: what should faculty consider before having students conduct research in class? // Teaching Sociology. 2014. Vol. 42 (3). P. 240–244.

5. Rodriguez J., Simavilla A.L., del Cura J.M., Ezquerro J.M., Lapuerta V., Cordero-Gracia M. Project based learning experiences in the space engineering education at Technical University of Madrid // Advances in Space Research. 2015. Vol. 56. P. 1319–1330.

6. Calvo L., Prieto C. The teaching of enhanced distillation processes using a commercial simulator and a

project-based learning approach // Education for Chemical Engineers. 2016. Vol. 17. P. 65–74.

7. Carrio M., Larramona P., Banos J.E., Perez J. The effectiveness of the hybrid problem-based learning approach in the teaching of biology: a comparison with lecture-based learning // Journal of Biological Education. 2011. Vol. 45 (4). P. 229–235.

8. Douladeli E. Experiential education through project based learning // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 152. P. 1256–1260.

9. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 668 с.

10. Швеи И.М. Проектный метод: особенности и проблемы использования в высшей школе // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №3 (4). С. 235–240.

11. Полат Е.С. Обучение в сотрудничестве // Профессиональное образование. 2004. № 4. С. 10–11.

12. Храмова М.А. Продуктивность сотрудничества субъектов образовательного процесса // Образование в современном мире. 2010. № 5. С. 211–214.

PROJECT-BASED LEARNING AS A TOOL FOR RESEARCH SKILLS OF BIOLOGY STUDENTS FORMATION AND DEVELOPMENT

I.M. Shvets, K.D. Dyatlova, Yu.V. Sinitsyna, I.V. Struchkova, I.A. Kolpakov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article is about the theoretical justification for the development and implementation of project-based learning in higher professional education due to the implementation of new educational standards. The main directions, goals, and stages of organizing project-based training for mastering research activities of the biology students are outlined. The main features of the implementation of project-based learning in the training of biology students are characterized.

Keywords: project-based learning; project method; research skills; project method in teaching biological disciplines.

**ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО**

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (62)

2021

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 21,4. Усл. печ. л. 18,6. Тираж 100 экз. Заказ № 252.
Дата выхода в свет: 30.06.2021
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет